

Кэтрин Бу

ОБЛАДАТЕЛЬ ПУЛИЦЕРОВСКОЙ ПРЕМИИ

...

В тени вечной красоты

ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ И ЛЮБОВЬ В ТРУЩОБАХ МУМБАЯ

2 НАЦИОНАЛЬНЫЕ КНИЖНЫЕ ПРЕМИИ
ЛУЧШАЯ КНИГА **2012** ГОДА ПО МНЕНИЮ:

THE NEW YORK TIMES • THE WASHINGTON POST • O: THE OPRAH MAGAZINE • USA TODAY • NEW YORK
SAN FRANCISCO CHRONICLE • PEOPLE • ENTERTAINMENT WEEKLY • THE WALL STREET JOURNAL
THE BOSTON GLOBE • THE ECONOMIST • FINANCIAL TIMES • TIME OUT NEW YORK • PUBLISHERS WEEKLY

Кэтрин Бу

ОБЛАДАТЕЛЬ ПУЛИТЦЕРОВСКОЙ ПРЕМИИ

...

В тени вечной красоты

ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ И ЛЮБОВЬ В ТРУЩОБАХ МУМБАЯ

2 НАЦИОНАЛЬНЫЕ КНИЖНЫЕ ПРЕМИИ
ЛУЧШАЯ КНИГА **2012** ГОДА ПО МНЕНИЮ:

THE NEW YORK TIMES • THE WASHINGTON POST • O: THE OPRAH MAGAZINE • USA TODAY • NEW YORK
SAN FRANCISCO CHRONICLE • PEOPLE • ENTERTAINMENT WEEKLY • THE WALL STREET JOURNAL
THE BOSTON GLOBE • THE ECONOMIST • FINANCIAL TIMES • TIME OUT NEW YORK • PUBLISHERS WEEKLY

Кэтрин Бу

**В тени вечной красоты. Жизнь,
смерть и любовь в трущобах
Мумбая**

Katherine Boo
BEHIND THE BEAUTIFUL FOREVERS:
LIFE, DEATH, AND HOPE IN A MUMBAI UNDERCITY
Copyright © 2012 by Katherine Boo

© Крейнина И.А., перевод на русский язык, 2013
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес
(www.litres.ru)

*Посвящается Сунилу Хилнани и Сунилу
Шарме, научившим меня никогда не сдаваться.*

Пролог

Среди роз

17 июля 2008 г., Мумбаи^[1]

Близилаьсь полночь. Остатки одежды сгоревшей одноногой женщины тлели во дворе. Мумбайская полиция рыскала в поисках Абдула и его отца. В жалкой хижине среди трущоб, притулившихся недалеко от международного аэропорта, прошло экстренное совещание родителей Абдула. Они были на удивление скупы на слова, когда вынесли свой вердикт. Больной отец останется здесь, в этой наскоро сколоченной из всякого попавшегося под руку хлама хибаре с металлической крышей, в которой ютилось семейство из одиннадцати человек. Он будет ждать, пока за ним придут, и безропотно последует за полицейскими, когда его арестуют. А вот сын, кормилец и добытчик, должен бежать.

Что думает сам парень об этом плане, не принималось во внимание. Впрочем, как всегда. Да к тому же он был в полном оцепенении от страха. Абдулу недавно исполнилось шестнадцать. А может, девятнадцать? У родителей была плохая память на даты. Аллах по своей непостижимой мудрости создал его невысоким и юрким. «Так и должен выглядеть настоящий трус», – говорил себе Абдул. Он не умел скрываться от полиции. Он разбирался только в сортировке мусора. Сколько себя помнил, все часы бодрствования посвящал одному занятию: покупке отходов, выбрасываемых богатыми и благополучными людьми вещей, и перепродаже их тем, кто занимался переработкой.

Сейчас он понимал, что надо спрятаться, но представить себе не мог, как это делается. Абдул пустился бежать, однако вскоре вернулся домой. В голову не пришло ничего лучше, чем забраться в кучу мусора на своем собственном маленьком складе.

Он толкнул скрипучую дверь семейного жилища и выглянул наружу. Домишко стоял в самой середине трущобного квартала среди таких же лачуг, сооруженных из остатков разных строительных материалов. Кривобокий сарай, служивший складом, был тут же, рядом. Абдулу надо было быстро и незаметно пробраться туда, лишив соседей удовольствия сдать его полиции.

Но луна пугала его. Полная и до безобразия яркая, она освещала пыльный пустой двор перед домом. Напротив виднелись хижины еще двух десятков семей. Мальчику казалось, что в каждой у фанерной двери кто-то стоит и украдкой поглядывает на улицу. Некоторые жители трущоб ненавидели Абдула и его родителей по причине старой взаимной неприязни между мусульманами и индуистами. Другие относились к нему и его близким плохо по другим, более современным, экономическим причинам. Они завидовали мусорщику: этот парень, занимавшийся презираемым многими индийцами ремеслом, неплохо по здешним меркам обеспечивал всю большую семью. Его заработок позволил им выбраться из нищеты.

Во дворе все было до странности тихо и спокойно. Здесь, у берегов небольшого пруда с нечистотами, служившего восточной границей трущобного района, поздно вечером обычно всегда царила суматоха. Местные жители дрались, готовили еду, флиртывали, мылись, пасли коз, играли в крикет, толпились возле колонки, выстраивались в очередь возле небольшого борделя. А те, кто вляпался в черную жижу со сладковатым трупным запахом, сочившуюся из-под двери хибары через несколько домов от жилища Абдула, пытались смыть себя эту грязь и избавиться от вони. Страстям, кипевшим за стенами убогих лачуг в узких проулочках, некуда было выплеснуться, кроме как на этот *майдан*^[2]. Но после недавно разразившейся здесь драмы и самосожжения женщины, которую местные именовали просто «одноногая», все попрятались в свои дома.

Сейчас во дворе почти никого не было: лишь несколько полудиких свиней, водяной буйвол и несколько пьяниц с отвислыми животами. Разумным можно было назвать лишь одно присутствовавшее здесь существо – молчаливого мальчонку из Непала. Он сидел у грязного водоема, обхватив руками колени. Его фигура была окутана голубой дымкой: неоновые огни расположившейся на другой стороне пруда роскошной гостиницы отражались в воде и бросали фантастические отсветы на эту худенькую фигурку.

Не беда, если непалец увидит, как Абдул прячется в сарае. Этот мальчик, Адарш, уж точно не подосланный полицией шпион. Он просто любит допоздна сидеть во дворе, спасаясь от ежевечерних припадков ярости, которым подвержена его мать.

Вряд ли Абдулу представился бы более подходящий момент, чем сейчас. Он проскочил в сарай и запер за собой дверь.

Внутри было темно, хоть глаз выколи. По углам с жутковатым шорохом копошились крысы. И все же здесь ему было спокойнее. Склад

площадью 110 квадратных метров был завален хламом до хлипкой, вечно протекающей крыши. Но это были его владения; он знал, как с этим управляться. Здесь были пустые бутылки от воды и виски, заплесневелые газеты, аппликаторы от использованных тампонов, смятая фольга, остовы зонтиков, с которых ветром сорвало ткань, шнурки от ботинок, пожелтевшие ватные палочки, кассеты с вывалившейся и запутавшейся магнитной лентой, разорванные пластиковые коробки от поддельных кукол Барби. Где-то в темноте валялись и сами эти фальшивые «Берби» или «Барбли», покалеченные во время жестоких экспериментов, продельваемых избалованными детьми над надоевшими им игрушками. Абдул с годами научился мастерски сортировать свои сокровища, чтобы легче было в них ориентироваться, так что куклы сейчас складированы все вместе в отдельной куче.

Надо быть осторожным, избегать проблем. Так сказать, держаться от греха подальше. Этот жизненный принцип Абдул Хаким Хусейн усвоил так глубоко, что, казалось, он отпечатался у него на лбу. У юноши были глубоко сидящие глаза, впалые щеки, мускулистое и гибкое тело. Именно такая комплекция идеальна для жителя трущоб, которому вечно приходится пробираться через кишачие людьми узкие переулки. Весь он был как-то очень «компактно сбит», за исключением, пожалуй, только оттопыренных ушей и торчащих в разные стороны кудряшек, которые иногда, когда он стирал пот со лба, выглядели по-девичьи трогательно.

Незаметная, позволяющая раствориться в толпе внешность – полезное свойство для обитателя Аннавади, вонючей дыры, застроенной трущобами. Здесь, посреди благополучного западного пригорода индийской финансовой столицы, три тысячи человек ютились друг у друга на головах в трехстах тридцати пяти убогих хижинах. В этом квартале шла вечная ротация – постоянно приезжали и уезжали мигранты со всех концов страны. В основном это были индуисты, представители различных каст, цехов, религиозных общин. Верования и традиции соседей были столь разнообразны и причудливы, что Абдул, один из трех десятков мусульман Аннавади, даже не пытался в этом разобраться. Он просто понимал, что отношения в районе непростые, в них много тонкостей и хитросплетений. Тут вообще было много всего разного, старого и нового, и со всем этим надо быть осторожным. Одного нельзя отрицать: **Аннавади – просто золотая жила для мусорщика, умеющего извлекать деньги из выбрасываемых богатыми бытовых отходов.**

Абдул и его соседи нашли себе приют на земле, принадлежавшей

аэропорту и смежным ведомствам. От центрального входа в международный терминал трущобы отделяло лишь широкое шоссе с растущими вдоль него кокосовыми пальмами. Вокруг Аннавади расположились пять пятизвездочных отелей, в которых селились многие из прибывающих в город гостей. Четыре гостиницы представляли собой помпезные каменные строения с роскошным восточным декором. Стены пятой, «Хайат», сплошь были из голубоватого стекла. С верхних этажей этой башни Аннавади и несколько других бедных поселений выглядели как микроскопические деревеньки, притулившиеся между элегантными современными районами.

– Вокруг нас одни розы, – говаривал Мирчи, младший брат Абдула. – Только мы тут, как дерьмо среди роз.

В начале двадцать первого века, когда экономика Индии начала стремительно расти, уступая разве что китайской, вокруг международного аэропорта как грибы стали появляться красивые жилые дома из розового камня и стеклянные башни офисов. Один из комплексов носил простое имя «Самый». Повсюду виднелись краны, возводящие все больше новых зданий. Самые высокие из них уже мешали садиться самолетам, которых тоже становилось все больше и больше. Этот выросший прямо на глазах квартал был окутан дымкой смога и источал благоденствие. При этом его процветание открывало новые перспективы и для ютившихся вокруг полунищих соседей.

Каждое утро тысячи мусорщиков направлялись к новым домам и офисам на поиски добычи. Они шныряли по аэропорту и окрестностям, выискивая все, что можно выгодно перепродать. Каждый из них находил здесь, чем поживиться – ему перепало по несколько килограммов из восьми тысяч тонн отходов, ежедневно производимых в Мумбаи. Эти люди лихо подхватывали смятые пустые пачки от сигарет, которые выбрасывали из окон автомобилей с тонированными стеклами, рыскали по помойкам и сточным канавам в поисках бутылок из-под воды и пива. **Каждый вечер они возвращались в трущобы, таща за спиной мешки из грубой дерюги, набитые всякой всячиной. Это походило на фантастическую процессию алчных, грязных Санта-Клаусов с кривыми зубами и сломанными ногтями.**

Их уже поджидал Абдул, стоя рядом с ржавыми весами. Этот парень находился на более высокой ступени мусорного бизнеса, процветавшего в нищем квартале. Он оценивал и покупал то, что приносили ему «с полей», а прибыль получал от оптовой продажи сортированного мусора небольшим перерабатывающим заводам в нескольких километрах

от Аннавади.

Лучше всего в семье Абдула торговалась мать. На мусорщиков, просивших слишком много за свой товар, она обрушивала лавину ругательств. Абдул был скуп на слова и вообще медлителен. В чем он достиг совершенства, так это в сортировке отходов. Навык разделять купленное на более чем шестьдесят разных категорий (бумага, пластик, металл и т. д. и т. п.) был жизненно важным для того, кто хочет выгодно сдать все это на утилизацию.

Тут он проявлял чудеса скорости. Это и неудивительно, ведь Абдул сортировал мусор лет с шести, когда выяснилось, что туберкулез и жизнь среди постоянной вони окончательно испортили легкие отца. Вся моторика мальчика развивалась именно благодаря работе, которую ему приходилось выполнять ежедневно.

– У тебя ведь все равно нет способностей к учебе в школе, – недавно заметил отец. Вообще-то, по мнению Абдула, он недостаточно времени провел за партой, чтобы хоть какие-то способности успели проявиться. В детстве он ходил на занятия, но в классе, как ему казалось, ничему особенно и не учили. А потом пришлось работать и только работать. Труд этот был настолько грязным, что даже сопли в носу у Абдула были черными. И эту лямку предстояло тянуть всю жизнь. Обычно предопределенность его судьбы казалась ему тяжелой и давящей, вечно висящей над ним, как приговор. Но сегодня, прячась от полиции, он жил одной надеждой: как же здорово будет, если удастся вернуться к обычному укладу и делать то, к чему привык.

На складе почти не чувствовался запах горелой плоти, распространившийся по окрестностям после несчастья с Одноногой. Здесь его заглушали миазмы мусора и пота, который насквозь пропитал одежду взмокшего от страха Абдула. Мальчик разделся, засунув штаны и рубашку под шаткую кипу газет, возвышавшуюся возле входа.

Подумав, он решил забраться на самый верх трехметровой кучи отходов и устроить себе лежбище у задней стенки сарая. С его проворством при свете дня это было бы несложно – он совершил бы подобный трюк секунд за пятнадцать. Но сейчас, в темноте, нужно было быть вдвойне осторожным: один неверный шаг, и на землю полетят бутылки и банки. От такого шума вся округа узнает, где он укрывается, тем более что стены между хижинами очень тонкие.

На мгновение он застыл, потому что откуда-то справа, совсем близко слышался негромкий храп. Ах да, здесь же спит только что прибывший

из далекой деревни кузен. Этот немногословный простак безмятежно посапывал, видимо, полагая, что в большом городе сожжение женщин – повседневное событие. Абдул подался левее, на ощупь обогнул темную грудку полиуретановых мешков. Полиуретан всегда притягивает всякую грязь, поэтому сортировка пакетов была особенно ненавистным занятием. Но тут он вспомнил, что уложил связанные пакеты на гору подмокшего картона. На эту кучу можно взобраться, не производя особого шума.

Он нащупал полиуретан и плоско сложенные коробки у той стены сарая, которая примыкала к его дому. Попробовал опереться на эту кипу руками: картон продавился и подался вниз, где-то внизу послышалось шуршание растревоженных крыс, но ни скрежета металла, ни звука падающих предметов он не уловил. Теперь можно было уверенно ступить на первую ступень пирамиды, опереться левой рукой в стену, и занести ногу для следующего шага.

С той стороны перегородки кто-то топтался. Вероятнее всего, отец. Он, наверное, уже снял ночную одежду, готовясь идти в участок, и надел нейлоновую рубашку, которая болтается на нем, как на вешалке. А сейчас, скорее всего, переминается с ноги на ногу, уставившись на лежащую на ладони горку табаку. Он мог целый вечер играть с такой горкой, прочерчивая в ней пальцем круги, потом треугольники, а затем снова круги. Этим отец занимался, когда не знал, куда себя деть.

Еще несколько шагов вверх, легкое дребезжание каких-то предметов под рукой и вот, наконец, Абдул добрался до задней стены сарая и лег вдоль нее. Теперь он жалел, что снял штаны. Здесь же туча комаров! Да и острые края какой-то пластиковой упаковки режут тыльную часть бедер.

В воздухе плыл горький запах гари. Он отдавал керосином, сандаловым маслом и почти не напоминал об обуглившейся человеческой плоти. Если бы Абдул уловил такой дух, проходя по одной из улочек квартала трущоб, то не удивился и не насторожился бы. Все это были цветочки в сравнении с вонью от протухшей гостиничной еды, которую ежевечерне привозили на свалку в Аннавади и частично скармливали тремстам чумазым местным свиньям. Но желудок Абдула сводило не от самого противного запаха, а от того, что он понимал его происхождение.

Одноногую женщину Абдул знал с того самого дня, как его семья приехала в Аннавади. Это было восемь лет назад. Знакомство с ней было неизбежным, ведь ее жилище отделял от хижины Абдула лишь тонкий лист фанеры. Уже тогда ее запах был неприятен мальчику. Несмотря на бедность, одноногая умудрялась каким-то образом приобретать духи и обильно поливалась ими. Мать Абдула, пахнувшая грудным молоком

и жареным луком, не одобряла такой страсти к парфюмерии.

В тяжелые минуты, подобные нынешней, Абдул всякий раз приходил к выводу, что его мать Зеруниза права в большинстве своих суждений. С детьми она была нежной и веселой. Единственным серьезным недостатком, по мнению ее старшего сына Абдула, была ее любовь к грубым и вычурным ругательствам, к которым она часто прибегала во время споров и перепалок. Вообще-то в мусорном бизнесе принято вести торг, не особо стесняясь в выражениях. Но Абдулу казалось, что мать уж слишком смакует проклятия, переходя границы общепризнанных норм.

– Жалкий прощелыга с усохшими мозгами! – насмешливо кричала она в притворном раже, – ты думаешь, мои дети будут голодать, если ты не принесешь своих жалких банок? Нет, мне просто следовало бы снять с тебя штаны и порезать на колбасу то небольшое, что ты в них прячешь!»

И это вырывалось из уст женщины, выросшей в далекой деревне, в строгости и благочестии, где девушки ходят с ног до головы укутанные черными накидками.

Абдул считал себя «на девяносто процентов старорежимным и консервативным» и не стеснялся упрекать мать:

– Что бы сказал твой отец, если бы услышал, как ты ругаешься на улице?

– Он бы, конечно, был вне себя, – ответила как-то раз Зеруниза. – Но ведь он выдал меня за больного, неспособного обеспечить семью человека. Просто поспешил сплавить дочь из дому. Если бы я всю жизнь сидела тихо, как моя мать, не высовываясь из дому, мы все бы пошли по миру.

О недостатках отца, Карама Хусейна, Абдул не решался говорить вслух. С одной стороны, он, вроде, слишком хворый, чтобы сортировать мусор, но с другой, достаточно здоровый, чтобы без конца «подкатывать» к жене. Он вырос среди ваххабитов, выступающих против контроля над рождаемостью. Зеруниза рожала десять раз, и девять из детей выжили.

Каждый раз во время беременности женщина утешалась тем, что производит на свет «рабочую силу», которая будет кормить ее в старости. Но Абдулу-то нужно было тянуть на себе всю эту компанию уже сейчас! Поэтому он нервничал, совершал ошибки, платил втридорога за никому не нужные отходы.

– Не спеши, – мягко советовал ему отец. – Не доверяй одним лишь весам. Принюхивайся, прислушивайся, проверяй на вкус то, что тебе приносят. Поскреби кусок металлолома ногтем, постучи по нему – звук

подскажет, из какого материала сделан тот или иной обломок на самом деле. Пожуй кусочек пластика, чтобы понять его качество. Если это жесткая пластмасса, разломи и понюхай. Свежий запах говорит о том, что полиуретан высокого качества.

Абдул освоил эту науку. Через год кропотливой работы семье уже вполне хватало на пропитание. Еще через год – соорудили некое подобие дома. Фанеру заменили на листы алюминия, попавшиеся среди приобретаемого лома, а чуть позже даже возвели стену из бракованных кирпичей. Благодаря этому жилище Абдула стало чуть ли не самым крепким и роскошным среди других трущоб. С возведением «капитальной» перегородки он испытал целую бурю различных чувств. Во-первых, гордость. Во-вторых, страх: боялся, что кирпичи окажутся настолько плохого качества, что стена быстро развалится. И в третьих – облегчение. Наконец можно расслабиться и пощадить свой слух и нервы: от Одноногой, принимавшей у себя любовников, пока ее муж сортировал где-то горы мусора, семью Абдула теперь отделяла восьмисантиметровая преграда.

В последние месяцы он почти не видел и не слышал ее. Она заявляла о себе, только когда ковыляла мимо него на металлических костылях, направляясь на рынок или в общественную уборную. Костыли, видимо, были коротковаты, потому что она ходила, отвесив заднюю часть и забавно покачивая ею. Окружающих это всегда потешало. Еще больший восторг вызывала у всех ее яркая помада. «Неужели она так красится только чтобы пройтись до туалета?» – недоумевали соседи. Иногда она красила губы в ярко-оранжевый цвет, а временами в пурпурно-красный. Шутили, что она залезла на дерево джамбулана^[3] рядом с отелем «Ли́ла» и сожрала все плоды с него.

Одноногую звали Сита. У нее была прекрасная кожа. И хотя это качество женщин обычно высоко ценится, в данном случае перевесило врожденное уродство – одна нога у нее была сильно короче другой. В результате на рынке невест девушка не представляла практически никакой ценности. Ее родители-индуисты поспешили выдать дочь за первого и единственного жениха, который к ней посватался. Это был старый, некрасивый, бедный работяга-мусульманин. Мать Ситы как-то сказала о нем, скорчив недовольную гримасу: «Он полуглухой, но кто же еще на ней женится?» Муж переименовал ее в Фатиму, и от этого по определению несчастливого брака родились три худеньких девочки. Самая слабая и больная из них утонула дома в ведре. Фатима не очень переживала по этому поводу, в связи с чем в квартале ходили нехорошие

слухи. Через несколько дней после несчастья Фатима снова появилась на людях. Так же, как и раньше, она виляла бедрами и так же бесстыдно рассматривала мужчин, гордо подняв свое веснушчатое лицо и устремив на них наглый взгляд.

Вообще не только она, но и все обитатели Аннавади в последнее время все время жаждали большего, чем предназначено им судьбой. Индия стремительно развивалась и расцветала, и одновременно уходила в прошлое старые представления, будто нужно принимать жизнь такой, какой тебе ее послали боги или какая предназначена твоей принадлежностью к той или иной касте. Теперь все верили в новые возможности и желали новых свершений. О лучшей доле жители трущоб говорили так, будто счастье вот-вот наступит, постучится в двери, как родственник, который обещал явиться в ближайшее воскресенье. Люди были уверены, что завтра уж точно будет лучше, чем вчера.

Брат Абдула Мирчи не собирался сортировать мусор. Он представлял себя в накрахмаленной униформе, в роли служащего роскошной гостиницы. Говорили, что некоторые официанты целыми днями только тем и занимаются, что втыкают шпажки в кусочки сыра или следят за тем, чтобы ножи и вилки на столах лежали ровно. Мирчи мечтал о такой чистой работе.

– Погодите, я вам еще покажу! У меня будет ванная размером с наш дом, – похвастал он как-то раз в разговоре с матерью.

Мечтой тщедушного уборщика туалетов по имени Раджа Камбл, жившего на соседней улочке, было накопить денег, чтобы сделать операцию на сердце. Тогда он мог бы продолжать добывать пропитание для семьи и дожить до совершеннолетия своих детей. Пятнадцатилетняя Мина, чей дом находился за углом, грезилась о свободе и приключениях, таких, как показывают в телевизионных сериалах. О вынужденном замужестве по сговору родителей и унылом существовании в качестве бессловесной рабы мужа и домашнего хозяйства ей думать не хотелось. Сунил, двенадцатилетний недоросток-мусорщик, спал и видел, что он будет есть досыта и сможет быстрее расти. А вот Айшу, бой-бабу, жившую рядом с общественной уборной, одолевала амбиция. Она жаждала стать старостой, неофициальной правительницей Аннавади, а потом, используя связи и неискоренимую коррупцию, поднять свою семью до уровня среднего класса. Ее юная дочь Манджу преследовала более благородную цель: она хотела первой среди обитателей своего района получить высшее образование.

Но самые безумные мечты, по всеобщему мнению, лелеяла Одноногая.

Все ее интересы вертелись вокруг внебрачного секса. Но занималась она этим не только для того, чтобы заработать себе на мелкие расходы. Это соседи поняли уже давно. Она желала избавиться от клейма, которое накладывал на нее врожденный физический дефект. Ей хотелось, чтобы перед ней преклонялись и считали привлекательной. В Аннавади считали, что подобные претензии со стороны уродливой хромоножки – это уж слишком.

А чаяния Абдула были простыми: найти жену, которая не будет употреблять такие слова, как «ублюдок» и «козлина». И еще ее не должно беспокоить, чем пахнет от ее мужа. Хорошо было бы также подыскать для себя и семьи хороший дом в любом другом месте, но только не в Аннавади. Абдул, как и большинство соседей (да и, в целом, как все люди на Земле) полагал, что его желания соответствуют его возможностям.

Полицейские явились в Аннавади. Они шли через майдан к дому Абдула. Конечно, это были они. Никто из обитателей трущоб не обладал таким уверенным и властным голосом.

Родственники Абдула знали несколько человек из местного участка. Поверхностного знакомства с некоторыми представителями этого племени было достаточно, чтобы бояться их всех. Проведав, что семейству из трущоб удастся что-то заработать, они начинали наведываться через день и заставляли делиться. Самым противным был констебль Павар, запугавший до полусмерти маленькую девочку по имени Дипа, торговавшую цветами возле отеля «Хайат». В целом же все они были хороши – любой с радостью отнимет у бедняка последний кусок хлеба.

В тот момент, когда двое полицейских вошли в дом, Абдул весь сжался: он ждал, что сейчас послышится плач детей, крики, ругань, полетят на пол опрокидываемые металлические кастрюли... Но офицеры были спокойны и даже дружелюбны. Они изложили факты. Одноногой удалось выжить. Она в больнице и указала оттуда на своих обидчиков. По ее признанию, Абдул, его отец и старшая сестра избили ее, а потом подожгли. Позже Абдул вспоминал: слова полицейских доходили до него через стену сарая, но он их слышал как будто в замедленной записи. Состояние это было похоже на горячечный бред. Оказывается, она обвинила и его сестру, Кекашан. Только за одно это можно было бы пожелать, чтобы Одноногая сдохла. Но потом он решил, что мечтать о ее смерти все-таки не стоит. Если бы она погибла, всю семью преследовали бы еще более сурово.

Такова судьба жителя Аннавади и любого бедняка из других трущоб Мумбаи: рано или поздно все равно окажешься в чем-то виноватым.

Абдулу приходилось иногда покупать у мусорщиков краденый металлолом. А еще он вел бизнес, не имея лицензии. Да и само проживание в Аннавади было незаконным. Власти аэропорта никогда не допустили бы появления здесь легальных поселений подобного рода. Но ни Абдул, ни его родные не посягали на жизнь Одноногой соседки. Она сама подожгла себя.

Абдул слышал слабый, с одышкой голос отца. Когда его уводили, он уверенно заявил о невиновности – своей и своих близких.

– Ну, и где же твой сын? – громко спросил один из полицейских, остановившись у самых дверей склада. В данном случае он возвысил голос не для того, чтобы показать свою власть над арестованным. Он просто старался перекричать раздававшиеся из хижины вопли и плач, издаваемые матерью.

Зеруниза Хусейн при любом удобном случае изливала потоки слез. Очень часто она использовала этот прием, чтобы начать дискуссию по какому-либо волнующему ее поводу. Но теперь она искренне рыдала вместе с маленькими детьми, которые, в отличие от Абдула, любили отца простой и бесхитростной любовью и были очень привязаны к нему. Эту ночь и полицию, уводящую папу из дома, они запомнят надолго.

Время шло. Всхлипы стали затихать.

– Ничего, он вернется через полчаса, – уверяла малышей мать. Эти звенящие ноты и сладкий тон были привычны для Абдула. Таким тоном она обычно лгала. Но он обратил внимание на слова «вернется». Значит, арестовав отца, полицейские убрались из Аннавади.

Нельзя было исключать, что они вернутся, чтобы отыскать самого Абдула. Однако он знал, что их энтузиазм имеет предел, и, скорее всего, они решат, что ночью суетиться не стоит. Следовательно, у него есть еще три-четыре часа, чтобы разработать более изощренный план бегства и покинуть кучу мусора за стеной родного дома.

Он чувствовал, что вполне способен *рискнуть*. Ведь, в конце концов, он всегда гордился тем, что сортировка мусора феноменально натренировала ему мышцы рук. Абдул утверждал, что может рубить ладонями кирпичи, как Брюс Ли.

Как-то раз он даже поделился этой мыслью с одной девочкой.

– Сейчас принесу кирпич, – немедленно отреагировала та на это необдуманное и поспешное заявление. Пришлось срочно ретироваться: убеждение в своей способности разбивать кирпичи придавало ему уверенности в себе, но ставить эксперименты в его планы не входило.

Брат Мирчи, на два года младше Абдула, был на порядок храбрее

и прятаться среди мусора бы не стал. Он посчитал бы это унижительным. Ему нравились болливудские боевики, в которых отважные герои с обнаженным торсом, из тех, что не в ладах с законом, прыгали из окон с высоты в несколько этажей и бегали по крышам вагонов поезда на полном ходу. А в это время в них всюду палили полицейские, но почему-то никак не могли попасть в цель. Абдул же принимал все виртуальные киноопасности слишком близко к сердцу. Он по сей день с содроганием вспоминал тот вечер, когда вместе с еще одним мальчиком отправился в пиратский видеосалон, располагавшийся в хибаре в нескольких километрах от Аннавади.

Они посмотрели там фильм ужасов: в подвале некоего особняка поселился монстр – чудовище, поросшее рыжей шерстью и питавшееся человечины. После сеанса Абдул был вынужден заплатить хозяину заведения еще двадцать рупий, чтобы тот позволил ему переночевать здесь же на полу, потому что ноги его от страха стали совсем ватными и идти домой он просто не мог.

С одной стороны, ему было стыдно демонстрировать другим свой страх. С другой – он считал, что вести себя иначе просто неразумно. Сортируя газеты или банки, он работал в основном руками, а сам наблюдал за соседями. Это развлекало его, к тому же на основе наблюдений он строил различные социальные теории. Одна из них казалась правдоподобнее остальных. Абдул заметил, что удача и счастье человека, живущего в Аннавади, зависели не столько от рода занятий и профессионализма, сколько от того, насколько умело он мог избегать разного рода неприятностей и катастроф. Счастлив тот, кого не сбил поезд, не обидел староста, не покусал малярийный комар. Конечно, он жалел, что ему не хватает ума и смекалки, но в то же время верил, что у него имеется не менее ценное для выживания в этой среде качество. Он обладал тем, что местные называют «чоканна» – был бдителен, всегда начеку.

– Я умею смотреть во всех направлениях, – говорил он иногда. Абдул был убежден, что предчувствует опасность и знает, как увернуться от нее, пусть даже в последний момент. История с Одноногой была первым случаем, когда он совершил промах.

Неизвестно, сколько времени прошло до того, как на майдане появилась соседка по имени Синтия. Она орала что есть мочи: «Почему же полиция не арестовала всю семью?» Синтия была подружкой одноногой Фатимы и ненавидела Абдула и его родных, так как ее семейный мусорный бизнес прогорел. «Давайте все пойдем в участок и попросим полицейских,

чтобы они забрали остальных», – громко призывала она обитателей Аннавади.

Из дома Абдула в ответ не раздалось ни звука. Через некоторое время Синтия наконец заткнулась. Похоже, ее никто не поддержал и на марш протеста выходить не собирался. Соседи лишь разозлились за то, что она их разбудила. Постепенно напряжение начало спадать, Абдул немного расслабился... И тут услышал повсюду звон металлических кастрюль. Он приподнялся, встревоженно и озадаченно оглядываясь по сторонам.

Золотой свет струился через щели в двери. Но это не была дверь его склада. Он на секунду задумался и вспомнил, что это за место: это хижина молодого повара-мусульманина, жившего на другой стороне двора. Было уже утро, а металлический звон оповещал, что обитатели соседних лачуг уже встали и готовят завтрак.

Каким же образом он, Абдул, оказался здесь – в штанах, лежащим на полу? Когда он пересек майдан? Видимо, от страха у него случился провал в памяти, и он так никогда и не смог вспомнить, как провел последние несколько ночных часов. Ясно было одно: в самой ответственный, критический момент своей жизни, в ситуации, требующий мужества и предприимчивости, он не поспешил покинуть Аннавади, а просто заснул!

Наконец ему стало ясно, что надо делать: срочно отыскать мать. Он оказался неспособным к бегству и нуждался в ее руководстве. Она должна подсказать, что теперь делать.

Зеруниза проинструктировала его молниеносно:

– Беги быстрее, изо всех сил! – напутствовала она его.

Абдул схватил чистую рубашку и выскочил из дома. Через пустырь, потом вдоль неровно выстроившихся трущоб и дальше, дальше по гравиевой дороге. Вот справа куча мусора и водяной буйвол. Это его квартал. Напротив – сверкающий стеклом «Хайат». На бегу он с трудом пытался застегнуть пуговицы рубашки. Через двести метров путь ему преградила ведущая к аэропорту трасса. Вдоль нее тянулись цветущие сады – он почти не ходил среди этих деревьев и никогда не любовался всеми этим красотами. Здесь даже порхали бабочки...

Но он пролетел мимо и направился к аэропорту. Зал прилета – вниз, зал отправления – вверх. Нет, не сюда, а в сторону, вдоль длинного металлического забора, покрашенного в бело-голубые цвета. За ним слышался стук забиваемых свай и рев экскаваторов – возводился новый суперсовременный терминал. По ходу он машинально прикинул стоимость листов алюминия, из которых было сделано ограждение. Мусорщик,

которому удалось бы стащить и продать пару таких панелей, мог бы жить на эти деньги целый год.

Он все бежал. Круто повернул вправо перед стоянкой такси: желто-черные машины на утреннем солнце сияли так, что свет резал глаза. Снова направо, вдоль круто изгибающегося шоссе и склонившегося над проезжей частью дерева... И, наконец, последний поворот, после чего Абдул оказался на территории полицейского участка Сахар.

Зерунизе было достаточно одного взгляда на испуганное лицо сына, чтобы понять: этот не сможет прятаться от полиции. Да и сама она, проснувшись, встревожилась: из-за того, что Абдул сбежал, полицейские, наверное, будут жестоко избивать ее мужа. Долг старшего сына предписывал тому прийти на помощь больному отцу.

Абдул шел, чтобы выполнить свой долг, и делал это почти что с радостью. Пусть виновные прячутся. А он невиновен, у него же это просто на лбу написано. Что оставалось делать? Только предаться в руки властей, которые докажут его невиновность. Правда, за свою недолгую жизнь он имел возможность убедиться, что ни закон, ни справедливость не имеют силы. Но сейчас он снова был готов поверить в них.

Офицер в камуфляжной форме с погонами восседал за металлической кафедрой. Увидев Абдула, он удивленно поднялся. Усы чуть прикрывали мясистые губы, как у крупной рыбы. У парня навсегда запечатлелась в сознании эта картина: рыбы губы дрогнули, слегка раздвинулись, и полицейский улыбнулся.

Часть первая

Обитатели трущоб

«В Аннавади любят помечтать: ой, мой сын станет врачом или юристом, и он всех нас озолотит. Пустое тщеславие! Представьте себе, что лодка плывет на запад, а вы похваляетесь: «Какой я отличный итурман!». Но тут меняется ветер, и вот уже вас несет на восток».

Карам Хусейн, отец Абдула

Глава 1

Аннавади

Остановим воображаемую пленку, на которой записаны все эти события, в тот самый момент, когда офицер с рыбьими губами поднимается навстречу Абдулу. А затем прокрутим ее мысленно назад. Вот юноша удаляется от полицейского участка и аэропорта, вот он дома, вот сворачивается пламя, объявшее одноногую Фатиму, а спичка возвращается обратно в коробок. Вот за несколько минут до этого Фатима пританцовывает на костылях, целая и невредимая, и распевает противным голосом любовную песенку. Легкая туника в розовых цветах развевается на ветру.

Отматываем пленку еще на семь месяцев назад. Тогда, в январе 2008 года, всех трущобных жителей охватила новая надежда. Такого подъема и энтузиазма еще не знали эти хижины, быстро плодящиеся в крупнейшем городе той самой страны, где живет треть беднейшего населения планеты. Страны, ошавшей от головокружительного подъема и внезапного финансового бума.

В тот день рассвет был ветреным. Это вполне типично для января, месяца, когда люди запускают воздушных змеев и ходят с простуженными ушами. Абдул спал на песке на улице. Места в доме не хватало, чтобы все члены семьи могли улечься хотя бы на полу. Долгие годы кучка песка служила мальчику кроватью. Рано утром мать аккуратно переступила сначала через одного из его младших братьев, потом через другого, и нагнулась к старшему сыну.

– Просыпайся, придурок! – прокричала она ему в ухо. – Ты что, считаешь, что твоя работа – сны смотреть?

Наблюдательная и суеверная Зеруниза заметила, что самый большой доход семья получала именно в те дни, когда она с рассвета обрушивала град ругательств на Абдула. Январские финансовые поступления были принципиально важны для реализации недавно созревшего у Хусейнов плана. Они всерьез решили покинуть Аннавади. Чтобы подстегнуть удачу, мать решила прибегать к утренним проклятиям регулярно.

Абдул поднялся безропотно. Зеруниза не терпела никаких причитаний, кроме собственных. К тому же в этот ранний час он меньше всего ненавидел свой квартал. Бледное солнце чуть играло серебристыми

бликами на поверхности черной воды пруда. Щебет попугаев, обитавших у дальнего берега, еще был слышен, несмотря на набиравший силу рев самолетов. Возле соседних лачуг, стены которых чудом не разваливались, скрепленные проводами или веревками, сушилось и проветривалось влажное разноцветное тряпье. Дети в форменных школьных галстуках потянулись к колонке, волоча за собой ведра. Длинная очередь выстроилась к общественному туалету, располагавшемуся в выкрашенной в оранжевый цвет бетонной постройке. Козы смотрели по сторонам сонными глазами. Все было как-то уютно и по-семейному; еще не разгорелась борьба за существование, ежедневно бушевавшая в этом маленьком мирке.

Один за другим выходили люди из времянки, в которой прорабы выбирали разнорабочих на день. Девушки начали плести гирлянды из ноготков – они продавали их, лавируя между подъезжающих к аэропорту автомобилей. Пожилые женщины взялись за шитье розово-голубых лоскутных одеял – некая торгующая такого рода сувенирами фирма посылала розовые заказы в Аннавади. В маленькой душной мастерской по переплавке пластика полуобнаженные мужчины готовили к работе машины для выдува. Здесь из цветных шариков делали фигурки, подвешиваемые к зеркалу заднего вида. Трудно себе представить, кто и когда покупает всех этих улыбающихся уточек и розовых кошечек со стразами вокруг шеи. В это время Абдул надел старую, всю в пятнах рубашку, липшую от жары к его тощей спине, и сел за работу – разбирать двухнедельную гору мусора.

В целом его отношение к соседям было таким: «Чем ближе я узнаю вас, тем больше буду презирать. Да и вы, скорее всего, большой любви ко мне не ощутите. Поэтому давайте держаться подальше друг от друга». Но каждое утро, принимаясь за дело, он понимал, что рядом с ним не покладая рук трудятся, чтобы заработать себе на хлеб, другие обитатели Аннавади.

Квартал Аннавади находится в двухстах метрах от улицы Сахар Эйрпорт-роуд. Его можно было бы назвать одним из мест встречи новой и старой Индия, однако новая явно запаздывала «на randevu», с трудом отвоевывая у старой место под солнцем. Водители микроавтобусов яростно сигналили, прогоняя с дороги мальчишек-VELOКУРЬЕРОВ. У каждого из последних на багажнике велосипеда были закреплены большие ящики на триста яиц с трущобной птицефермы. Все это нужно было на рассвете развезти по магазинам.

Аннавади мало отличался от других трущоб Мумбаи. Все хибары были грязными и кособокими. Люди, владевшие менее убогими развалюхами, считались зажиточными. Существование среди нечистот и болезней считалось нормальным.

Поселение здесь появилось в 1991 году. Его основали выходцы из южного штата Тамилнад. Большую бригаду рабочих-тамилов^[4] привезли тогда для реконструкции трассы, ведущей к аэропорту. По окончании подряда они решили поселиться в этом районе, в надежде на то, что здесь будет еще вестись масштабное строительство. Пустующих территорий в окрестностях практически не было, поэтому густо поросший кустарником болотистый, кишачий змеями участок по другую сторону шоссе возле международного терминала, показался им вполне подходящим местом для поселения.

Местная, мумбайская беднота полагала, что жить здесь нельзя – слишком сыро. Но тамилы лихо взялись за дело: выкорчевали кустарник, выгнали змей, накопали глину там, где посуше, и уложили ее слой поверх жидкой грязи. Через месяц бамбуковые палки, которыми они прощупывали землю перед тем, как ступить на нее, уже не отрывались от земли со смачным хлюпаньем. Под ногами была твердая почва. Тогда рабочие соорудили первые жилища, точнее, простые навесы: вбили колья и натянули на них пустые мешки из-под цемента. Обитатели соседних трущоб дали поселению имя «Аннавади», то есть земля «анна» – так тамилы уважительно называют старших братьев. Вообще-то обычно тамильских мигрантов называли совсем другими, гораздо менее вежливыми словами.

Однако соседи все-таки отдали должное трудолюбию и упорству новых поселенцев, умудрившихся осушить непроходимое болото.

Семнадцать лет спустя практически никто из обитателей этих трущоб, по официальным индийским стандартам, не мог считаться живущим за чертой бедности. Напротив, жители Аннавади входили в число тех индийцев (по статистике, их около ста миллионов), чье благосостояние значительно повысилось с 1991 года. Именно тогда, примерно в то же время, когда на свет появился этот квартал, государственная власть взяла курс на либерализацию экономики. Так люди из покосившихся домиков оказались в гуще событий: вокруг них кипело строительство, динамично рос современный город, стремительно внедрялись высокие технологии. Эта поразительная история еще не закончилась, а продолжала разворачиваться на глазах.

Правда, всего у шести человек из трех тысяч жителей квартала имелась легальная и постоянная работа (остальные, как и 85 % населения Индии, были заняты в теневой экономике). К тому же в Аннавади оставалось еще несколько человек, которые регулярно ловили крыс и лягушек и жарили их себе на обед, а еще некоторое количество употребляло в пищу травы, росшие у пруда с нечистотами. Но эти несчастные и не подозревали, что тем самым оказывают огромную услугу остальным. Те, кто не питался сорняками и вареным крысиным мясом, в том числе и Абдул, чувствовали свое социальное превосходство и верили, что скоро жизнь их станет еще прекраснее.

Отходов, поставляемых аэропортом и гостиницами, становилось в несколько раз больше зимой – на пике туристического сезона и активности международного бизнеса. А еще в это время года местная элита играла свадьбы. Экономическая свобода и отсутствие регулирования в 2008 году вызвали беспрецедентный биржевой рост. Из-за строительного бума в Китае, готовившегося принять летние Олимпийские игры в Пекине, взлетели цены на металлы, в том числе и лом, по всему миру. Судьба подыгрывала Абдулу: это было очень благоприятное для мумбайского утилизационного бизнеса время. Хотя, надо сказать, сам юноша не чувствовал, что его статус вырос: многие сограждане, не вдаваясь в детали его рода занятий, по-прежнему называли бы его отребьем. Увы, люди часто путают человека, который занимается утилизацией мусора, и сам мусор.

В то утро, вытаскивая гвозди и выкручивая шурупы из собравшейся кучи лома, он старался не подпускать близко коз, которые паслись неподалеку. Обычно они с удовольствием обнюхивали пластиковые бутылки и вылизывали упаковку из-под продуктов. Как правило, Абдул позволял им отираться рядом, но сейчас эти твари, с их постоянным поносом, были угрозой для его «имущества».

Козы принадлежали мусульманину, содержавшему бордель в собственной хижине. При этом он все время жаловался, что девушки отлынивают от работы, притворяясь больными. Для разнообразия предприимчивый сутенер попробовал разводить домашних животных, надеясь выгодно продать их к празднику Ид^[5]. В этот день, завершающий священный месяц Рамадан, принято приносить жертвы. Однако оказалось, что козы доставляют не меньше проблем, чем девицы. Стадо из двадцати двух голов быстро поредело: двенадцать пали, а выжившие страдали кишечным расстройством. Хозяин пенял на черную магию. Он все повторял, что тамилы отравили воду. Однако люди здравомыслящие

возражали: все дело в том, что козы часто пьют из сточного пруда.

По ночам строители, работавшие на территории аэропорта, выбрасывали в пруд всякую гадость. Жители Аннавади тоже сбрасывали туда что попало. К примеру, недавно там были затоплены полуразложившиеся трупы двенадцати коз. Вода этого пруда (ее правильнее было бы назвать скорее токсичным бульоном, чем водой) оставляла следы на теле животных. Животы собак и свиней, которые по доброй воле или по неосторожности окунались в нее, покрывались синими пятнами. Тем не менее некоторые существа умудрялись приспособиться к существованию в сточном водоеме. Прежде всего, это были малярийные комары, но не только они. По утрам иногда посередине пруда можно было увидеть лодку рыбака. Одной рукой он отгонял плавающие на поверхности пакеты и пустые сигаретные пачки, а другой закидывал сеть. Свой улов он нес на рынок Марол. **Там мутировавшую рыбу обрабатывали и делали из нее рыбий жир. На эту полезную для здоровья пищевую добавку сейчас большой спрос на Западе.**

Абдул поднялся, чтобы размять затекшую лодыжку, и с удивлением обнаружил, что небо заволокла коричневая дымка. Сквозь пелену смога еле пробивалось солнце. Уже полдень, а он и не заметил, как пролетели часы. Абдул всегда терял счет времени, занимаясь сортировкой мусора. Его младшие сестры играли с дочерьми одноногой Фатимы. Они по очереди катались на самодельном кресле-каталке: к треснувшему садовому креслу из пластика были приделаны ржавые велосипедные колеса. Девятиклассник Мирчи уже вернулся домой из школы. Он уселся на пороге дома с учебником математики на коленях и все никак не мог взяться за домашнее задание.

Мирчи с нетерпением ждал возвращения своего лучшего друга Раула. Этот парень из индуистской семьи, жившей здесь же, в Аннавади, недавно стал местной знаменитостью. Ему удалось совершить то, о чем Мирчи только мечтал: пробить брешь между миром трущоб и миром роскоши.

Мать Раула, Айша, была учительницей младших классов, но у нее были какие-то таинственные связи в районной администрации, среди местных политиков и полицейских. Недавно ей удалось временно пристроить сына официантом в отель «Интерконтиненталь», располагавшийся на другой стороне пруда. Так что Раул, простой парнишка, круглолицый девятиклассник с кривыми зубами, смог собственными глазами увидеть сказочную красоту и изобилие, среди которых обитает элита.

И вот, наконец, Раул появился в конце переулка. Он был одет с некоторой претензией на стиль. Шорты с многочисленными карманами,

купленные благодаря такому подарку судьбы, как эта подработка, сидели низко на бедрах. Их поддерживал ремень с блестящей массивной бляхой. Кстати, на рынке вторсырья эта тяжелая металлическая вещица могла бы принести неплохой барыш. Темная вязаная шапочка была надвинута ниже бровей. Сам Раул называл все это «стилем хип-хоп».

Накануне был национальный праздник – шестидесятая годовщина убийства Махатмы Ганди. Раул обслуживал приуроченный к этому событию умопомрачительный банкет в «Интерконтинентале», хотя, признаться, раньше в высших кругах считалось дурным тоном устраивать вечеринки по такому поводу.

Раул знал, что его друг захочет узнать подробности, да поскорее.

– Мирчи, скажу тебе всю правду, – начал он с усмешкой, – там, где я стоял, толпилось около пятисот полуодетых женщин. Такое впечатление, что они, выходя из дома, забыли надеть нижнюю часть своего наряда^[6]!

– Ах, почему меня там не было! – стонал Мирчи. – Рассказывай, приехали ли туда какие-нибудь знаменитости?

– Да там были одни только знаменитости! Это была болливудская вечеринка. Некоторые звезды не выходили из VIP-зала, огороженного шнуром, но Джон Абрахам^[7], например, продефилировал совсем близко от меня. На нем было красивое черное пальто, он стоял и курил прямо рядом со мной. И Бипаша^[8], наверное, была там, но я не уверен, она это или какая-то похожая на нее актриса. Менеджер запрещает нам разглядывать гостей, и если застанет за этим занятием, тут же уволит, а всю зарплату заберет себе. Нам это правило, как слабоумным, двадцать раз повторили перед началом фуршета. Надо во все глаза следить за скатертями и за ковром, чтобы на него не падал мусор. Если появится грязная пустая тарелка, нужно потихоньку проскользнуть к столу и тут же убрать ее, а если на полу валяется салфетка, подхватить и отнести в мусорную корзину в служебном помещении... Какой же красивый был тот зал для приемов! Сначала мы застелили его толстым и мягким ковром – чуть ступишь, проваливаешься в пушистый ворс. Потом расставили свечи и зажгли их, потушив верхний свет, так что там был полумрак, как на дискотеке. На стол в центре шеф-повар поместил скульптуры двух огромных дельфинов из подкрашенного льда. У каждого вместо глаз были вишни...

– Идиот, к черту дельфинов, расскажи про полуголых девушек! – запротестовал Мирчи. – Когда они так одеваются, то явно ждут, что на них будут смотреть.

– Нет, серьезно, смотреть нельзя. Нельзя разглядывать даже уборные для богатых, иначе тебя тут же вышвырнет охрана. Но, кстати, туалеты для обслуживающего персонала тоже были ничего. Можно было выбрать, каким пользоваться – индийским или американским^[9].

Раул, склонный к показному патриотизму, выбрал туалет в национальном стиле, представлявший собой простую дыру в полу.

Другие мальчишки обступили Раула, распинавшегося возле дома Хусейнов. В Аннавади любили обсуждать разврат и невоздержанность гостей в пятизвездочных отелях. И вообще любили поговорить о том, что происходит там. Один из мусорщиков, накачанный наркотиками, как-то дошел даже до того, что обращался к самой гостинице: «Я знаю, ты хочешь убить меня, гребаный «Хайат»! Но впечатления Раула имели особую ценность, потому что были искренними и правдивыми. Во всяком случае, если он и привирал, то процентов на пять. Такие рассказы укрепляли его авторитет, и подростки признавали превосходство этого мальчишки с веселым и живым нравом.

Раул, стараясь быть объективным, честно сообщил, что сам он не считает себя ровней постоянным служащим «Интерконтиненталя». Многие официанты были студентами или уже имели высшее образование. Высокие, светлокожие, с мобильными телефонами... Экраны их телефонов были такими гладкими и блестящими, что можно было смотреться в них, как в зеркало, что официанты и делали, время от времени поправляя прическу. Некоторые из них смеялись над Раулом и его длинным, выкрашенным в синий цвет ногтем на большом пальце руки (в Аннавади это считалось очень мужественным). Но когда парень срезал ноготь, все равно нашлось, над чем поиздеваться. Например, служащих потешала его речь. Раул сказал друзьям, что слово «сахиб», с которым в Аннавади обращались к богатым господам, не годилось для городской элиты.

– Они считают, что так может говорить только деревенщина, *тапори*, – заявил он. – Правильное обращение – «сэр».

– Сэрр-р-р, – передразнил кто-то, форсируя «р», и все, хохоча, тоже стали повторять это слово.

Мальчишки стояли плотной группкой, хотя места во дворе было достаточно. Для тех, кто привык жить кучно в тесных халупах, такой близкий контакт с собеседником несколько не смущал. Абдул обходил их то справа, то слева, собирая багажные бирки, которые унесло ветром со склада. Никто из ребят не обращал на него внимания. Абдул говорил мало, а когда выдавливал из себя что-нибудь, казалось, что он неделю обдумывал простую фразу. Может, ему бы удалось завести пару друзей,

если бы он умел рассказывать истории.

Однажды, пытаясь развить в себе эту способность, Абдул сочинил байку о том, как сам однажды побывал в «Интерконтинентале». Будто там показывали болливудский фильм «Добро пожаловать», и будто он собственными глазами видел Катрину Каиф^[10], всю в белом. История вышла маловероятная. Раул сразу понял, что все это – выдумка. Поэтому послушать Раула сейчас было очень полезно, чтобы в будущем врать более убедительно.

Непальский мальчик стал расспрашивать о женщинах из гостиницы. Через щели в заборе он видел, как они курят у входа, поджидая своих водителей. Они курили не по одной сигарете, а помногу.

– Из какой деревни все эти женщины? – интересовался непалец.

– Слушай, идиот, – бурно отозвался Раул. – Белые люди приезжают из разных стран. Нужно быть совсем неотесанным, чтобы не знать таких простых вещей.

– Из каких стран? Из Америки?

Точно ответить на этот вопрос рассказчик не смог.

– Но и индийцы останавливаются там, это я точно знаю, – сказал он. Это были «полноценные» индийцы, высокие и толстые, а не такие хилые задохлики, как непалец и другие мальчики из трущоб.

Впервые Раулу довелось подрабатывать в «Интерконтинентале» во время новогодней вечеринки. О том, какие роскошные праздники устраивают в Новый год в дорогих гостиницах, было хорошо известно. Мусорщики не раз приносили в Аннавади разорванные и помятые рекламные брошюры. «Приглашаем вас шикарно отметить наступление 2008 года в отеле «Ле Роял Меридиен»! – говорилось в них. – Вы окунетесь в атмосферу праздничного Парижа, прогуляетесь по аллеям, где играет музыка и выставлены произведения искусства. Вам будет предложено изысканное угощение! На нескольких сценах пройдут красочные шоу. Покупайте билеты, и в путь! Приглашение на двоих – 12 000 рупий^[11], шампанское включено».

Листовки и брошюры были напечатаны на глянцевой бумаге, которую принимали на переработку по две рупии или четыре американских цента за килограмм.

Раула новогодний банкет не впечатлил.

– Дурацкая вечеринка, – таков был его вердикт. – Все пьют, танцуют и вообще ведут себя глупо, примерно так же, как наши соседи в повседневной жизни.

– Вообще многие постояльцы из отелей, когда пьяные, становятся какими-то странными, – поведал Раул своим друзьям. – Вчера в конце вечера один деятель, симпатичный парень в костюме в полоску, хорошо и дорого одетый, вдруг начал рассовывать хлеб по карманам брюк и пиджака. Но и этого ему показалось мало, и он принялся запихивать закуску прямо в штаны! Еда выпадала через брючины, а он ползал под столом и собирал ее. Один из официантов сказал, что, видимо, этот человек раньше голодал, а теперь пары виски воскресили в его сознании те времена. Но вот я, если стану богатым и приду на банкет в отель, никогда не буду вести себя как этот бедняга!

Мирчи засмеялся и спросил:

– А что вы, сэр-р-р, собираетесь сделать, чтобы разбогатеть?

Этот вопрос в 2008 году задавали себе и своим друзьям очень многие жители Мумбаи.

Но Раул не ответил, а вдруг растолкал толпу и двинулся куда-то. Его внимание привлек зеленый пластиковый воздушный змей, застрявший в ветвях баньяна у входа в Аннавади. Каркас змея был сломан, но его можно починить. Раул быстро смекнул, что ему, скорее всего, удастся продать змея кому-нибудь за пару рупий. Надо было поскорее забрать добычу, пока она не привлекла внимание какого-нибудь другого ушлого мальчишки.

Деловую хватку Раул перенял от матери. Ее звали Айша, и семейство Абдула ее слегка побаивалось. Она была активисткой партии Шив сена^[12], основанной индуистами, коренными жителями штата Махараштра, столицей которого является Мумбаи. Население города росло и приближалось к двадцати миллионам^[13], а вместе с этим росла и конкуренция – рабочих мест и жилья катастрофически не хватало. Шив сена ополчилась на мигрантов из других штатов и обвинила их в том, что они отбирают у местных возможности трудоустройства, принадлежащие им по праву. (Основатель этого движения Бал Тхакерай, ныне глубокий старик, очень симпатизировал Гитлеру и его программе этнических чисток.) Сейчас Шив сена выдвигала идею изгнания из Мумбаи рабочих, приезжающих из беднейших северных штатов Индии. Кроме того, ее лидеры питали давнюю и глубокую неприязнь к мусульманскому меньшинству. По этим причинам родители Абдула, мусульмане и выходцы с севера, из штата Уттар-Прадеш, с двойной подозрительностью относились к живущим по соседству приверженцам радикального политического течения.

Однако дружба Мирчи и Раула была выше этнических и религиозных предрассудков. Иногда Мирчи, просто чтобы посмешить друга, выкидывал вверх кулак и выкрикивал приветствие членов Шив сена «Джай Махараштра!». Эти два девятиклассника стали даже внешне немного схожи друг с другом: оба отрастили длинные, закрывающие пол-лица челки и выработали привычку откидывать свои чубы со лба картинным жестом, прямо как знаменитый киноактер Аджай Девган^[14].

Абдул завидовал их близости и взаимопониманию. Единственным, кто мог кое-как претендовать на звание его друга, был Калу, бездомный пятнадцатилетний подросток, живший тем, что воровал отходы из оцепленных колючей проволокой зон с мусорными контейнерами в аэропорту. Но Калу работал по ночам, когда Абдул спал, поэтому они последнее время редко общались.

Больше всех Абдул любил своего двухлетнего брата Лаллу. И эта привязанность к малышу его все больше беспокоила. Слушая болливудские любовные песни, он приходил к выводу, что его сердце глухо к тому, о чем в них поется. Он еще никогда не сходил с ума ни по одной из знакомых девушек. Да, Абдул знал, что любит свою мать, но это чувство вряд ли можно было назвать глубоким и сильным. При этом стоило ему лишь посмотреть на Лаллу, как на глаза наворачивались слезы умиления. Малыш был столь же беззаботен и бесстрашен, сколь осторожен и трусоват был его старший брат.

На щеках и затылке у Лаллу часто красовались припухшие шрамы от крысиных укусов. Это приводило Абдула в отчаяние, но что оставалось делать? В такие месяцы, как нынешний, мусора на складе скапливалось слишком много, свободного места не оставалось, и часть его приходилось тащить в дом. Конечно, это привлекало крыс. Но складировать лом и другие отходы на улице тоже было невозможно – мусорщики разворовали бы запасы Абдула, и ему пришлось бы платить за один и тот же товар дважды.

В три часа дня Абдул занялся самой нудной и неприятной работой – сортировкой бутылочных крышек. Некоторые имели пластиковые вкладыши с внутренней стороны. Весь пластик нужно было соскоблить перед тем, как отправить крышку в кучу к алюминиевому лому. С каждым годом упаковка дорогих продуктов и товаров становилась все более высокотехнологичной и «сложносочиненной»: разные материалы смешивались, одни имитировали другие. Пластины, казавшиеся на первый взгляд деревянными досками, оказывались полностью или частично

пластиковыми или ламинированными. А к какой категории отнести люфу^[15], вообще было непонятно. При этом владельцы перерабатывающих предприятий принимали только однородное, очищенное от всего постороннего сырье.

Мать копошилась где-то за спиной Абдула. Она оттирала камнем влажное грязное белье^[16]. Бросив взгляд на дремлющего на пороге Мирчи, Зеруниза воскликнула:

– Что такое? У тебя каникулы?

Мирчи ходил в девятый класс третьесортной частной школы. Преподавание там велось на языке урду. За обучение семья платила триста рупий в год. В бесплатной городской школе было всего восемь классов, да и вообще уровень образования там был очень низким. Учителя часто вообще не являлись на уроки. Правительство Индии было не сильно озабочено распространением общедоступного качественного образования, поэтому родители, хотевшие, чтобы подростки продолжили учебу в старших классах, вынуждены были платить за это.

– Садись за уроки или помоги брату, – скомандовала Зеруниза. Мирчи глянул на корпящего над крышками Абдула и открыл учебник математики.

В последнее время даже один вид мусора приводил Мирчи в уныние. Абдул старался не обращать на это внимания, хотя он не очень разделял родительскую веру в то, что брат закончит школу и благодаря своему уму и обаянию найдет хорошую работу. Мусульман на рынке труда не очень-то жалуют. Да, Мумбаи считается космополитическим городом, открывающим большие возможности для выходцев из любых слоев и общественных групп, и все же дискриминацию мусульман никуда не деть. Она оставалась прискорбной реальией жизни мегаполиса. Существовало множество вакансий, на которые представителям религиозного меньшинства было бы невозможно пробиться. Так, к примеру, мусульман почти не было среди персонала роскошных отелей, о которых грезил Мирчи.

По мнению Абдула, было вполне логично, что в городе с таким пестрым населением люди группируются примерно так же, как он сортирует мусор – подобное с подобным.

Слишком уж здесь много народу, чтобы всем досталась работа. Понятно, почему индуисты родом из Махараштры, принадлежащие к касте кунби^[17], нанимают своих соплеменников, а не мусульман, занятых в утилизационном бизнесе. Однако Мирчи утверждал, что теперь все по-другому: касты и общественные группы смешиваются, старые

предрассудки теряют вес, просто Абдул этого не замечает, потому что все время копается в своей мусорной куче.

Абдул спешил. Надо закончить до сумерек. В это время крепкие парни-индуисты приходят на майдан, чтобы поиграть в крикет. При этом они все время норовят попасть мячом в его ровно разложенные кучки, а то и ему в голову. Эти ребята явно проверяли его на выдержку – полезет он в драку или не полезет, следуя своему вечному принципу избегать конфликтов. Абдул дрался только один раз в жизни: он побил двух десятилетних пацанов, обидевших младшего брата. Но эти игроки в крикет были пострашнее десятилеток. Совсем недавно из-за них мальчишку-мусульманина отправили в больницу с проломленным битой черепом.

Где-то наверху в ветвях баньяна ковырялся Раул, пытаясь высвободить еще одного запутавшегося воздушного змея – трофеем для последующей продажи. Листья на дереве были покрыты серым налетом, как и многие другие предметы и растения в Аннавади. Ветер гнал сюда с находящегося неподалеку цементного завода пыль, песок и кусочки щебня. «Ничего, от этого не умирают», – говорили старые обитатели квартала новоприбывшим, когда те жаловались, что густым, хоть топор вешай, воздухом, невозможно дышать, и от него появляются рези в глазах. На самом деле от этого постоянно умирали – одного свела в могилу нелеченая астма, у другого засорились легкие, третьего доконал туберкулез. Отец Абдула, с его вечным кашлем, нашел утешение получше. Он говорил, что цементный завод и строительные объекты, расположенные вокруг, обеспечивают работой всех, кто живет в районе аэропорта. Испорченные легкие – это неизбежное зло, необходимая цена, которую приходится платить за причастность к прогрессу.

В шесть вечера Абдул встал и победно огляделся. Над отелями поднимались облака дыма – так здесь по вечерам отпугивали насекомых. День прошел, и прошел успешно. Он успел все сделать до прихода любителей крикета! На земле красовались четырнадцать грузных мешков с рассортированным мусором. Абдул с двумя младшими братьями погрузил их в багажник ярко-салатовой трехколесной колымаги. Этот старый мотоцикл был чуть ли не самым ценным имуществом семьи Хусейнов. С его помощью Абдул доставлял рассортированные отходы на переработку. Сейчас надо скорее выруливать на ведущее к аэропорту шоссе и направиться в гудящий на все лады сиренами и сигналами город.

Движение было бурным. Улицы заполнили машины, велосипеды, автобусы, скутеры, между которыми с трудом лавировали и пешеходы. Пять километров Абдул преодолевал более часа. Особенно загружен был

участок трассы рядом с садами отеля «Ли́ла». Неподалеку от этого места расположилась стоянка, на которой сотни европейских автомобилей ожидали сервисного обслуживания. Местный сервис носил вычурное название *Spa de car* («спа для машин»). Здесь же шло строительство первой ветки городского метро. Оно будет вплотную подходить к эстакаде скоростного шоссе, ведущего к воздушным воротам города. Абдул опасался, что пока он толкается в этих пробках, у него кончится бензин. Но все прошло благополучно: ночная тьма уже окутала город, когда он въехал на своем скрежещущем драндулете в обширный трущобный район, называемый Саки-Нака.

Среди этих лачуг расположились мастерские, где велась переплавка металла и дробление пластика. Ее владелец всегда ходил в белой накрахмаленной куртке^[18] – как бы дистанцируясь от грязного производства, которым он управлял. Нанятые им рабочие все были черными как смоль – их лица вечно покрывал толстый слой копоти, а легкие наверняка были не менее черны от вдыхания металлической пыли. Несколько недель назад Абдул наблюдал тут страшную сцену: мальчику, подсовывающему пластик в шредер, отрезало руку. В глазах у него стояли слезы, но ни единого стога не сорвалось с его уст. Кровь струилась с изуродованной культи, а сам он застыл, понимая, что навсегда потерял возможность хоть как-то заработать на хлеб. А потом вдруг начал извиняться перед хозяином, тем, что весь в белом:

– Сахиб, простите! У вас не будет из-за меня неприятностей. Я не буду никому жаловаться.

Что бы там Мирчи ни говорил о прогрессе, в Индии простой человек по-прежнему должен был знать свое место. Конечно, Абдул хотел бы, чтобы все было по-другому. Но это было похоже на наивную детскую мечту, попытку написать свое имя на растаявшем кулфи^[19]. Он вкалывал, как проклятый, работа его была малопривлекательной, всеми презираемой, но такой жребий был назначен ему от рождения. И вот, наконец, оказалось, что этот тяжкий труд приносит какую-то прибыль. Вот сегодня, например, он привезет домой много денег. Абдул уже прикинул в уме, сколько может стоить то, что он доставил на переработку. Сейчас самый сезон – очень много утилизируемых отходов, к тому же благодаря росту мировой экономики растет глобальный спрос на перерабатываемые материалы. Счастье, наконец, улыбнулось семейству Хусейнов, и оно получит такой барыш, какой большинству в Аннавади и не снился. Абдулу удавалось зарабатывать по пятьсот рупий в день, что примерно соответствует

одиннадцати долларам. Этого было достаточно, чтобы приступить к реализации задуманного матерью. Мечту о том, чтобы выбраться из трущоб, лелеяли даже самые маленькие члены семьи Хусейнов, но помалкивали об этом. Именно для осуществления этого плана каждое утро Зеруниза будила своего старшего сына громкими ругательствами.

План состоял в следующем. Если сложить то, что заработано сейчас, с заначкой, прикопленной в прошлом году, можно внести первый взнос за участок десять соток, расположенный за городом, в тихом местечке Васаи. Там живут в основном мусульмане, занятые в утилизационным бизнесе. Если все будет хорошо, Хусейны покинут трущобы и станут землевладельцами. На горизонте маячила заманчивая новая перспектива – начать достойную жизнь среди людей, которые никогда не назовут тебя отребьем.

Глава 2

Айша

Айша, мать Раула, в ту зиму больших надежд обратила внимание на важный факт: негласный староста Аннавади, похоже, слегка спятил и стал очень религиозным. Да, Роберт Пайрс по-прежнему бил свою вторую жену, но при этом жить ей давал. Рядом со своим домом он возвел христианскую часовенку, а потом еще одну – на этот раз святилище было посвящено индуистскому божеству. Перед этими двумя алтарями он каждую субботу молитвенно складывал свои мясистые ладони и каялся во всех былых прегрешениях. Кроме того, он пытался искупить содеянное, раздавая хлеб и чай голодным детям. Будние дни он коротал в специально сооруженном прямо среди трущоб загоне, где с утра до вечера сюсюкал со своими любимицами – девятью лошадками. Двух из них Роберт выкрасил в черно-белую полоску. Этих поддельных зебр он впрягал в повозку и сдавал в аренду на праздники, к примеру, на дни рождения детей из семей среднего класса. Он считал, что суровые боги, верша суд над ним, должны учесть нынешнее обращение к честному труду.

Для тридцатидевятилетней Айши Вагхекар волшебное преобразование всесильного старосты открывало большие возможности. Роберт потерял интерес к власти именно тогда, когда она стала входить во вкус и возжелала взять управление кварталом в свои руки. Пусть другие плетут гирлянды из ноготков и копаются в мусоре. Она хотела быть «разводящим» в сложных взаимоотношениях между обитателями трущоб и внешним миром, который стремится эксплуатировать Аннавади.

Должность старшего в квартале была, конечно, неофициальной. Но все знали, что ее занимают ставленники местных политиков и главы полиции. Староста, контролируя ситуацию, действовал в их интересах. В быстро развивающейся, меняющейся на глазах Индии женщины-старосты встречались все же очень редко. Обычно они либо управляли от лица могущественного мужа, либо наследовали власть после смерти родственников.

Но у Айши таких влиятельных родичей не было. Ее муж-алкоголик время от времени подвизался в качестве разнорабочего на строительных площадках. У него не было решительно никаких амбиций. Айша фактически в одиночку поставила на ноги троих детей, которые сейчас

вошли в подростковый возраст. Соседи не знали толком ее мужа и всегда считали, что она – сама по себе. Просто Айша. Если бы о ней кто-то заботился, она, возможно, никогда и не догадалась бы о том, что обладает чрезвычайно хитрым и изворотливым умом.

Главным вкладом Роберта в историю Аннавади стало то, что он привел в квартал Айшу и других коренных жителей штата Махараштра. Таким образом партия Шив сена пыталась упрочить свои позиции в районах, расположенных вокруг аэропорта. Чтобы привлечь голоса избирателей, это политическое объединение помогло провести в Аннавади общественный водопровод. Жители проглотили наживку и поддержали новую власть, которая в 2002 году сместила представителей тамиллов – первых поселенцев на этой территории, некогда считавших ее своей вотчиной. Однако непросто удержать поддержку большинства среди трущоб, где почти ни у кого нет постоянной работы. Люди постоянно мигрируют, а жилье активно сдается или продается, причем весь этот «рынок недвижимости» черный и совершенно не поддающийся контролю. Поэтому к началу 2008 года оказалось, что здесь снова полно приезжих с севера Индии, против которых столь яростно выступала Шив сена.

И Айше, и руководству муниципального округа номер 76, включавшего в себя Аннавади, было ясно одно: Роберта теперь не волнует ни управление кварталом, ни интересы партии. Ему нужны только его зебры.

Субхаш Савант, представитель властных структур, официально выбранный глава муниципального образования, был мужчиной крупный и округлый, как блин. Он красил волосы в желтый цвет и носил темные очки, как у авиаторов, за которыми прятал свои маленькие пронизательные глазки. Было бы вполне логично, если бы он назначил приемником Роберта красноречивого и хорошо известного всем активиста Шив сены по имени Авинаш. Но тот был слишком занят, чтобы служить послушным орудием в руках главы округа и выполнять все его распоряжения. Опытный сантехник Авинаш был нарасхват – днем и ночью чинил трубы и системы очистки нечистот в гостиницах, чтобы заработать на частную школу для сына.

А у Айши было свободное время. Субхаш устроил ее на временную работу в качестве учительницы младших классов в муниципальной школе. Платили ей немного, но все равно для нее это была настоящая синекура, ведь ее образование ограничивалось всего семью классами (глава округа знал об этом, но решил, что это несущественно). В благодарность за его помощь Айша занималась делами Шив сены, без конца звонила кому-то

по мобильному телефону, причем часто делала это прямо посреди своих уроков. Она могла обеспечить явку своих соседей на избирательные участки. Могла в рекордные сроки мобилизовать сотню женщин и организовать марш протеста по любому необходимому поводу. Власть имущие верили, что она может еще больше. Сначала ей доверили решать мелкие проблемы, возникающие в Аннавади. Потом появились проблемы посерьезней, потом еще и еще. Айше удавалось разрубить любой узел противоречий. Восхищенный глава округа подарил ей букет цветов, а его толстая жена начала смотреть на нее косо.

Айша считала это достойной наградой, заслуженным успехом. С тех пор, как она переехала в Аннавади, прошло восемь лет. В надежде на лучшее будущее женщина сделала ставку на политику и не ошиблась – теперь у нее есть дом, работа и могущественный покровитель. Со временем, мечтала Айша, все жители квартала, включая мужчин, поймут, что она – самая влиятельная фигура из всех обитателей этой вонючей дыры.

Мужчины, кстати, уже давно обратили на нее внимание. Измерив взглядом ее большую грудь и сопоставив увиденное с ничтожеством и равнодушием ее вечно пьяного мужа, они делали ей недвусмысленные предложения, суля, что избавят ее детей от нищеты. С подобными же намеками к ней как-то подкатил и сам грозный Роберт. Дело было вечером у колонки, когда она набирала воду. Айша поставила ведро, уперла руки в боки и холодно ответила:

– Я к твоим услугам. Ну-ка, скажи, недоносок, чего ты хочешь от меня? Может, мне раздеться прямо сейчас и сплясать для тебя голышом?

Никто из женщин никогда не позволял себе таким тоном говорить со старшим в квартале.

Острой на язычок она была с детства, которое провела в бедной деревеньке на севере штата Махараштра. **Она работала в поле среди грубых, не стесняющихся в выражениях мужчин, и меткое словцо порой приходилось очень кстати, чтобы дать им отпор.** Такие качества, как хитрость и обходительность, помогавшие ей плести интриги и манипулировать обитателями трущобного района, она приобрела, уже перебравшись в город.

Действовать нужно было холодно и прагматично. Айша поняла, что в большом городе все время кипит недовольство, зреют зависть и злоба. Здесь, среди неравенства и больших возможностей, не было ни единой души, которая не винила бы окружающих в своей неудовлетворенности жизнью.

Состоятельные граждане пеняли трущобным жителям, что те разводят грязь и распространяют заразу, отравляя окружающую среду. При этом они не упоминали, что именно по причине перенаселенности и постоянно продолжающемуся притоку рабочей силы домработницы и шоферы обходятся им относительно дешево.

А бедные жаловались, что богатые и власть имущие перекрывают доступ к денежным потокам и не дают другим урвать свою долю на фоне экономического подъема. Все и повсюду стенали и сетовали, кивая на соседей.

Правда, в мегаполисе двадцать первого века уже немногие решались выносить сор из избы и выражать протест прямо на улице. Прошлые связи распадались, группы, «склеенные» по кастовому, этническому, религиозному принципу постепенно переставали существовать. Люди отрывались от коллектива, превращались просто в частных лиц, вынужденных прятать глубоко в сердце свои чаяния и обиды. Как и многое другое в Мумбаи, чувства и мысли стали «приватной зоной», скрытой от чужих глаз. А потому возрос спрос на чутких и грамотных посредников, которые наладили бы новые общественные связи и помогли отыскать компромиссы очень разным людям, волею судеб вынужденным обитать бок о бок в одном из крупнейших мегаполисов планеты.

Со временем, конечно, любой посредник терял свое влияние и желание нести это тяжелое бремя. Но, возможно, женщина продержится дольше на такой позиции, пусть и не совсем типичной для слабого пола в Индии? Может быть, эта роль подходит ей более, чем другим? Айша обладала особым даром и умела решать проблемы соседей. Теперь, когда к ее мнению прислушивался сам глава округа, она могла делать это еще эффективнее. И не без выгоды для себя. А когда она обретет настоящую власть над трущобным кварталом, то сможет при необходимости сама создавать проблемы, чтобы впоследствии успешно их преодолевать. Прекрасно работающая схема! Ее она взяла на заметку, наблюдая за Субхашем.

Правда, время от времени в ее душе шевелилось нечто подобное чувству вины за то, что приходится участвовать во всяких грязных интригах. Это отдаленно напоминало раскаяние, которое овладело Робертом. Но Айша старалась уверить себя, что это все излишние сантименты.

– Коррупция, везде коррупция, – оправдывалась она перед детьми, всплескивая руками, похожими на двух птиц, готовящихся к взлету.

Айша шла домой из школы. Вдоль стены ее дома выстроилась очередь из просителей, но, увидев их, женщина не ускорила шаг. Наблюдая за главой местной администрации, она поняла, что людей очень полезно заставлять ждать и томиться. Едва кивнув посетителям, она зашла за кружевную занавеску, затем проследовала в глубь дома и размотала бордовое сари, которое носила на работу.

Она стала старше, и теперь ее глаза притягивали больше внимания окружающих, чем ее бюст. Айша умела метнуть такой взгляд, что мальчишки, засматривающиеся на Манджу, ее девятнадцатилетнюю дочь-красавицу, тут же предпочитали убраться подальше. Когда она думала о деньгах, глаза ее сужались в щелочки. А о деньгах она думала почти все время. Поэтому в Аннавади ее часто звали Косой. Но главным свойством ее глаз была способность светиться каким-то особым светом. Обычно с возрастом у женщин взгляд гаснет. Виной тому жизненные тяготы и разочарования. Но у Айши глаза горели, да таким огнем, какого она не знала в юности. От тех лет у нее осталась старая фотография: худощавая, чуть сутулая деревенская девушка с сильно загоревшим от постоянной работы в поле лицом, только что выданная замуж за чужого, ненавистного мужчину. Айша всегда посмеивалась, глядя на этот снимок.

Из-за занавески она вышла в домашнем бесформенном платье. Это был еще один прием, позаимствованный у владыки округа. Принимая посетителей дома, в гостиной (стены, выкрашенные в сиреневый цвет, мебель того же оттенка) он часто появлялся в майке и лунги^[20], чуть прикрывавшем колени. А визитеры изнывали от жары в нейлоновых рубашках и брюках! Весь вид чиновника при этом говорил: я столь безразличен к вашим проблемам, что даже не потрудился одеться.

Усевшись на полу, она приняла из рук Манджу чашку чая и кивнула, разрешив первой из посетительниц говорить. Подошла пожилая женщина с седыми спутанными кудрями и изрезанным морщинами, но все еще хранящим следы былой красоты лицом. Она ничего не просила, а слезы на ее глазах были слезами благодарности. Три года назад она чуть не лишилась постоянной работы, которая состояла в очистке засорившихся сточных коллекторов и за которую платилась муниципальная зарплата – девяносто рупий в день. Айша тогда помогла женщине избежать увольнения. Когда-то по неопытности она совершала подобные добрые поступки безвозмездно.

Сейчас старушка принесла подарок – дешевое зеленое сари, купленное на с трудом сэкономленные деньги. Цвет Айше не понравился, но все равно хорошо, что другие люди в очереди видят, как ее осыпают

благодарностями и как пожилая женщина низко кланяется, почти касаясь лбом босых ног своей благодетельницы.

Следующей была растолстевшая танцовщица, некогда исполнявшая в ресторане какие-то экзотические танцы. Из ресторана ее выгнали, и сейчас ей удавалось свести концы с концами лишь благодаря тому, что она стала любовницей женатого полицейского. Однако принимать его дама могла только в собственной лачуге, в которой кроме нее жила еще пожилая мать и малолетние дети. Им визиты чужого мужчины были не по нутру, и они регулярно устраивали шумные скандалы. В конце концов офицер заявил, что не желает всего этого слушать. Он пригрозил, что если родственники его зазнобы не затихнут, он перестанет приходить.

– Тогда все мы умрем с голоду! – рыдала танцовщица.

Айша вздохнула. Она знала, что в ходе кампании по сохранению и укреплению нравственных устоев всех проституток прогнали из района аэропорта. **У работниц секс-индустрии, живших в Аннавади, выбор был невелик: либо обслуживать клиентов прямо у себя дома, либо пытаться притулиться на ночной стоянке для фур, разместившейся прямо рядом с кварталом, либо вести мужчин в тесный однокомнатный, да еще и оккупированный козами местный бордель.**

Несколько минут размышлений, и у Айши уже готов вердикт. Она советует несчастной женщине проявить терпение и подробнее разъяснить близким многообещающие перспективы этой связи.

– Вероятно, сейчас полисмен не может дать вам так уж много, но со временем, возможно, он отремонтирует или расширит дом. Это же в его интересах. Так что пусть затихнут и подождут немного, пока все уладится.

Произнося эту тираду, она невзначай пробежала пальцами по новой оранжевой плитке, которой недавно замостила веранду дома. Восемь лет назад, когда этот квартал только строился и больше напоминал палаточный лагерь, чем стационарное поселение, ее детям приходилось шнырять между грузовиков и воровать с кузовов строительные материалы – доски и алюминиевые листы. Из всего этого семейство кое-как склотило себе первое жилье. Теперь это был настоящий дом с оштукатуренными стенами, вентилятором под потолком, маленьким деревянным святилищем с электрической свечкой внутри. Был даже холодильник – правда, неработающий, но все равно подчеркивающий высокий социальный статус хозяев. Однако обиталище это все равно было тесным и неудобным. Приходилось сдавать часть жилой площади, иначе не хватило бы денег на то, чтобы привести в нормальный вид остальные комнаты, да и пустить

пыль в глаза соседям, чтобы больше уважали. Так что и в пристройке с тыльной стороны дома, и на крыше обосновались мигранты-арендаторы, поток которых в Мумбаи не иссякал.

Партия Шив сена их не любила, но Айша всегда предпочитала подходить к делу с практической, а не идеологической точки зрения. Она считала, что никаким заработком не стоит пренебрегать.

– Вас не должно беспокоить, что окружающие считают нас скрягами, – внушала она детям. В ее родной деревне принято было говорить, что по капле наполняется целый океан.

Зазвонил мобильный. Это младшая сестра. «Говори быстрее, меня люди ждут», – сказала Айша. Она ей завидовала. Муж сестры, шофер, вкалывал днем и ночью. В их доме в одном из соседних трущобных районов, были стереосистема и четыре белые пушистые собачки, которых хозяева держали просто ради удовольствия. Но завистница утешалась тем, что дочь сестры была глуповатой простушкой и не шла ни в какое сравнение с Манджу, единственной студенткой колледжа во всем Аннавади. Сейчас Манджу замешивала тесто к ужину и делала вид, что не прислушивается к разговорам матери.

Сестра звонила, чтобы посоветоваться. Она, подобно Айше, собралась взяться за «социальное посредничество». По ее мнению, сейчас как раз представился удобный случай: недавно у них в квартале девушка-индуистка сбежала с юношей-мусульманином.

Айша вышла из дому и, понизив голос, порекомендовала:

– Запомни самое главное. Когда будешь брать деньги у родственников девушки, не говори, что это вознаграждение для тебя. Скажи, что полиция требует мзды. Ну, все, мне надо идти.

Она вернулась в дом и увидела, что к ней по делу зашел старый друг – Раджа Камбл. Они были знакомы давно: когда-то их семьи переехали в Аннавади в одно и то же время, и дети росли вместе. Сейчас на Камбла было больно смотреть: темные круги вокруг глаз, распухшие суставы... Он рассчитывал, что Айша спасет его от неминуемой смерти.

Раджа Камбл рос в еще большей нищете, чем Айша. Родители бросили его, когда он был совсем маленьким. Он долго скитался, спал на улице, потом брался за любую работу, чтобы выжить. Какое-то время он ходил по офисам, пытаясь продать ароматизированные салфетки-вкладыши для телефонных трубок. «Не хотите ли купить салфетки, сахиб? В жару, когда с виска постоянно капает пот, они помогут избавиться от неприятного запаха от трубки». Заработать на этом удавалось сущие копейки. Но после тридцати Радже вдруг улыбнулась удача. В то время он был продавцом

в продуктовом киоске на вокзале. Один из постоянных покупателей, чиновник из обслуживающей вокзал конторы, получавший муниципальную зарплату, подружился с ним и пожалел его. **Этот человек дал ему все – ввел в свою семью, выдал за него замуж свою дочь, и, главное, предложил надежное место работы. А это голубая мечта всякого мумбайского бедняка.**

Обязанности Раджи теперь состояли в том, чтобы чистить общественные туалеты. На самом деле это должны были делать его покровитель и другие ассенизаторы из конторы. Но они находили себе другой заработок, «почище», а формально продолжали значиться в ведомостях и получали деньги из бюджета города, расплачиваясь частью из них с заменяющим их господином Камблом. А тот был горд и счастлив возложенной на него ответственностью.

Его семейная жизнь сложилась благополучно. Они с женой родили троих детей, выстроили хижину и даже обложили ее кирпичом. На стене у них красовалась клетка с двумя домашними голубями (еще во время своих уличных скитаний Раджа полюбил птиц). Господин Камбл был в Аннавади символом успеха и процветания. Его уважительно именовали «джи» или «мистер». Все было прекрасно, но случился приступ.

Он потерял сознание прямо во время мытья уборной. Обследование выявило проблемы с сердцем. Ассенизационное ведомство отправило его на покой без всякого выходного пособия, заявив, впрочем, что он сможет вернуться после операции на сердце. Если, конечно, врачи разрешат ему продолжать работать. В государственных больницах такие операции должны были проводиться за символическую плату, однако хирурги требовали неофициального вознаграждения. Так, доктор из клиники больницы Сион назначил взятку в шестьдесят тысяч рупий, а специалист из больницы Купер требовал еще большую сумму.

Чуть ли не каждый второй обитатель Аннавади, сводивший концы с концами, имел огромные долги. Вероятность того, что кто-то даст деньги безработному жителю трущоб, была практически нулевой. Но господин Камбл не терял надежду. Последние два месяца он из последних сил, не щадя и без того слабого здоровья, целыми днями ходил по инстанциям и собирал пожертвования на операцию. Он обращался к политикам, благотворительным и коммерческим организациям. Глава округа дал ему триста рупий. Директор лакокрасочной фабрики подарил тысячу. В итоге, после сотен обращений у него набралось двадцать тысяч. Недоставало еще сорока.

Раджа слабо улыбнулся, глядя в глаза Айше. Десяток квадратных

желтых зубов казались очень крупными, настолько исхудавшим было его лицо.

– Я не прошу милостыню, – сказал он. – Мне нужна операция, чтобы продолжать работать и увидеть свадьбы моих детей. Не могла бы ты устроить мне государственную ссуду?

Он знал, что Айша была одним из мелких винтиков в крупной мошеннической схеме, предполагавшей махинации с государственными кредитами. Правительство в Нью-Дели, вечно озабоченное борьбой с бедностью, решило поддержать предпринимателей, создающих дополнительные рабочие места, и выдавать им кредиты на льготных условиях. Однако на деле такой займ можно было получить имитируя коммерческую деятельность. Житель трущоб подавал заявку на субсидирование воображаемого бизнеса. Его поддерживал чиновник местной администрации, который писал заключение, сколько прекрасных новых вакансий данное предприятие открывает в районе. После этого состоящий в сговоре с ними менеджер государственного банка «Дена» давал «добро» на получение ссуды. За свое участие в этом деле представитель администрации и банковский служащий получали откат – часть средств из полученной суммы. Айша была хорошо знакома с менеджером банка и помогала ему подыскивать в Аннавади подходящих претендентов для участия в схеме. Естественно, она тоже не оставалась внакладе.

Господин Камбл уже придумал себе фиктивный бизнес – продуктовый киоск, такой же, в каком он работал на вокзале. Он мысленно все просчитал и поделился своими соображениями с Айшой. Если получить кредит в пятьдесят тысяч рупий и заплатить из него по пять тысяч Айше, банковскому посреднику и чиновнику из округа, то у него останется тридцать пять тысяч вдобавок к имеющимся двадцати. А недостающие для операции пять тысяч он уж как-нибудь займет.

– Ты же видишь, в каком я положении, – заключил он. – У меня не будет ни работы, ни дохода, пока я не выйду из клиники. А если ничего не получится... В общем, ты понимаешь, что будет.

Она внимательно посмотрела на него, поцокала языком. Айша всегда так делала, когда о чем-то раздумывала.

– Да, вижу, что ты плох, – сказала она после минутной паузы. – Думаю, тебе надо сходить в храм. Нет, лучше даже сходи к моему Гаджанану Махараджу^[21], и помолись ему.

Он посмотрел на нее с удивлением:

– Помолиться?

– Да, надо каждый день молиться о том, что тебе необходимо – о здоровье, о ссуде. Молись Гаджанану, не теряй надежду, проси его о помощи и, возможно, ты ее получишь.

Манджу, дочь Айши, громко вздохнула. Она знала Раджу с детства и часто думала о том, как хорошо было, если бы этот добрый и мягкий человек был ее отцом.

И Манджу, и Камбл понимали, что «сходи в храм» в данном случае означало «такая сделка не пройдет, приходи потом, но с более выгодным предложением».

– Но мы же друзья, ты давно меня знаешь, и я думал... – заикаясь, начал господин Камбл.

– Получение ссуды – непростое дело. Именно потому, что мы друзья, я хочу, чтобы тебе помогли боги. Я надеюсь, что все у тебя будет хорошо.

Раджа Камбл заковылял прочь. Айша знала, что он очень скоро вернется к ней, гораздо раньше, чем дойдет до храма. Умирающему приходится дорого платить за то, чтобы выжить.

Сама Айша в последнее время редко посещала храм. Она считала себя религиозной, но недавние события заставили ее сделать вывод, что боги даруют ей то, чего она хочет, вне зависимости от ее молитв и постов. Как-то раз она собиралась попросить, чтобы они послали неприятности соседке, распускавшей гадкие слухи об отношениях Айши с главой округа. Но не успела она обратиться к богам, как у той женщины заболел муж, старшего сына сбила машина, а младший упал с мотоцикла. Эти, а также другие подобные факты свидетельствовали, что небеса посылают ей, Айше, полосу везения. Просто она попала в колею удачи, возможно, ту самую, из которой только что выпал господин Камбл.

В другом конце комнаты ее дочь метала громы и молнии, но делала это тихо и сдержанно, еле заметно. Только так Манчжу позволяла себе проявлять эмоции, в том числе и гнев. Она кидала нарезанный лук на сковородку с таким ожесточением, что некоторые кусочки выскакивали и рассыпались по полу. Айша подняла бровь. Она знала, что вечером девушка улизнет из дома и побежит к общественному туалету плакать на плече у своей лучшей подруги Мины. Конечно, она, захлебываясь слезами, расскажет о том, как мать отказалась помочь своему больному другу. Вообще-то не предполагалось, что Айша догадывается об этих встречах у туалета и конфиденциальных (но, тем не менее, известных всей округе) беседах. Но мало что в Аннавади укрывалось от ее глаз. Вся информация рано или поздно доходила до ее сведения.

В целом Манджу была очень послушной. Айша радовалась ее

покорности, всеми в квартале признаваемой красоте и успешной учебе в колледже. Она изучала что-то непонятное, но интересное, повторяла какие-то странные имена «Титания», «Дездемона»... Единственным своим воспитательным просчетом Айша считала то, что дочь выросла очень мягкосердечной. Во второй половине дня она давала уроки английского детям из беднейших семей в Аннавади. Изначально это была идея Айши. Репетиторство Манджу приносило триста рупий в месяц, и это прекрасно, но теперь девушка только и думает о своих воспитанниках – этот мальчик голодает, а эту девочку бьет мачеха.

Айша понимала, что душа полна противоречий, и принимала их как есть. Так, например, она знала по себе, что можно, с одной стороны, гордиться своим тяжелым детством и в то же время ненавидеть его, желая, чтобы всего этого с ней не было. **Когда ее родителям нечем было кормить детей, дочери обходились без еды. Люди привыкли считать, что голод – это какие-то ощущения в области желудка.** Но Айша запомнила его, как неприятный вкус, что-то особое на языке, будто всасывающееся в слизистую. Бывает, по прошествии стольких лет сглотнешь – и вот оно ни с того ни с сего опять дает о себе знать. Она пыталась объяснить это дочери, но та не понимала, о чем речь, а лишь смотрела на мать с жалостью.

Соседи нередко просили Айшу о посредничестве в разных финансовых вопросах, но гораздо чаще их мольбы и жалобы вертелись вокруг скучных бытовых конфликтов. Взять хотя бы застарелую распрю между исламским сбродом – Зерунизой Хусейн и одноногой Фатимой. Стоит их маленьким детям поссориться во время игры, как матери начинают препираться, кто кого первый ущипнул. Обе женщины были безразличны Айше. Она знала, что Фатима лупит своих отпрысков костылями. Что до Зерунизы, то у той вообще слишком много гонору. Еще три года назад во время сезона дождей у Хусейнов вообще не было крыши над головой. Как тогда завывала эта Зеруниза! И кстати, Раул тогда очень здорово ее передразнивал, изображая отчаянные рыдания. А теперь, говорят, она и ее угрюмый Абдул прилично заработали. «Грязные мусульманские деньги, *харам ка пайса*» – так презрительно говорила об этом Айша. Сама она надеялась подняться благодаря умелому использованию государственных субсидий, а не копаясь в мусоре.

Большие перспективы в этом плане сулила правительственная поддержка женских «групп взаимопомощи». Это очень выгодно, особенно сейчас, когда Айша поняла, как играть в эту игру. Программа предполагала создание женщинами с неустойчивым материальным положением

своеобразных финансовых кооперативов, куда каждая из них помещала бы свои сбережения. Из этой общей кассы члены группы в период острой нужды могли бы брать ссуды под небольшой процент. Но объединение, созданное Айшей, предпочитало вместо льготных займов одалживать деньги под высокий процент, например, еще более неимущим женщинам в квартале, которых сознательно не принимали в группу. Так произошло со старушкой-чистильщицей канализационных стоков, которая подарила Айше сари.

Когда в Мумбаи прибывали иностранные журналисты, чтобы посмотреть, как кассы взаимопомощи помогают женщинам встать на ноги, чиновники нередко привозили их к Айше. В ее обязанности входило собрать у себя любых подвернувшихся под руку соседок, чтобы те застенчиво поулыбались в камеру, пока официальные лица рассказывают гостям о том, как финансовый кооператив помог присутствующим выбраться из нищеты. Айше принадлежал обычно финальный аккорд в этом шоу. Она демонстрировала всем Манджу и торжественно заключала: «Теперь мы независимы от мужчин! Моя девочка может закончить колледж и тоже стать самостоятельной!» Западные дамы в этот момент пускали слезу.

«Большие шишки думают, что если мы бедны, то совсем ничего не понимаем», – часто говорила Айша своим детям. Она-то все очень хорошо понимала и была сознательной участницей общенационального спектакля, разыгрываемого по всей Индии. Задачей всех актеров в этой пьесе было продемонстрировать себе и миру, что государство активно борется с вечными язвами – бедностью, болезнями, неграмотностью, эксплуатацией детского труда. Тем временем прочих старых, как мир, проблем этого общества – коррупции и манипуляции, то есть использования менее слабыми более слабых в своих интересах, никто будто бы и не замечал.

Для западного сознания и для тонкой прослойки, которую представляла собой индийская интеллигенция, термин «коррупция» имел исключительно негативные коннотации. Она воспринималась как главное препятствие на пути Индии к модернизации и достижения нового уровня в развитии. **Но для самых обездоленных людей в этой стране коррупция оставалось последним прибежищем в отчаянных жизненных ситуациях. Когда все другие возможности были исчерпаны, этот проторенный веками путь оставлял несчастным хоть какую-то надежду.**

Манджу заканчивала готовить ужин, а Айша тем временем включила телевизор. Ее семья была первой в Аннавади, где он появился. Однако с тех пор с экраном что-то произошло: цвета были сильно искажены. Сейчас диктор с ярко малиновым лицом сообщал новости из жизни знаменитой маленькой Лакшми, родившейся с восемью конечностями и названной так в честь многорукой индуистской богини. Несколько месяцев команда хирургов, в которую входили одни знаменитости, проводила операцию по ампутации лишних рук и ног. Текст, сопровождавший видеосюжет, был стандартно-оптимистичным: какие чудеса творят высокие технологии в здравоохранении, какую самоотверженность и мастерство проявили хирурги! По задумке журналистов, двухлетняя малышка, показанная в домашней обстановке, вероятно, должна была выглядеть нормальным, счастливым ребенком. Но даже на неисправном экране было заметно, что девочка вовсе не здорова. Айша подумала, что материальное благосостояние этой семьи было бы несравнимо выше, если бы родители Лакшми оставили все как есть и демонстрировали свою дочь праздным зевакам за деньги, как в цирке. Но этот репортаж о мнимом всемогуществе современной медицины наверняка заставит поверить в чудо Раджу Камбла, который смотрит обычно тот же канал, вещающий на языке маратхи^[22].

В Аннавади все хотели верить в возможность волшебного преобразования жизни. СМИ часто рассказывали о таких чудесах, происходящих в современной Индии. **Люди мечтали о том, чтобы попасть, как говорится в пословице, из грязи в князи, причем быстро.** Айша верила, что все это реально, но только если идти к цели медленно, шаг за шагом. Делая маленькие ставки и выигрывая по мелочам, можно продвинуться дальше окружающих с их категоричным «все или ничего».

Далекой целью Айши было стать не просто старшей в квартале, а занять пост главы семьдесят шестого муниципального округа. Осуществить эту мечту было возможно благодаря прогрессивным изменениям в индийской избирательной системе. Она, в соответствии с международными тенденциями, должна была давать равные права обоим полам. Чтобы доказать миру, что женщины играют важную роль в управлении государством, правительство Индии решило в ходе выборов на некоторые должности выдвигать кандидатов исключительно из представительниц слабого пола. В последний раз, когда в их округе проходили такие «чисто женские» выборы, Субхаш Савант выдвинул свою домработницу. Она набрала большинство голосов, и в период ее «главенства» хозяин продолжал де-факто управлять своей территорией.

Айша надеялась, что в следующий раз придет ее очередь, потому что сейчас у Субхаша служит глухонемая домработница. Это, конечно, очень удобно для сохранения секретов чиновника, но совсем не годится для участия избирательной кампании.

В семьдесят шестой округ входило несколько бедных районов, и некоторые из них были гораздо больше Аннавади. Но Айша уже предприняла первые шаги для того, чтобы жители окрестных кварталов узнали ее. Она заплатила за большой рекламный баннер, на котором было написано ее имя, помещена цветная фотография, а также краткий список достижений в качестве представителя женского крыла Шив сены. Эта перетяжка висела на открытом рынке в километре от Аннавади. Увы, на ней пришлось поместить также портреты трех других активисток партии. При этом глава управы не раз предупредил ее о том, как опасно тянуть одеяло на себя.

– Но ведь за всю рекламу пришлось заплатить мне одной! – жаловалась она вечером мужу, который явился домой пьяный, но веселый, а это намного лучше, чем пьяный и злой. – Зачем мне эти провинциалки, так и не избавившиеся от деревенского взгляда на жизнь? Они не понимают, что можно вложить немного сейчас и получить вдвойне позже.

К этому времени домой вернулись Раул и Ганеш, младший сын Айши. Мать встала и со смехом приподняла повыше висящие на бедрах модные шорты Раула.

– Я понимаю, что сейчас так носят и что тебе нравится этот американский стиль, – сказала она. – И все-таки это выглядит как-то по-дурацки.

Все положили себе печеных бобов, сочных тушеных овощей и лепешки роти^[23] из пшеничной муки. Еда оказалась безвкусной – похоже, Манджу, которая злилась на мать за историю с Камблом, намеренно сделала ее такой.

Айша знала, что дочь осуждает ее за интриги, полулегальные сделки и ночные встречи с главой округа, полицейскими, правительственными чиновниками. То, что они задумывали, нужно было обсуждать тайно, под покровом темноты. Но именно эти, презируемые Манджу политические махинации давали ей возможность получить высшее образование и со временем должны были позволить всему семейству подняться до уровня среднего класса.

– Неужели мне опять придется учить тебя, как делать роти круглыми, – насмешливо пеняла Айша дочери. – Девушку, которая печет такие уродливые лепешки, никто замуж не возьмет!

Роти, которую мать взяла в руки, была действительно такой жалкой и бесформенной, что Манджу невольно рассмеялась, так что Айша ошибочно решила, что дочь забыла про господина Камбла.

Глава 3

Сунил

Абдул всегда был нервным, но в феврале 2008 года он стал еще более дерганным. Это заметили все мусорщики. Он то поигрывал монетами в кармане, то переминался с ноги на ногу, будто готовясь бежать стометровку, то жевал деревянную щепочку, выделявая при этом языком всякие фигуры.

Причины для беспокойства были вескими: по всему городу бродили банды молодчиков, заявлявших, что они коренные жители Махараштры и собираются выгнать всех пришлых с севера. Мигрантов, как их называли, бхайя, жестоко избивали в надежде, что они уберутся подальше, а рабочие места достанутся местным.

Хоть Абдул и родился в Мумбаи, все же отец его был с севера, а это значило, что вся семья вполне могла стать объектом атаки хулиганов. Шумные компании, выкрикивавшие «Бей бхайя!», рыскали по трущобам вокруг аэропорта, находили мигрантов – владельцев небольшого бизнеса, громили машины, принадлежавшие таксистам-северянам, отбирали разложенные на одеялах товары у уличных торговцев.

Этот бунт одних бедняков против других не был стихийным. Нынешнюю вспышку насилия нельзя было списать лишь на естественное социальное напряжение в большом городе, где безработица всегда была острой проблемой. В данном случае ксенофобию подогревали люди из благополучных кварталов. Главным вдохновителем выступлений против мигрантов был племянник основателя партии Шив сена. Он организовал собственное политическое движение и хотел продемонстрировать избирателям, что его сторонники ненавидят бхайя еще больше, чем приверженцы Шив сены.

Абдул прекратил работу и не выходил из дома, чтобы не стать жертвой этих «поборников справедливости», о которых мусорщики приносили все новые страшные вести. Кому-то сломали ребра, кому-то раскроили череп, двоих подожгли...

– Хватит! – наконец взмолился Абдул. – Пожалуйста, прекратите говорить об этом! Эти нападения – просто показуха. Несколько отмороzków специально поднимают шум, чтобы напугать как можно больше людей.

Он повторял слова отца, Карамы, который старался научить детей

не волноваться по поводу того, на что они не в состоянии повлиять. Правда, Карам и Зеруниза время от времени шептались, вспоминая стычки между мусульманами и индуистами в Мумбаи в 1992–1993 годах и кровопролитные столкновения того же рода в соседнем штате Гуджарат. Но все же они старались обсуждать все это тайно от детей, которых воспитывали на патриотических песнях, воспевающих Индию как страну, где разные этнические группы, религии, языки и касты счастливо уживаются вместе.

Лучше всех на свете стран
Полуостров Индостан.
Ты – наш сад, а мы твои
Преданные соловьи.

Мелодия этой песни на слова Икбала^[24], знаменитого поэта, писавшего на урду, была выставлена на мобильном телефоне Карамы в качестве рингтона.

– Пусть дети сначала научатся добывать себе хлеб и рис, – говорил он жене, – а потом можно волноваться обо всем остальном.

Однако Сунил Шарма, наблюдательный двенадцатилетний мусорщик, понимал, что означает эта вечно пляшущая во рту Абдула щепочка. Он знал, что сортировщик мусора сильно, очень сильно обеспокоен.

Сунил, тоже чужак, пришелец-бхайя, хоть и индуист, часто с интересом рассматривал Абдула. Он считал, что тот трудится усерднее всех в Аннавади: «днем и ночью не поднимает головы». Однажды Сунилу представилась возможность близко рассмотреть Абдула при свете яркого дневного солнца. **Поразительно! У него было лицо сломленного, усталого старика, только черные как угли глаза казались наивными и детскими.**

Сунил был очень маленького роста, намного меньше Абдула, да и младше его. Но он считал себя умнее и проницательнее других мусорщиков. Для своего возраста он очень неплохо разбирался в людях и мотивах, которыми те руководствуются. Этому он научился в приюте при монастыре «Служительниц благословенной троицы».

Несмотря на то, что формально Сунил не был сиротой, он давно смекнул, что иногда выгодно так называться. Ему было ясно, что обороты речи, вроде «этот брошенный ребенок, больной СПИДом» или «я когда-то была первой помощницей Матери Терезы», позволяли сестре Полетт, монахине, заведовавшей детским домом, получать больше пожертвований от иностранцев. **Сунил понимал, по какой причине дети в приюте едят**

мороженое, только когда приезжают фотографии из газет. И он прекрасно видел, что продукты и одежда, присланные сиротам, с успехом перепродаются за воротами интерната. И все же его почти никогда не сердило, что он обнаруживал неприятную «изнанку» в поведении того или иного человека. Он просто считал, что очень полезно разбираться в том, как устроен мир, и уметь различать, что скрывается за красивым фасадом. Когда сестра Полетт решила, что монахини не в состоянии заботиться о мальчиках старше одиннадцати лет, и выгнала Сунилу на улицу, он не пришел в уныние, а постарался вспомнить все хорошее, чему научился у нее. А ведь он многое почерпнул в приюте: начал читать на родном хинди, освоил язык маратхи, считал до ста на английском, умел находить Индию на карте мира. Мальчик даже познакомился с умножением. А еще он понял, что монахини не так уж отличаются от других людей. Во всяком случае, не так сильно, как они сами утверждают.

Его десятилетняя сестра Сунита не пожелала оставаться в интернате без брата, и они вместе отправились в Аннавади. Здесь когда-то жила их семья, но их мать давно умерла от туберкулеза. Однако отец был жив и по-прежнему снимал хибару в самом зловонном переулке, где полудикие свиньи регулярно лакомились привозимыми из отелей и сваливаемыми тут же протухшими продуктами. Жилище было размером три на два метра, грязное, темное, вечно заваленное дровами для приготовления пищи. Сунил стыдился называть это «домом» точно так же, как стыдился называть отцом оборванного пьяницу, от которого вечно разило перегаром.

В те редкие часы, когда отец не был пьян, он трудился на строительстве дорог, чтобы снова заработать на выпивку. Еды он почти не покупал. Сунил сам присматривал за сестрой и заботился о ее пропитании. Однажды, когда ему было пять или шесть лет, он потерял ее на целую неделю, но с тех пор старался не упускать ее из виду.

История о том, как она потерялась, была одним из немногих воспоминаний его раннего детства. Тогда мать Раула Айша вдруг взялась ему помогать. Ее почему-то страшно огорчило исчезновение Суниты. Каким-то образом Айша отыскала девочку в южной части города, а потом ввалилась к их отцу и заявила, что его дети погибли, если он будет так пить. Вскоре после этого тетя Айша взяла их с сестрой за руки и повела куда-то. Они переходили через ведущее в аэропорт шоссе, будто обычная семья — мама и двое малышей. Но когда добрались до черных металлических дверей детского приюта, Айша развернулась и ушла.

За несколько лет, проведенных в приюте, он не раз возвращался

в Аннавади. Его отсылали туда всякий раз, когда он заболел ветрянкой или желтухой или когда случалась какая-нибудь другая неприятность, угрожавшая здоровью и благополучию остальных подопечных сестры Полетт. Так что он не терял навык сбора мусора. Он привык, что из-под дров в хижине могут вылезти крысы и покусать его, пока он спит, а также смирился с практически постоянным и неотступным чувством голода.

Раньше Сунил и Сунита просто выходили вечером на улицу и молча стояли рядом с домом кого-то из соседей, когда те ужинали. Рано или поздно какая-нибудь сердобольная женщина выносила им тарелку с едой. Сунита и сейчас могла бы таким образом добывать себе пищу, но ее брат был на два года старше и уже вышел из того возраста, когда мальчику гарантировано сочувствие взрослых. Правда, в свои двенадцать он выглядел на девять. С одной стороны, Сунила, чувствовавшего себя представителем сильного пола, это очень огорчало, с другой – можно было попробовать извлечь из этого какую-то пользу. Однако оказалось, что он уже просто не способен ни у кого вызвать жалость, потому что слишком горд для попрошайничества.

Впрочем, это печалило его только тогда, когда очень хотелось есть. Еще в детском доме, когда туда приезжали богатые белые женщины, Сунил отказывался выпрашивать у них мелочь. Напротив, он тешил себя надеждой, что его сдержанность и застенчивость привлекут особое внимание кого-то из гостей. **Годами он ждал такого момента: вот сейчас кто-то посмотрит на него повнимательнее, подойдет и станет расспрашивать...** Он решил, что назовется «Санни»^[25]. Такое имя должно понравиться иностранцам. Со временем мальчик понял, что, скорее всего, его план не сработает. Он со своим чувством собственного достоинства просто терялся среди множества жалких, плачущих попрошаек. Но к этому моменту он настолько привык никого ни о чем не просить, что это уже стало частью его натуры.

В первую неделю после того, как они окончательно покинули приют, когда мальчик еще толком не мог вспомнить, как и где собирать мусор, он украл у спящего отца сандалии и продал их Абдулу, чтобы иметь возможность купить хоть какую-то еду. Он успел съесть пять вада павов^[26], прежде чем отец проснулся, хватился пропавшей обуви и как следует всыпал сыну. В другой раз Сунил стащил из дома и продал казан, в котором готовили еду. Свои собственные сандалии он променял на небольшой мешок риса. После этого выяснилось, что больше продать нечего. **Голодные спазмы иногда можно было ненадолго унять, найдя**

сломанную или полувыпотрошенную сигарету и сделав несколько затяжек. А еще, когда особо сильно сосет под ложечкой, неплохо было полежать. Мучил его не столько сам голод, сколько ужасная догадка, что именно недоедание не позволяет ему расти.

Сунил унаследовал от отца полные губы, широко расставленные глаза и густую копну волос, зачесываемых назад со лба. (Одной из особенностей отцовской внешности было то, что его прическа всегда выглядела прилично, даже если тот спал, уткнувшись головой в сточную канаву). Но мальчик опасался, что ему, помимо прочего, генетически передалась отцовская низкорослость.

Он перестал расти год назад, еще когда жил в приюте. Сначала Сунил попытался убедить себя, что это лишь временно: мол, организм держит паузу и набирает силы для нового серьезного рывка. Но Сунита-то продолжала тянуться вверх и уже была выше его, несмотря на разницу в возрасте.

Чтобы подстегнуть гормональную систему, нужно было получше заботиться о своем здоровье, а значит, отказаться от сбора отходов. Невозможно не замечать, как быстро это занятие сводит в могилу юных мусорщиков. Лагая по коллекторам и бакам, они зарабатывали шрамы, которые потом долго нарывали. На коже заводились всяческие паразиты, в волосах кишели вши. Гангрена изъедала пальцы, ноги отекали и становились толстыми, как стволы деревьев. Неудивительно, что **Абдул нередко заключал со своими братьями пари: они спорили, кто из мусорщиков умрет следующим.**

У Сунилы был свой «список смертников». По его мнению, подошла очередь того полусумасшедшего парня, который разговаривал с гостиницами и считал, что «Хайат» собирается его убить.

– Думаю, у этого «истек гарантийный срок», – заметил Сунил Абдулу. На что тот возразил:

– Нет, следующий – парень-тамил, у которого белки глаз из желтых стали оранжевыми.

И Абдул оказался прав.

Как и большинство мусорщиков, Сунил хорошо представлял, как он выглядит со стороны. Те, кто едет в аэропорт, видели перед собой растрепанного босоногого мальчишку, жалкого и чумазого. К концу зимы он решил придумать себе новый образ, чтобы избежать этих презрительных, как ему казалось, взглядов. Его походка стала более вальяжной, будто он не торопясь шел в школу и глазел по сторонам. Так он

ходил только вдоль шоссе. Мешок для мусора по утрам бывал еще пуст, и он нес его под мышкой или набрасывал на плечи, как плащ супергероя. А если проедет мимо сестра Полетт в своем белом микроавтобусе с водителем, он наденет мешок себе на голову. «Сестра Полетт-Туалет», так он теперь мысленно называл ее. Наверное, рыщет сейчас по окрестностям в поисках более пригодных, чем подросток Сунил, сирот для сбора пожертвований.

На этой дороге рано утром он часто видел хорошо одетых молодых женщин. Они спешили с автобусной остановки на работу в отели, и в руках у них были сумочки размером с небольшой чемодан. На узком тротуаре в час пик лучше не сталкиваться с обладательницей такого «дамского ридикюля»: одним неловким движением она может столкнуть ребенка на проезжую часть. Но на рассвете большого потока пешеходов не было и казалось, что места в городе хватит всем.

Однако в любом случае вместо того, чтобы двигаться вдоль оживленной дороги, лучше было побродить по садам, которые новое руководство аэропорта разбило по обе стороны трассы. Сунил отлично лазил по деревьям и собирался, когда на кокосовых пальмах появятся плоды, поживиться ими. Правда, пробираясь среди деревьев и цветов, надо внимательно смотреть под ноги, чтобы не наступить на полуживых наркоманов, которые нередко валялись среди лилий.

Отсюда, с трассы, квартал Аннавади совершенно не был виден. Заметен был только дым от костров, на котором его жители готовили еду. Менеджмент аэропорта распорядился возвести вдоль шоссе сверкающее алюминиевое ограждение, чтобы скрыть трущобы от водителей и пассажиров автомобилей, направляющихся в международный терминал. А те, кто подъезжал с другой стороны, тоже не замечали бедных хижин. Их скрывала бетонная стена, увешанная ярко-желтыми, солнечными рекламными плакатами. На них красовалась реклама итальянской напольной плитки. Много раз повторенный лозунг компании-производителя гласил: «Вечная красота! Вечная красота! Вечная красота!». Сунил часто перелезал через эту стену в поисках отходов, но все без толку: территория вдоль шоссе была идеально чистой.

Самым перспективным местом сбора мусорных трофеев была Каргроуд – дорога, ведущая к грузовому терминалу. На подъездах к нему все было заставлено фурами и платформами для перевозки крупногабаритного товара. Стоящие здесь контейнеры всегда были набиты до отказа, к тому же рядом примостились дополнительные баки для пищевых отходов. С каждым днем здесь появлялось все больше мусорщиков,

и конкуренция между ними росла. Некоторые взрослые сборщики отходов не раз грозили приближающемуся Сунилу ножами. Но чаще они придерживались другой тактики: сначала позволяли наполнить мешок, а потом давали ему подзатыльник и отбирали все найденное. А женщины из касты матангов, традиционно занимающиеся мусорным промыслом, нередко закидывали конкурентов камнями. Они всегда одеты в красные и зеленые сари, а в крылья носа им с самого рождения вставляют блестящее украшение. Когда Сунил встречал их в Аннавади в очереди к весам, на которых все взвешивали дневной «улов», они бывали с ним очень ласковы. Но в целом матанги считали Сунилу, принадлежащего к касте плотников из штата Уттар-Прадеш, да и других ему подобных, оккупантами. В последнее время представители других каст стали все чаще вторгаться в исторически принадлежащие матангам владения, отбирая их хлеб. Действительно, мусор всегда есть и будет, а другую постоянную работу поди еще найди.

Но еще хуже было то, что уборкой и сбором отходов в городе стали все больше заниматься организованно – муниципальные и частные компании. Целая армия служащих в униформе следила за тем, чтобы в международном терминале и рядом с ним было идеально чисто. Крупные утилизационные предприятия централизованно вывозили мусор из пятизвездочных отелей. «Это ведь просто золотая жила!» – шепотом повторял сортировщик Абдул. По улицам все чаще колесили городские мусоросборные машины – это было частью инициированной звездами Болливуда кампании, целью которой стало избавить Мумбаи от ярлыка грязного мегаполиса. Над контейнерами повесили красивые оранжевые таблички с напоминанием: «Соблюдайте чистоту!»

Некоторые мусорщики-одиночки всерьез опасались, что вскоре для них не останется никакой работы.

В конце тяжелого дня, а таких у Сунилы было много, он сдавал Абдулу то, что удалось уберечь от посягательств алчных коллег по цеху. Матангам удавалось заработать в среднем по сорок рупий в день, но у Сунилы выходило не более пятнадцати – эквивалент тридцати трех американских центов. Мальчик понимал, что никогда не вырастет, пока не найдет альтернативные места сбора отходов, такие, о которых другие не подозревают. Придя к такому выводу, он перестал обращать внимание на конкурентов и стал пристальнее наблюдать, кто и как выбрасывает мусор. Так поступали все вороны в Аннавади: они сначала долго кружили и рассматривали интересный объект, а потом уже спускались, чтобы взять свое.

Богатые туристы наверняка оставляли много ценного в мусорных урнах в международном терминале и рядом с ним. Но охрана аэропорта безжалостно прогоняла всех мусорщиков, которые пытались вступить на эту территорию. Старожилы в Аннавади говорили, что они вышвыривали даже детей, которые хотели просто посмотреть, как меняются надписи на табло прилета: они перелистывались с забавным звуком «чаки-чаки-тр-р-р». У рабочих на стройке нового терминала тоже, наверное, был подходящий для утилизации мусор. Но площадка была огорожена высоким бело-голубым металлическим забором, перелезть через который невозможно. В полицейском участке Сахар, располагавшемся на территории аэропорта, тоже было чем поживиться. Но, как и все жители Аннавади, Сунил боялся полиции. Оставалось одно: обратить внимание на стоянку желто-черных такси рядом с офисом полиции. На самой стоянке ловить было нечего, так как ее курировали другие мусорщики, но может, в ее окрестностях что-то отыщется?

Водители, ожидавшие клиентов, покупали еду тут же, в небольшой продуктовой палатке.

Большинство таксистов, выпив чай из пластиковой чашки и съев самосу^[27], бросали мусор прямо себе под ноги. Так поступали очень многие, но не все. Некоторые перекидывали стаканчики и бутылки за низкую каменную стену за палаткой. С другой стороны стена выходила на крутой и высокий, примерно двадцатиметровый склон, который вел к реке Митхи. Точнее, это была не сама река, а бетонный отвод, в который ее перенаправили из родного русла при расширении аэропорта. Наверное, водители воображали, что их мусор попадает в воду, и его уносит бурным потоком куда-то далеко. На самом же деле отходы не долетали до реки, а по большей части скапливались с другой стороны стены на каменном уступе на полтора метра ниже ее верхней части. Ветер прибивал сюда и всякий другой пролетающий мимо мусор. Все это Сунил выяснил, забравшись на стену и внимательно рассмотрев то, что находится внизу. Выступ был узким, но худой и ловкий мальчик мог бы попробовать, балансируя, собрать эти трофеи.

Конечно, спрыгивая со стены на уступ, он мог промахнуться или оступиться. Тогда он упадет в реку. Плавать Сунил умел: он научился этому в Наупаде, трущобном квартале рядом с отелем «Интерконтиненталь». Каждый год во время сезона дождей квартал затопляло. При этом он никогда не слышал, чтобы в Наупаде кто-нибудь утонул. Наоборот, все считали, что плавать по улицам очень даже весело. Чего не скажешь о реке Митхи, изобиловавшей и непредсказуемыми

подводными течениями, и водоворотами. Случалось, здесь гибли люди.

Уступ тянулся от стоянки такси вдоль всей стены (а это почти 120 метров) и в конце упирался в низкое ограждение, за которым располагалось ведущее в аэропорт шоссе. Иногда проезжавшие водители притормаживали и указывали друг другу и своим пассажирам на мальчонку, осторожно шагающего по узенькому выступу высоко над водой. Глядеть на это было страшновато. Но Сунилу нравилось, что со стороны он выглядит, как настоящий каскадер. На деле все это было не более опасно, чем отираться на Карго-роуд или собирать мусор на улицах, по которым ходят банды, выкрикивающие «Бей бхайя!». К тому же он готов был идти на риск, только бы не остаться карликом или коротышкой. По мере того, как он продвигался по уступу, мешок распухал, и нести его было неудобно. Но он научился концентрировать внимание только на том месте, которое видел прямо перед собой, и не смотреть ни вниз, ни далеко вперед.

К марту беспорядки утихли. Однако их последствия еще долго давали о себе знать в Аннавади и других бедных районах. Многие выходцы с севера в течение двух недель вообще не выходили на работу, боясь расправы. Вынужденный простой сразу сказался на их и без того бедственном материальном положении. Многие решили покинуть город. Получалось, что новая политическая партия Махараштра Навнирман сена, пытавшаяся изгнать мигрантов из Мумбаи, отчасти добилась своего.

За некоторое время до всех этих событий родители Абдула сдали помещение размером около тринадцати квадратных метров на задах своей хижины авторикше-индуисту, приехавшему вместе со своим обширным семейством из штата Бихар. Водитель с братом-сменщиком взял трехколесное такси в аренду за двести рупий в день. Эту плату нужно было вносить ежедневно, не исключая и период беспорядков, в который авторикши не выходили на работу. Теперь у них не было денег ни на бензин, ни на оплату жилья. Как-то днем в середине марта расстроенная жена бихарца постучала к Зерунизе, чтобы попросить у нее отсрочки.

– Ты видишь, в каком мы положении! Не выгоняй нас! – молила она.

– Но ведь беспорядки причинили ущерб всем нам, – возразила Зеруниза, только что приложившая двухлетнего Лаллу к груди. – Абдул тоже был вынужден сидеть дома. Я тебе всю правду говорю, нам нечего скрывать. Ты знаешь, что у отца моих детей слабое здоровье. Мы тоже в любой момент можем оказаться на улице с пустыми карманами.

Она всегда придерживалась такой стратегии: преувеличивала свою бедность в разговорах с соседями, другими мусорщиками и полицейскими, требовавшими взятки.

– Но ведь ваш бизнес процветает, он поможет вам выжить, – возразила женщина из Бихара, теребя концы зеленого шарфа, покрывавшего ее голову. – Да и дом у вас есть, он никуда не денется. А мы, ты же понимаешь, живем одним днем, еле на еду зарабатываем. Мой муж много работает, и дети у меня хорошие.

Действительно, ее средний сын был лучшим учеником в маленькой группе, организованной Манджу, дочерью Айши. Он знал английский алфавит и на каждую букву мог привести в пример английское слово.

Зеруниза попыталась свернуть на политику:

– Господи, эти проклятые деятели из Шив сены, или как там их новая партия называется! Они уже столько лет пытаются выжить нас отсюда. Но мы же трудимся! Мы не просим у них милостыню. Как будто они нас кормят на свои средства. Они только тем и занимаются, что пытаются устроить заваруху на пустом месте...

Бихарская арендаторша сжала концы своего шарфа. Ей совсем не хотелось дискутировать о политике, особенно с Зерунизой, которую, как поезд без тормозов, могло занести очень далеко. Она долго рассматривала ящерицу на стене, забавно разевавшую маленькую пасть. И, наконец, решила прервать длинную тираду матери Абдула.

– Что подсказывает тебе сердце? Я-то могу забрать детей и уехать с ними обратно в деревню. Вернусь, как дура, ни с чем. Стыдно перед соседями и родственниками, ну да ладно. Там хотя бы есть огород, который обеспечит нам пропитание. Но что делать моему мужу и его брату? Я же не могу оставить его на улице...

Она долго смотрела в глаза своей товарке-мусульманке, пока ей не пришлось отвести взгляд.

Мусорщики говаривали про госпожу Хусейн: у этой даже десять сильных мужиков не вытянут кошелек из кармана. Глаза просительницы наполнились слезами, а Зеруниза прижала засыпающего Лаллу к себе и стала баюкать его. Это тоже за ней замечали другие: она использовала уже подросшего и избалованного двухлетнего малыша как щит, отгораживаясь им от чужих проблем.

Семейству из Бихара пришлось освободить комнату, и вскоре жена с детьми села в поезд, который через трое суток должен был доставить ее домой.

– Она же сама сказала: «Прислушайся к голосу сердца», – объяснила

мать Абдулу через несколько дней. – А сердце подсказало мне, что если мы не получим эти деньги, то не сможем внести следующий взнос за участок в Васаи. Что, если твой отец снова попадет в больницу? Наконец нам удалось что-то заработать и скопить. Но если мы решим, что уже все замечательно и расслабимся, то застрянем в Аннавади навсегда и будем вечно кормить здесь мух.

– После сезона дождей въедут новые арендаторы. Никуда они от нас не денутся, – объявил Абдул Сунилу и другим мусорщикам. Он передал им то, что говорил по этому поводу отец. Да, город был суров, а иногда даже жесток к мигрантам, и все же здесь в отличие от сельских районов можно было хоть как-то заработать на жизнь.

Много лет территория аэропорта, благодаря которому так или иначе кормились все обитатели Аннавади, была неухоженной и бестолково организованной. В здании вечно отовсюду свисали разномастные провода, периодически прорывало канализацию... Однако сейчас, на волне экономического подъема, правительство решило преобразить «воздушные ворота города» и отдало управление аэропортовой зоной в частные руки. Для этого был создан консорциум из нескольких фирм, ведущую роль в котором играла корпорация GVK. Новые менеджеры, люди амбициозные и целеустремленные, мечтали навести здесь порядок и построить современные терминалы, прекрасные с архитектурной точки зрения и отвечающие последнему слову техники. Все это должно было впечатлить гостей города и внушить им, что Мумбаи поистине является одним из значимых центров мировой цивилизации. Помимо прочего, государство поручило частным управляющим снести трущобы – Аннавади и еще тридцать такого же рода поселений, стихийно выросших на формально никому не принадлежащей земле. И хотя разговоры о том, чтобы стереть с лица земли бедные кварталы вокруг аэропорта, шли очень давно, похоже, на этот раз GVK и муниципальные власти решили довести дело до конца.

Привести в порядок всю территорию, прилегающую к аэропорту, требовалось прежде всего из соображений безопасности. Чем не уважительная причина, чтобы выгнать давно обосновавшихся здесь бедняков? Их было, по грубым подсчетам, около девяноста тысяч семей. Другим мотивом для сноса трущоб была высокая стоимость этой земли. Там, где сейчас ютились лачуги, можно будет начать многоэтажное строительство, которое принесет фантастическую прибыль. Третий фактор был не менее весомым. Аэропорт носил гордое название «Новые ворота Индии» (его украшал красочный логотип с распутившим хвост павлином).

А трущобы вовсе не были предметом гордости индийцев. Напротив, это была одна из наиболее болезненных проблем, которой стыдилась страна, признанная одной из самых быстро развивающихся в мире.

Крупные банки Америки и Великобритании переживали острый кризис, и капитал устремился на восток. Сингапур и Шанхай смогли дать ему приют и сказочно расцвели с притоком западных денег. Что до Мумбаи, то город мог бы и лучше воспользоваться ситуацией. Здесь тоже было много молодых, перспективных, легко обучаемых людей, чей труд стоил недорого. Но вот незадача: индийская финансовая столица была также широко известна как столица трущоб. Несмотря на растущую экономику, более половины жителей Большого Мумбаи обитали в сколоченных из подручных материалов временках. Некоторые иностранные бизнесмены взирали на расстилающиеся под крылом сажащегося лайнера убогие хижинки с отвращением, другие – с жалостью. Но почти все приходили к выводу, что в современном, развитом, эффективно управляемом мегаполисе такое явление неуместно.

В Аннавади понимали, что дни квартала сочтены. Дома обречены на снос, да и рабочих мест, дававших местным жителям пропитание, скоро не будет. И все равно люди цеплялись за эти двадцать соток земли, служившие им единственным пристанищем в городе. Район условно разделялся на три части. Абдул и Раул жили в так называемом Тамил Саи Нагаре, самом старом и относительно чистом уголке, примыкающем к общественным туалетам. Там же, где обитал Сунил, было беднее и грязнее. Здесь обосновались далиты из сельских районов штата Махараштра. (Далиты, также именовавшиеся ранее неприкасаемыми, занимали самое низкое положение в иерархии индийских каст и цехов – предельно сложной и консервативной системе, предписывающей каждому человеку от рождения определенный род занятий и закреплявшей за ним определенное место в обществе). **Далиты из Аннавади называли свой «микрорайон» Гаутам Нагар в честь восьмилетнего мальчика, умершего от воспаления легких, когда власти аэропорта в очередной раз «зачищали» трущобный район.**

Третья часть представляла собой даже не улицу, а испещренную рытвинами дорогу у самого входа в Аннавади. Здесь не было лачуг. Большинство мусорщиков обитало в этой части квартала. Спали они на своих мешках, чтобы коллеги по цеху не украли их сокровища.

Мелкие воришки, устраивавшиеся на ночлег прямо в выбоинах дороги, промышляли на строительных площадках вокруг аэропорта, где рабочие по рассеянности иногда оставляли без присмотра ящики с инструментами,

шурупами и гвоздями. До того, как аэропорт приватизировали, многие из нынешних воров работали там носильщиками: доставляли багаж приезжающих к машине и получали чаевые. Но после того, как возвели роскошный международный терминал, сравнимый по великолепию с соседними пятизвездочными отелями, из него изгнали всех носильщиков-оборвышей, а также попрошайек – матерей с младенцами и ожидающих подаяния на еду, а также детей, приторговывающих маленькими сувенирными изображения божков.

Бывшие носильщики, а ныне воры, жили чуть лучше мусорщиков вроде Сунилы, но почти все заработанные деньги тратили на острый рис с курицей, который готовила китайка, владелица маленького ларька рядом с трассой. **Обычно они завершали трапезу порцией наркотика – канцелярского корректора для замазывания опечаток Eraz-ex, индийским вариантом американской замазки для чернил Wite-Out.** Служащие из офисов выбрасывали не до конца израсходованные флакончики с белой вязкой жидкостью, а бездомные мальчишки из Аннавади подбирали их, потому что знали: это очень ценные остатки. Осадок, скопившийся на дне, можно слегка разбавить собственной слюной, размазать по тряпке и вдыхать. И тогда, после длинного трудового дня, в ночи, получишь заряд бодрости и хорошего настроения.

Правда, постоянный прием Eraz-ex влек за собой большие неприятности. Абдул как-то указал Сунилу, что пристрастившиеся к нему люди либо резко худеют, а их ноги и руки становятся тонкими, как спички, либо у них вспучивает животы и появляются резкие боли.

Абдул почему-то испытывал симпатию к мусорщику-недоростку. Было видно, что мальчишка любознателен и умеет радоваться необычным вещам. Например, недавно он увидел карту города рядом со столовой для работников аэропорта и потом рассказывал о ней в Аннавади с таким восторгом, будто нашел слиток золота в сточной канаве. Он все удивлялся, почему других мусорщиков это не интересует. Абдулу были знакомы эта тяга к знаниям и это любопытство к явлению, оставляющим других равнодушными. Однако сам он уже давно перестал делиться с окружающими своими переживаниями по тому или иному поводу и никому не объяснял, что именно у него лично вызывает энтузиазм. Он был уверен: Сунил тоже со временем поймет, что он не такой, как все.

Что до Сунилы, тот не мог не замечать, что наркоманы, грабящие стройплощадки, живут легче и веселее, чем Абдул, трудяга и трезвенник. По весне воры с радостными криками заполнили первый в Аннавади «развлекательный центр» – придорожную хижину с двумя громоздкими

автоматами для нехитрых видеоигр.

Держал это заведение бывший предводитель тамиллов, первых «колонистов» Аннавади. Потеряв политическое влияние, он занялся утилизационным бизнесом и пытался переманить у Абдула его поставщиков-мусорщиков. Этот тамил был почти таким же хитроумным и изворотливым, как Айша. Так, он одалживал мусорщикам небольшие суммы, иногда по одной рупии – такова была стоимость одной игры в Bomberman^[28] или Metal Slug 3^[29]. Он дарил им куски мыла и ссужал деньгами на еду. А ворами предоставлял в аренду инструменты для перерезания колючей проволоки или снятия колпаков с колес автомобилей. Понятно, что за все эти одолжения мусорщики и воры должны были нести именно к нему свой товар.

Хусейны считали такую конкуренцию нечестной. В одну из ночей жажда мести заставила Мирчи пробраться в зал игровых автоматов и взломать их, забрав из накопителя всю мелочь. Но старый тамил лишь рассмеялся, узнав об этом ограблении. Доход от автоматов был ничтожным в сравнении с прибылью от продажи краденого.

Из всех бездомных мальчишек Сунил особо выделял одного – язвительного пятнадцатилетнего Калу, которого с некоторой натяжкой можно было назвать другом Абдула. Калу часто высмеивал хозяина игрового центра и издевался над тем, что у него очень короткий лунги. К тому же он всегда возражал против распространяемых тамилом слухов, будто мусульмане, и Абдул в том числе, наглые обманщики, подкладывающие магниты под весы. Калу тоже подворовывал, причем специализировался на аэропортовых мусорных баках, в которых нередко можно было найти обломки алюминия. Он ловко пробирался на участки, где были установлены баки, несмотря на то, что часто они были обнесены забором с колючей проволокой. О его нечувствительности к боли ходили легенды. **Благодаря канцелярской замазке, которая использовалась также как бальзам, заживляющий порезы от колючей проволоки, Калу мог по три раза за ночь перелезть через такие заборы и обратно.** После того, как он продавал добытый цветной лом Абдулу, Калу обычно давал несколько рупий на еду Сунилу.

Как и Сунил, Калу потерял мать, когда был совсем маленьким. Он работал с десяти лет. Какое-то время даже служил в мастерской по огранке алмазов на местной фабрике, которая охранялась, как военный объект. Но когда он рассказывал об этом другим мальчишкам, те почему-то выходили из себя:

– Что же ты не засунул алмаз себе в ухо и не вынес с фабрики?

– Почему бы тебе не засунуть десять алмазов себе в задницу!

Они не верили, что существуют специальные аппараты-детекторы, через которые надо было проходить каждый день, выходя за ворота.

Сунилу очень нравились то, как вдохновенно Калу пересказывал сюжеты разных фильмов детям, никогда не бывавшим в кино. Это были мини-спектакли: то он, пронзительно причитая на некоем подобии бенгали^[30], изображал сумасшедшую из болливудского триллера «Лабиринт». То издавал гортанные звуки, имитируя китайский язык, и перевоплощался в Брюса Ли из «Выхода дракона». Показывать Кинг-Конга ему надоело, хотя восхищенная публика постоянно этого требовала. Калу больше нравился другой объект для подражания – Дипика из «Ом Шанти Ом».

– Арре кья итем хаи! – возглашал он, пританцовывая. – Только она умеет так неподражаемо стаскивать с себя все эти старомодные наряды.

Если «разобрать на элементы» лицо Калу, можно было бы сказать, что черты у него довольно простые и грубые: маленькие глазки, плоский нос, заостренный подбородок, темная кожа. Калу, или «черный мальчишка» – не имя, а презрительная кличка, которую дали ему бездомные ребята. При этом они относились к нему с уважением, и не только из-за того, что он презирал боль. С ним всегда было весело, и это поддерживало его авторитет. Когда наскучивало изображать кинозвезд, Калу принимался пародировать соседей – в основном тех, что со странностями, в том числе и Одноногую с ее яркой помадой и откляченным задом. Не так давно она принялась соблазнять одного совсем молоденького парнишку, бездомного наркомана, подсевшего на героин. Фатима завлекала его к себе, когда муж уходил на работу. Это привлекло всеобщее внимание: бродяге посчастливилось заниматься сексом, пусть и с убогой калекой, – это было удивительно.

Сунил часто подслушивал разговоры Калу, которые тот вел с приятелями после наступления темноты. Так маленький мусорщик узнал, что полиция нередко подбрасывает бродягам наводки: указывает на склады, где можно стянуть кое-какие строительные материалы. Потом полицейские получают свою долю от продажи украденного. Однажды около полуночи Сунил услышал, как Калу с несвойственной ему серьезностью обсуждает с Абдулом неудачную вылазку на одну из стройплощадок.

Оказывается, один полицейский недавно посоветовал вору наведаться на не огороженный забором с колючей проволокой участок, где прямо на земле лежат заготовленные для каких-то работ металлические листы.

В разговоре Калу именовал это место «мастерскими». Он побывал там час назад и действительно раздобыл несколько кусков железа. Но тут за ним погнался охранник, так что пришлось припрятать добычу в высоких кустах, чтобы убежать налегке.

– Если я к утру не заберу все это, железо отыщет кто-то другой, – сказал Калу Абдулу. – Но сейчас я слишком устал, чтобы вернуться за ним.

– Так поспи несколько часов и попроси кого-то из мальчишек разбудить тебя среди ночи, – посоветовал Абдул.

Но все бездомные уже приняли наркотики и пребывали в глубоком забытии. Да и в нормальном состоянии пунктуальностью они никогда не отличались.

– Я могу тебя разбудить, – предложил Сунил. Вечно копошащиеся в его хижине крысы в любом случае не давали ему толком уснуть.

– Хорошо, – сказал Калу. – Растолкай меня в три часа утра. Если не придешь, мне конец.

Последнюю фразу он произнес легко и весело. Он всегда говорил таким тоном. Но Сунил принял это близко к сердцу. Он улегся на майдане в нескольких метрах от Абдула и следил за временем, наблюдая за движением луны. Когда, по его мнению, было примерно три, он отыскал Калу – тот спал, свернувшись на заднем сиденье моторикши. Он встал, отер рукой рот и сказал:

– Парень, который должен был пойти со мной, сейчас совсем в невменяемом состоянии. Может, ты составишь мне компанию?

Маленький мусорщик сначала испугался, затем удивился, а потом понял, что польщен таким высоким доверием.

– Ты не боишься воды? – спросил Калу.

– Нет, я умею плавать. Я плавал в Наупаде.

– А простыня у тебя есть?

Как раз простыня у Сунила имелась. Он сбегал за ней в свою хижину, а потом отправился со старшим товарищем к ведущему в аэропорт шоссе. Когда они переходили дорогу, Сунил замотался в простыню. Он весь дрожал, хотя ночь была теплая. Калу посмотрел на него и засмеялся:

– Так ты напугаешь людей! Они решат, что ты привидение!

Сунил неохотно свернул простыню и сунул ее под мышку.

Они шли к международному терминалу. Машин вокруг было довольно много. Калу объяснил, что в это время прилетает много самолетов из Европы и Америки. Он выучил расписание и названия многих мировых столиц, еще когда подрабатывал в аэропорту носильщиком. Калу утверждал, что лучшие чаевые дают гости из Саудовской Аравии,

из Америки и Германии – именно в таком порядке.

Они миновали сверкающую надпись «Вылет», а затем какие-то заграждения, воздвигнутые службой безопасности. На них красовалось пожелание «Счастливого пути!». Мальчишки быстро пробежали по грубо замощенной дороге, по которой к зданию подъезжала строительная техника, и свернули в темный переулок. Сунил хорошо знал это место и мог ориентироваться здесь практически вслепую. Сначала высокий забор, за которым готовили подаваемую в самолетах еду. Потом открытый пустырь, использовавшийся как отхожее место. Тут мусорщик нередко подбирал пустые пластиковые бутылки от воды. Вскоре они оказались на берегу широкого притока реки Митхи. Сунил иногда приходил сюда, чтобы поймать мангура^[31] и продать его в Аннавади. Когда он был маленьким, вода в реке была еще голубой и прозрачной. «Как в бассейне!» – вспоминал он. С тех пор она почернела и дурно пахла, однако рыба все же сохранила свой прежний сладковатый вкус.

Чуть правее на другой стороне реки высились заборы, защищавшие от посторонних глаз огромные ангары, залитые светом прожекторов – туда на ночную «парковку» загоняли авиалайнеры. Но левее (а именно туда, как сказал Калу, они направлялись), было тихо и сумрачно. Сунил мог различить только хилое пирамидальное дерево ашока^[32] и какие-то навесы за ним. Калу вошел в вонючую воду и поплыл. Сунил последовал за ним. Так они добрались до мелководья и оттуда шли до берега пешком. Идти было легко: течение в этой части притока было несильным, сезон дождей миновал еще девять месяцев назад. И все-таки, когда они выбрались на сушу, Сунил почувствовал, что устал и наглотался грязной воды.

То, что Калу называл «мастерскими», оказалось огромным новым промышленным складом. Здесь хранились просто горы промышленных «сокровищ»: гранулят, пластификаторы, смазочные масла. Просто горы индустриальных сокровищ: голубоватые фонари перед несколькими павильонами освещали фигуры охранников. Их тени казались огромными, метров десять в длину.

Оценив обстановку, Сунил захотел немедленно ретироваться обратно в реку. Но Калу уверил его, что знает кружной путь к тому месту, где он спрятал в кустах железо.

– Охранники не заметят нас, – уверял он. – Это не опасно.

Так оно и вышло. Куски металла напоминали диски от штанги и оказались очень тяжелыми. Тут встал главный вопрос: сколько каждый из мальчишек сможет унести, чтобы не потонуть в речном потоке. Наконец

решили взять по три каждый и загрузить их в простыни, подвязанные на груди, как мешки.

На обратном пути ничего непредвиденного не произошло, и уже через пятнадцать минут они вернулись в Аннавади. На заре проснулся Абдул и купил краденое железо за триста восемьдесят рупий. Сунилу досталась треть этой выручки, а сколько получил полицейский-наводчик, он так и не узнал. Калу ни на что не жаловался, был спокоен и, наверное, доволен полученным барышом.

Для Сунилы это стало первым более или менее приличным доходом в его жизни. Что ж, оставалось только прокутить его в кинотеатре Pinky Talkie Town. Калу повел своего друга в кинотеатр, где того поразила прежде всего чистота и ковры на полу. Они пошли на дневной сеанс и посмотрели американский фильм с актером по имени Уилл Смит в главной роли^[33]. Герой был единственным, кто спасся от бушевавшей в Нью-Йорке чумы. Кроме него выжила только собака, которая стала ему преданным другом. Шерсть у собаки была желтоватой, а на спине – большое пятно, похожее на седло. Человек говорил с ней, как с равной, будто она его отлично понимает. Ближе к концу фильма он почему-то задушил ее.

«Наверное, в его действиях был какой-то резон, иначе зачем было убивать единственного друга?» – размышлял Сунил. Там было много разных катастроф: чума, привидение, взрыв. Наверное, все эти обстоятельства повлияли на решение героя, и все же мусорщик не улавливал во всем этом логики. Когда он вышел из темноты кинотеатра на улицу, где светило теплое весеннее солнце, его слегка подташнивало от того, что он стал свидетелем предательства и жестокой расправы над собакой. Но это чувство почти прошло, когда он наелся досыта – редкое в его жизни удовольствие.

Через несколько недель Калу снова попросил его о помощи. Сунил, наблюдавший за ворами, регулярно поглощавшими рис с курицей в больших количествах, стал думать, что в будущем, возможно, стоит выбрать этот карьерный путь и перестать заниматься сбором мусора, от которого появляются нарывы, заводятся паразиты, а глазные белки становятся оранжевыми. Но пока было рано принимать судьбоносные решения: надо продолжать обследовать мусорные баки и собирать отбросы с выступа в стене над рекой.

Абдулу, похоже, был по душе такой выбор Сунилы, хотя маленький мусорщик никогда толком не мог прочесть мысли и чувства на лице этого старика в обличье юноши. Калу тоже не торопил его. И это было

к лучшему, потому что Сунил не знал, поймет ли кто-нибудь причину, по которой он отказывается вступить прямо сейчас на воровской путь. Вероятно, дело было отчасти в том, что в день получения самого большого в своей жизни барыша он не испытал эйфории, которую другие мальчишки обычно называли «абсолютным счастьем». Может, все из-за той собаки? Сунил часто признавался, что ему не нравится собирать мусор: «Я сам себе противен. Это для меня как проклятье». Но он не был уверен, что будет более доволен собой, если станет вором. К тому же ему очень не нравились сношения Калу с полицейскими.

Лишь много позже он поймет, насколько глубокими были связи мумбайской полиции с бездомными ребятами из Аннавади. Но тогда мальчик, умевший столь тонко разбираться в людях, мог заключить только, что за ночными вылазками Калу стоит что-то серьезное, чего двенадцатилетнему подростку не понять.

Глава 4

Манджу

Сюжет романа про госпожу Дэллоуэй^[34] был абсолютно непонятен Манджу. Эту книгу сейчас как раз проходили в колледже. Однако, пытаясь запомнить все перипетии судьбы героини, дочь Айши почувствовала такую слабость, что испугалась, не подхватила ли она снова тропическую лихорадку или малярию. Эти недуги нередко поражали тех, кто живет в десяти метрах от зловонного сточного озера. Ну, уж нет, решила девушка. Это не болезнь, а просто реакция на резкую перемену погоды. Еще весна, а солнце уже такое горячее! От его ослепительно белого света режет глаза, и водяной буйвол изнывает от жары, будто уже попал в мясное рагу. «Вот и мама какая-то унылая», – подумала Манджу. Но это, вероятно, от того, что глава округа Субхаш Савант оказался под судом из-за аферы во время избирательной компании. А ведь Айша так надеялась на этого человека, строя планы, как прибрать к рукам власть в трущобном квартале.

Когда Манджу впервые спросила мать, верны ли слухи о том, что у него неприятности, та лишь пожала плечами. Ее всесильный покровитель ранее сумел успешно замять два дела об убийствах. «С судом в Мумбаи нетрудно договориться», – часто говаривал он. Почему же сейчас он потерял прежний гонор? Когда кто-то заговаривал о махинациях в округе, загривок у него покрывались холодным потом, хотя на улице было очень тепло.

Как уже говорилось, временами в Индии устраивались «специализированные» выборы. В одних участвовали только женщины, другие предназначались исключительно для представителей низших каст. Таким образом власти пытались предоставить шанс на вхождение в правящую элиту тем, кто исторически был лишен возможности приобщиться к управлению государством. На подобных выборах, проводившихся годом ранее, Субхаш снова умудрился оказаться победителем и в который раз возглавил родной семьдесят шестой округ. При этом он не принадлежал к низкой касте. Он просто подделал свидетельство о рождении и сведения о родителях, чтобы отвечать предъявляемым требованиям. Как минимум десять кандидатов с других участков, в основном члены Шив сены, поступили так же.

Однако представитель Индийского национального конгресса^[35], настоящий «простолюдин», занявший второе место, направил в Верховный суд жалобу на Саванта, в которой приводились доказательства фальсификаций и содержалось настоятельное требование признать итоги голосования недействительными. Тут глава местной администрации решил, что не мешало бы заручиться поддержкой жителей. Не исключено, что это поможет как-то замять скандал с подделкой документов.

Субхаш уже десять лет занимал свой пост и умел только управлять. Все прежние свои профессиональные навыки он растерял. До того как стать муниципальным чиновником, он некоторое время работал авторикшей, а потом промышлял мелким разбоем. Но это все было давно. Поэтому сейчас надо было посетить все находившиеся на его территории бедные кварталы, чтобы удостовериться, что население на его стороне.

Вот почему господин Савант запланировал визит в Аннавади. Айша и Манджу должны были собрать соседей в небольшом розовом святилище у пруда. Вместе со своими «верными подданными» глава округа собирался молиться о победе над своими оппонентами в суде.

Айша с внутренним содроганием выслушала его приказ созвать людей. Во время школьных экзаменов родители неохотно покидали дома по вечерам: боялись, что в их отсутствие дети не будут так уже усердно сидеть за учебниками. Нужно было употребить все свое влияние, чтобы уговорить прийти как можно больше народу. В противном случае аудитория покажется высокому гостю слишком жалкой и ничтожной.

В назначенный день, когда солнце начало клониться к западу, Субхаш Савант вместе со своей «свитой» заглянул в Аннавади, чтобы проверить, как идут приготовления к его встрече с жителями. Сунил и другие мусорщики издалека наблюдали за этой процессией. Безупречно белый костюм-сафари отлично сидел на нем. Чиновник шел медленно и чуть развязно, эдакой походочкой от бедра, свойственной также некоторым полицейским. Они вышагивали так, будто нижняя часть их тела сильно накачана, и мощные мускулы мешают нормально ставить ноги. Волосы главы округа были густо напояжены и сверкали, как политая маслом сковорода перед жаркой чеснока.

Господин Савант одобрил бхаджи^[36] с пури^[37], которые Манджу и ее подруга Мина готовили, чтобы угостить всех пришедших на церемонию. Понравилось ему и то, как украшен храм. Из мебели внутри стояла лишь старая ученическая парта, заменявшая алтарь. Это святилище возвели когда-то тамилы, основатели поселения, в числе которых были и родители

Мины. Первопроходцы посвятили его Мариамме^[38], богине, защищающей от чумы. С подачи Субхаша Айша в свое время «отбила» розовый храм у первоначальных владельцев и передала его в ведение уроженцев Махараштры. Но он, как оказалось после, был совсем не нужен новым хозяевам. Святилище почти всегда пустовало и было фактически заброшено. Однако сегодня Мина и Манджу как следует отмыли его, вымели трупы мух и крысиный помет, установили новые сверкающие статуэтки божества и расставили свечи.

– Созови людей, а я после ужина заеду и произнесу речь, – велел глава управы Айше, после чего отбыл вместе с сопровождающими его чиновниками на нескольких джипах.

В восемь вечера Айша ударила в колокол храма. Вскоре помещение заполнилось народом. Таблаист^[39] тихо наигрывал в углу, а устроительница встречи уселась поближе к металлическому алтарю. На золотом канте ее лучшего сари играли веселые блики десятка ритуальных свечей.

Большинство присутствующих, включая Айшу, принадлежали к низшим кастам. Здесь было много мигрантов, тех самых, кого Шив сена стремилась изгнать из Мумбаи. И тем не менее все эти люди пришли по первому зову. И дело было не только в том, что они боялись гнева Айши. Жители трущоб по-прежнему верили в могущество хозяина округа.

Все понимали, что Субхаш Савант – коррупционер. Скорее всего, он действительно подделал документы. «Но ведь только он приезжает сюда, чтобы побеседовать с нами», – говорили в Аннавади.

Перед каждым выборами он изыскивал бюджетные средства или выбивал деньги у благотворителей (прежде всего у крупной американской христианской миссии World Vision), чтобы как-то благоустроить квартал: сначала был построен общественный туалет, потом поставили флагшток для поднятия флага над трущобами района, а затем прорыли водосточные канавы. Недавно даже возвели бетонное возвышение у пруда с нечистотами. С него Субхаш вещал, когда приезжал в Аннавади. Каждый раз он рассказывал, как отчаянно противостоит руководству аэропорта, готовящемуся направить сюда бульдозеры, чтобы стереть эти хижинки с лица земли так же, как это было сделано в 2001 и 2004 годах. На самом деле этот мелкий чиновник не имел реального веса в политической борьбе, разворачивавшейся в городе. Его пост был не настолько высок, чтобы он мог хоть как-то повлиять на планы по расширению аэропорта.

Но жителям Аннавади он казался выдающимся деятелем, сравнимым

по статусу чуть ли не с премьер-министром. Ему необходима была их поддержка, а им нужна была вера в то, что этот человек сумеет их защитить.

– Ну, когда же он приедет? – интересовались собравшиеся.

– Скоро, – уверяла Айша.

Было тесно, душно и жарко, как в духовке. За день храм, как и крыши домов, разогрелся на солнце, а остыть еще не успел. Пот струился по лицам, но в течение часа люди страдали молча, никак не показывая своего недовольства. Через два часа отовсюду стали раздаваться громкие вздохи.

Обитатели трущоб не желали напрасно тратить время. Даже тем, у кого дети не готовились к экзаменам, было чем заняться. Завтра с рассветом надо на работу, а сегодня еще предстоит убрать в доме, искупать малышей, успеть запастись водой в одной из шести колонок, предварительно выстояв в многочасовой очереди. Город подавал воду в квартал на полтора часа утром и вечером. Представители Шив сены взяли в свои руки водопровод в районе и контроль за оплатой этой услуги. Сами они за нее не платили, а лишь собирали взносы с бедняков. Появление таких горе-посредников вызвало возмущение в Аннавади. Впрочем, оно не шло ни в какое сравнение с тем гневом, который охватил жителей, когда человек из World Vision, собравший с них деньги на новую колонку, исчез в неизвестном направлении со всем этим капиталом.

В десять вечера Айша, чья блузка под сари насквозь промокла у горловины и под мышками, дозвонилась наконец до шофера Субхаша.

– Он уже едет, – объявила она волновавшейся толпе, а потом распорядилась начать службу, чтобы глава района застал жителей не в праздном ожидании на грани терпения, а за богоугодным делом.

Но в одиннадцать гостей все еще не было. Айша махнула рукой дочери:

– Неси еду!

Предполагалось, что угощение подадут после церемонии, но народ уже собирался расходиться. При этом ни Субхаш, ни его водитель на звонки не отвечали.

Участники встречи закусили и разошлись. В храме осталось человек десять. В основном это были осовевшие пьяницы, мирно дремавшие по углам.

На Айше не было лица. Теперь все эти люди скажут, что она пообещала им встречу с начальством, но не смогла выполнить обещанного. Но, что еще ужаснее, господин Савант, большой любитель заниматься делами по ночам, может вскоре приехать. И что он увидит? Пустое святилище!

При этом Айша окажется во всем виноватой. Субхаш улыбнется той самой противной улыбочкой, которая хуже пощечины, и скажет, что соседи ее не уважают и что жители Аннавади еще не созрели для того, чтобы ими командовала женщина. Без сомнения, он упомянет, как много людей собралось во всех других трущобных районах и как прекрасно прошли встречи там.

Айша с горечью высказывала все эти предположения дочери. Но тут на пороге храма появился молодой красивый юноша-евнух. Увидев, что в полупустом помещении горят свечи и лениво наигрывает таблаист, он вошел внутрь и начал танцевать.

У евнуха были густые локоны, очень длинные и пушистые ресницы. На запястьях звенели дешевые металлические браслеты. Он медленно развел руки в стороны. Руки были абсолютно неподвижными, в то время как нижней частью тела он начал выделять нечто невероятное. Таблаист «ожил» и заиграл быстрее. Манджу открыла рот от удивления: казалось, что верх и низ у юноши двигаются совершенно отдельно друг от друга. Он на секунду прервался, чтобы взять в зубы свечу, и завертелся снова, так что пламя превратилось в тонкую яркую окружность.

Евнухов, или *хиджра*, в Мумбаи боялись и в то же время благоговели перед ними. Их неопределенный пол и соответствующее сексуальное поведение были всем известны. При этом жизнь их была так тяжела, и в ней было столько несчастий, что многие думали: злая судьба заразна, и к тем, кого эти люди удостаивают своим посещением, приходит беда. Если на порог дома заявился евнух, хозяевам приходилось платить, чтобы он убрался прочь. Можно, однако, заплатить и чуть больше, попросив его при этом бросить кокос под ноги врагу. Такой сглаз будет очень стойким: он не «отлипнет» от человека, даже если тот, со своей стороны, наймет *баба*^[40] и тот зажжет три ароматические палочки в стакане с рисом, присыпанным киноварью^[41].

В Аннавади жило шесть евнухов. Под толстым слоем грима было видно, что лица у них несчастные и измученные. Некоторые из них тоже подошли к храму и стали разглядывать юношу. Он был не местный. Красота его была безупречной, а женственность определялась не нарядом и косметикой, а чем-то другим в самой его природе. Он не просил денег, чтобы убраться восвояси. Сейчас он вращался так быстро, что локоны развевались параллельно земле, а капли пота брызгами разлетались в стороны, орошая возвращающихся в храм обитателей квартала, заинтригованных этим действием.

В кульминационный момент танца евнух упал на четвереньки, потом оперся на руки и резким движением закинул ноги вверх, издав при этом пронзительный, чистый и высокий звук. Голос его чуть вибрировал, в такт конвульсиям тела. Парня звали Сурадж, ему было восемнадцать лет. **Раулу, сыну Айши, одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять то, о чем не догадывались остальные: никакой он не скопец. Под его облегающими джинсами имелось все, что положено иметь мужчине. Просто всю жизнь, сколько он себя помнил, этот мальчик считал, что он на три четверти девочка. Хотя этот факт ужасно удручал его мать и сестер.**

Сейчас он ходил по трущобам, танцевал до судорог и жил на подаяние бедняков. Как и Айша, он пытался завоевать признание жителей округа номер семьдесят шесть.

Две женщины вошли в круг и начали кружиться вместе с евнухом. Вскоре это уже были не фигуры, а бешено движущиеся красно-зеленые пятна. Вдруг юноша грохнулся на пол. Все ахнули, думая, что с ним случился припадок. Но он провозгласил, что вселившаяся в него богиня хочет говорить с людьми.

– Принесите Йелламме^[42] лист нима^[43], и она предскажет вам будущее!

Айша невольно скорчила презрительную гримасу. Что, если сейчас явится глава администрации и застанет этот нелепый спектакль? Однако это все же лучше, чем опустевший храм. Народ тем временем все прибывал. Те, кто оказался в задних рядах, подпрыгивали, так как стоящие загораживали им центр святилища. Поблизости сновали бездомные мальчишки. Хозяин борделя и его клиенты тоже выглянули на улицу. На майдане сыновья зебролюбивого Роберта подожгли две шины – видимо, от избытка чувств. А люди в храме выкрикивали вопросы. Все хотели узнать о своей судьбе у богини, вошедшей в тело евнуха.

«Стоит ли мне брать кредит, чтобы починить дом?» «Заплатить ли посреднику, который обещает найти для меня работу?» «Где найти деньги на свадьбу дочери?» «Кем станет мой сын?» Было несколько вопросов о том, удачно ли сдадут дети экзамены, один вопрос об операции на сердце и много вопросов о дальнейших действиях руководства аэропорта. «Когда наши дома снесут?» – волновались жители Аннавади. Богиня, вероятно, знает побольше, чем чиновники из округа...

То, что ответы евнуха были невнятным бредом, произнесенным на каком-то божественном, непонятном смертным языке, не имело никакого значения. Сам голос (богини или юноши) производил гипнотическое действие и таил в себе невыразимую благодать.

Собравшиеся орали что есть мочи, задавая все новые вопросы. Эти вопли донеслись до дома Хусейнов.

– Что это такое? Когда они заткнутся? – возмущался брат Абдула Мирчи, пододвинув учебник математики. Разве можно в такой обстановке готовиться к экзаменам за девятый класс?

Отец шагал взад-вперед, проклиная Субхаша и индуистов.

– Эти бездельники и идолопоклонники и так что-то празднуют сто дней в году, не давая нам покоя. А сегодня и без всякого праздника они устроили шум. Все с ума посходили из-за какого-то танцующего... уроды.

Двадцатилетний Пракаш, лучший студент во всем Аннавади, жил через четыре дома от святилища. Он сидел над учебником экономики, обхватив голову руками. В глазах у него стояли слезы. Это же невыносимо: не выучить билеты для сдачи жизненно важного выпускного экзамена в колледже из-за какого-то полоумного евнуха! Надо при первой же возможности бежать отсюда в Бангалор! В этом городе, говорят, к студентам и ученым относятся с большим уважением.

В час ночи Субхаш наконец взял трубку. Он не придет: занят встречами с более важными людьми. Но он был доволен работой Айши, посчитав, что доносившийся из трубки веселый гул – это приветственные крики жителей в его адрес.

Ей снова повезло. Полоса удач еще не закончилась.

– Немедленно домой! – сказала она Манджу.

– Иду, – ответила девушка машинально. Глаза ее были по-прежнему прикованы к изможденному, взмокшему юноше на полу храма. – Мама, я никогда в жизни такого не видела!

Жители Аннавади сходились во мнении, что Манджу ведет себя гораздо любезнее и скромнее, чем могла бы, учитывая ее красоту, политические связи ее матери и чрезвычайную загруженность учебной и домашним хозяйством.

По утрам она отправлялась в колледж, днем в собственной хижине занималась с местными детьми основными школьными дисциплинами: другой школы в квартале не было. В остальное время она готовила, убирала, носила воду и обстирывала семью из пяти человек. На сон у нее оставалось всего часа четыре. При этом она выполняла свои обязанности безропотно и никогда не выходила из себя.

Однако этой весной организм девушки дал сбой: несколько раз ее одолевали загадочные болезни с высокой температурой, но точно поставить диагноз никто не мог.

Айша волновалась, что теперь, когда здоровье дочери пошатнулось, она станет менее покладистой. Однако вряд ли Манджу сдалась бы так легко. С подросткового возраста она упорно работала над собой, стараясь стать образцом благонравия и достоинства и вырабатывать в себе те качества, которых, по ее мнению, так недоставало матери.

Как-то утром ее брат Раул стоял у висящего на стене небольшого зеркала и втирал в лицо крем для осветления кожи марки Fair and Lovely^[44], который, вообще-то, принадлежал Манджу. Массируя щеки и подбородок, он поглядывал на отражение сестры в старом, местами совсем потемневшем стекле. Манджу стояла на коленях, перекинув через плечо толстую и блестящую косу. Она бормотала какие-то английские слова, и в голосе ее звучало нарастающее отчаяние.

– Что это у тебя такое лицо? – спросил Раул. Манджу подняла голову.

– Раул, не надо изводить столько крема!

Крем был очень нужен ей самой для поддержания оптимального цвета лица. Чем светлее кожа, тем выше шансы на удачное замужество. Но Раул и младший брат Ганеш пользовались им чаще, чем их сестра.

Раул включил телевизор. Показывали мультфильм «Том и Джерри». Мышонок, измазавшись в креме для обуви, уверял кота, что проглотил так много взрывчатки, что может поднять на воздух весь город.

С минуту Манджу наблюдала за их перепалкой, а потом снова вздохнула.

– Сама не знаю, где витают мои мысли, – сказала она. – Через час придут ученики, а я еще свое домашнее задание не успела сделать. Преподаватель по компьютерным программам прямо мне заявил: «Спроси у матери, чем она хочет, чтобы ты занималась – стиркой и уборкой или изучением «Фотошопа». Если я не подготовлюсь, он не поставит мне проходной балл на экзамене. А ты слышал, что случилось на лекции по психологии? Я вышла в туалет, оставив в столе сумку, и кто-то украл из нее кошелек. Что за люди! У других девушек, вообще-то, больше карманных денег, чем у меня. Но зачем я тут распинаюсь? Ты уставился в телевизор и даже не слушаешь!

– Я слушаю, слушаю, – запротестовал Раул. – Ты просто перечислила столько неприятностей, что я не знаю, какую из них обдумывать в первую очередь.

У Раула было достаточно своих проблем. Ему нужно было успеть подготовиться к экзаменам перед окончанием девятого класса, совмещая это с временной работой в отеле, которой он был занят по вечерам.

Недавно он научился мастерски подражать тому выражению, которое изображали у себя на лице опытные официанты, когда приближались к кому-то из гостей. В устремленных вверх глазах должно быть немного собачей готовности служить: «Я все время здесь и чутко слежу за любыми вашими желаниям». При этом подбородок смиренно опущен вниз: «Если я вам не нужен, сэр, то я исчезаю!»

Обычно у Раула был открытый и прямой взгляд и живые, любопытные глаза. Девушкам в Аннавади это очень нравилось. Но сам он считал, что ему просто необходимо перенять манеры ветеранов гостиничного бизнеса. Может, тогда те перестанут его дразнить?

Взять хотя бы тот недавний банкет. Все началось с того, что ди-джей ближе к полуночи стал ставить любимую музыку Раула. Будто мысли умел читать! Сначала хит Кристины Агилеры *I Am Beautiful, No Matter What They Say*^[45]. А потом, что еще хуже, завел танцевальную песню *Rise Up*^[46], по которой Раул сейчас сходил с ума:

Rise up! Don't be falling down again
Rise up! Long time I broke the chains^[47].

Английских слов он не понимал, но ритм проникал в самую глубину его души. Удержаться было невозможно: все внутри него вибрировало, и с первыми же аккордами песни, донесшимися из динамиков, он заулыбался, а потом, видимо, начал притопывать. Тут двое молодых гостей вечеринки схватили его за руку и вытащили в середину зала.

– Покажи нам, как танцуют в Мумбаи! – кричали они.

Раул знал, что белые люди в подпитии дают очень хорошие чаевые. И он показал (очень скромно и сдержанно, как ему показалось) несколько движений головой и ногами. И руками он совершенно не размахивал.

Но тут откуда-то как из-под земли возник менеджер:

– Ты что, спятил, дерьмо собачье? – заорал он.

Он выволок Раула из зала и потащил в подсобное помещение. Подбежали другие менеджеры. Они были вне себя, будто мальчик пырнул вилкой кого-то из звезд Болливуда. Более опытные официанты смотрели на эту сцену, ехидно хихикая. Только дома, оправившись от шока, Раул придумал себе «тактику защиты», к которой, строго говоря, надо было бы прибегнуть сразу. Он сказал бы им: «Да, первое правило работы в отеле состоит в том, что нельзя смотреть на гостей. Но второе, не менее важное, гласит, что надо предоставлять им все, о чем бы они ни попросили, ведь правда?»

На экране мультяшный Джерри тем временем разнес дом вдребезги.

Раул снова повернулся к зеркалу, а Манджу взялась за чтение. Она специализировалась на английской литературе. Сейчас они проходили драматургию периода Реставрации^[48], в частности, «Пути светской жизни» Конгрива^[49].

Манджу не читала этого произведения. Но профессора этого и не требовали. В индийских колледжах гуманитарные дисциплины преподавались очень поверхностно. Исключение составляли лишь несколько лучших университетов, где учились в основном состоятельные молодые люди, принадлежащие к высшим кастам. Манджу была студенткой весьма посредственного учебного заведения для девушек, основанного Лайонс-клубом^[50]. Ей необходимо было просто заучивать краткое содержание того или иного произведения, пересказываемого преподавателем на лекции. Во время тестирований нужно было воспроизвести заученное, а потом сделать то же самое на выпускном экзамене. Память у Манджу была отличная, так что «запоминалки», как она называла домашние задания по литературе, ей давались очень хорошо. Но сегодня она никак не могла взять в толк взаимоотношения героев «Путей светской жизни».

– Милламент, Мирабелл, Петулант – ты когда-нибудь слышал такие имена? А здесь таких еще много, – сказала она Раулу через некоторое время. – Все лгут и водят друг друга за нос, чтобы получить деньги. Но я вот никак не могу найти, где профессор объяснил смысл всей этой истории.

«Любовь обесценивается» – так было написано по-английски у нее в конспекте. Это было непонятно. Манджу никогда даже за руку не держала юношу своего возраста или чуть старше, но, тем не менее, английское слово «любовь» было ей понятно. Сложнее было с понятием «обесценивается». В душе у нее шевельнулось недовольство матерью, которая пообещала купить английский словарь, но так и не сдержала слово. Ни Раул, ни Айша не знали английского, который требовался для любой престижной работы – в офисе или в отеле. При этом мать и брат считали оскорбительным тот факт, что их родной маратхи, древнее, освященное веками наречие, не может составить конкуренции языку бывших колонизаторов.

Для Манджу высокая востребованность английского была частью процесса, который она в общем и целом одобряла. Ее радовала пришедшая в Индию глобализация, равно как и демократизация индийского общества. И не так важно, каким образом человек овладел языком – читая Конгрива,

заучивая фразы в Chase Manhattan Visa Card dialogue at Personaliteez Spoken English^[51] или на курсах подготовки персонала для международных колл-центров. Английский надо знать для расширения кругозора и для получения более качественного образования. Он откроет дорогу в мир за пределами трущоб. Манджу говорила еще плохо и неуверенно, но этого было достаточно, чтобы занимать второе место в негласном рейтинге самых образованных молодых людей Аннавади.

Пальму первенства соседи дружно отдавали Пракашу, студенту-экономисту, жившему недалеко от храма. Все признавали, что у него большое будущее. **С недавних пор успех и карьера в меньшей степени зависят от касты, которой ты принадлежишь. Теперь всего можно добиться прилежанием и талантом.**

Пракаш некогда принадлежал к среднему классу и получил начальное образование в хорошей частной школе. Семья жила благополучно, пока отца не сбило поездом. Сейчас юноша параллельно с учебой вынужден был подрабатывать в банке ICICI. За ничтожную зарплату он делал «холодные звонки», предлагая людям вложить деньги в паевые фонды.

Манджу предполагала, что Пракаш наверняка знает слово «обесцениваться». Но она никогда не заговаривала с ним. Девушке из бедного квартала нужно было десять раз подумать, прежде чем обратиться с вопросом к мужчине. Ведь это неизменно повлечет слухи и пересуды. Люди и так шушкаются у нее за спиной, и все потому, что местный юноша, один из тех самых любителей крикета, раздобыл каким-то образом ее фотографию, вырезал ее портрет в форме сердца и заламинировал его. Поэтому, когда Манджу вышла из дома, чтобы во дворе постирать белье, она даже не посмотрела в сторону Пракаша, который сидел и читал буквально в нескольких десятках метров от нее на пороге своей хижины.

«Мирабелл – красотка, Милламент – герой-любовник, господин Файнал – рогоносец, – мысленно повторяла она, оттирая камнем пятна на необъятных панталонах матери и узенькой отцовской рубашке. – Нет, не так. Мирабелл – любовник».

Она отжала белье, вернулась в дом и стала развешивать его на веревке вдоль стены коридора. Стена не доходила доверху – в полуметре от крыши зияла дыра. Отец сто лет как обещал ее заделать. Но это так же маловероятно, как и то, что мама вдруг явится домой с английским словарем.

Манджу принялась чистить двухконфорочную плитку и все бормотала: «Основные темы произведения – любовные интриги, стремление добиться

положения в обществе и финансового благополучия».

Тараканы кинулись врассыпную. Их здесь так много, сотни! Раул уже спал – прямо на полу на кухне. Сестра переступила через него, вынесла остатки еды на улицу и выбросила их прямо в сточный пруд. С приближением жаркого времени года весь пруд зацвел. Воды не было видно, вся его гладь была сплошь покрыта ковром из водных гиацинтов^[52].

«Мирабелл пытается выбиться в люди, женившись на красотке Милламент».

Когда Манджу заучивала сюжеты книг, она часто пыталась представить себя на месте героини. Но эта девица Милламент была ей совершенно безразлична. Что за блажь – охать и жаловаться на жизнь, когда ты богата, независима и можешь сама выбирать, за кого выйти замуж?

Манджу мечтала закончить колледж и стать учительницей. Но она боялась, что мать, гордясь красотой и молодостью дочери и стремясь «подороже продать» свое сокровище, поспешит выдать ее за какого-нибудь деревенского парня, уверенного, что женщина не должна работать. И придется всю жизнь сидеть в четырех стенах и заниматься одним только хозяйством, как сейчас: выметешь сор на улицу, а в это время ветер наносит через дверь новую пыль. И так без конца.

«В пьесе Конгрива деньги играют большую роль, чем любовь». Очевидно, такой же была позиция ее матери.

Младший брат Ганеш расставлял на лотке перед домом бакалейные товары. Это была новая выдумка Айши. Она решила заняться мелкой торговлей и для этого оформила на себя государственную ссуду – такого же рода, о какой просил господин Камбл, чтобы набрать денег на операцию. Торговля шла плохо. Сначала Айша надеялась, что ею займется муж, но тот пропивал всю выручку. Вот и сейчас он свернулся у ног Ганеша и сладко спал.

Манджу деньги не очень интересовали. Она жаждала самосовершенствования. Отчасти это стремление питал страх. Каждый раз, выполняя домашние задания, она машинально нащупывала шрам на шее. Этот рубец появился много лет назад, когда Манджу была еще маленькой девочкой. Как-то она украла у матери деньги, чтобы купить шоколадных конфет. Наказывая проказницу, Айша взялась за топор и нанесла скользящий удар по шее дочери. Сейчас желание девушки стать достойным и честным человеком было связано также и с чувством протеста. Таким образом она пыталась противостоять матери, которая пользовалась не очень чистыми методами, чтобы заработать на телевизор и другие материальные блага.

Одним из проявлений высокой порядочности Манджу было ее отношение к учительским обязанностям. Дети приходили в ее дом на уроки ежедневно после обеда. Проект финансировало правительство при участии католической благотворительной организации. Строго говоря, заниматься с детьми должна была Айша. Но та, вечно занятая делами Шив сены, переложила эти обязанности на Манджу, еще когда дочь была в седьмом классе. Все эти годы она ответственно и серьезно выполняла эту работу, стараясь не пропускать ни одного занятия. Такая пунктуальность несколько раздражала мать. Да, она была рада возможности регулярно получать небольшое вознаграждение из государственного бюджета, но считала, что Манджу достаточно вести уроки только тогда, когда приезжает проверяющий. Большинство учителей домашних мини-школ именно так и поступали.

Чиновники называли подобные школы «промежуточными». Перед Манджу стояла задача ежедневно устраивать двухчасовые занятия для детей, вынужденных работать, а также для девочек, которые не могут ходить в школу из-за того, что ведут домашнее хозяйство. Это было необходимо, чтобы такие дети не были полностью исключены из образовательного процесса. Они получали какие-то базовые знания и учебные навыки, так что со временем, если представится возможность, могли бы начать посещать муниципальное учебное заведение. **Как правило, детей не нужно было уговаривать учиться, они шли на уроки с большой охотой. Всякий житель трущоб знает, что есть три способа выбраться из нищеты: найти рыночную нишу и преуспеть в коммерции, как например, случилось с процветающим ныне мусорным бизнесом Хусейнов; второй путь – через политические интриги и коррупцию; и третий – получить достойное образование.** Так, несколько десятков семей в квартале перебивались с хлеба на воду только чтобы оплатить своим чадам обучение в дорогих платных школах.

В последние пять лет в районе аэропорта появилось более сотни школ. Некоторые были очень хорошими и очень дорогими, в других ничему не учили – это были чисто фиктивные проекты. В третьих, таких, как домашние классы Манджу, преподавание вели люди, не имевшие педагогического диплома, а зачастую и просто подростки. Но все это, по общему мнению, было лучше, чем бесплатное муниципальное образование. Вот, к примеру, школа Марол, в которой работает Айша. Более шестидесяти процентов учителей в таких учебных заведениях не имеют высшего образования. Многие из этих неквалифицированных сотрудников занимают свои должности только потому, что регулярно

платят мзду руководству школы. Кстати, глава округа был одним из тех политиков, кто с удовольствием грел руки на несовершенстве государственной системы образования вместо того, чтобы ее реформировать. Так, Субхаш через подставное лицо открыл собственную частную школу.

– В школе Марол мы играем, потом уходим на перемену, потом снова играем, а потом обедаем, – так Адарш, мальчик из Непала, описывал свою учебную программу. После уроков он приходил к Манджу. Здесь всегда можно было почерпнуть какие-то знания. Бывало, что девушка просто пересказывала своим маленьким слушателям литературные произведения, краткое содержание которых ей задали выучить в колледже. Конечно, они, как и их юная преподавательница, не могли понять, о чем говорится в романе про миссис Даллоуэй. Однако им удалось усвоить, что Отелло недолгоблвали и презирали из-за того, что он был темнокожим.

Дверь распахнулась, и в дом влетел один из учеников Манджу. Мальчик пронесся по коридору с такой скоростью, что со стены упал плакат с портретом Бал Тхакерая, престарелого основателя Шив сены.

– Дево, ты пришел слишком рано! – возмутилась Манджу. – И ботинки не снял!

Тут она подняла глаза от его ног, оставивших грязные следы на полу, и посмотрела ему в лицо. Оно было залито кровью.

– Ай-ай! – заплакал мальчишка, схватившись за голову. – Такси...

Дети из Аннавади очень часто попадали под машины. Движение в округе было напряженным и беспорядочным. Самым опасным считался участок дороги прямо рядом со школой Марол. Если, не дай бог, попадет неопытный водитель, да еще разговаривающий за рулем по мобильному телефону, встреча с ним могла иметь для ребенка летальный исход. Манджу вскочила, схватила стоявшую рядом с плитой банку с куркумой и стала посыпать желтым порошком разбитую голову мальчика. Эту специю использовали не только во время свадеб^[53], но и в качестве обеззараживающего средства для открытых ран. Манджу стала энергично растирать порошок, пока он, смешавшись с кровью, не превратился в яркую оранжевую пасту. Девушка с усилием вдавила пасту в рану, и еще раз тщательно осмотрела голову, чтобы удостовериться, удалось ли остановить кровь. Тут в кухню ворвалась мать Дево, одноглазая вдова. В руках у нее был кусок металлической арматуры.

– Чтоб тебя машиной переехало! – вопила она. – Чтобы тебя черти взяли! Ты опять шел по проезжей части и считал ворон?! А теперь ты помрешь у меня на руках!

Дево живо нырнул под деревянный буфет, где семейство Манджу хранило всякие припасы. Из этого укрытия он жалобно завывал, предвидя скорую расправу.

– Нет! – закричала Манджу, – Только не по голове! Он и так ранен!

– Я тебе все зубы выбью! Я тебя всего исполосую, – орала одноглазая женщина.

Лечение болезней или травм обходилось жителям Аннавади очень дорого. Многие на этом разорились. Бедная мать Дево и так уже была в долгах: алчный кредитор одалживал ей деньги под сумасшедшие проценты, когда ее недавно скончавшийся муж лежал в больнице.

– А что было бы, если бы ты пострадал сильнее? Скажи мне, Дево? Чем я заплатила бы врачам? У меня нет ни рупии на то, чтобы спасти твою жизнь!

– Прекратите, – возмутилась Манджу, безуспешно пытаясь схватить женщину за руку и отвести железку подальше от головы ее сына. Раул, конечно, проснулся и с вытаращенными глазами наблюдал за происходящим. Он знал, что поскольку в их дом на занятия приходят дети, здесь часто разыгрываются семейные сцены.

В более спокойной обстановке Манджу попыталась бы понять и пожалеть мать мальчика. Родители всегда побаивались потоков автомашин и других многочисленных опасностей, которым могли подвергнуться их дети. Сами же маленькие обитатели трущоб вряд ли понимали, что им грозит на шумных улицах. Конечно, Манджу ненавидела любое насилие и протестовала против рукоприкладства в общении с младшими. И все же она понимала, что иногда крайние меры, как тот умышленный и осторожный удар топора, который нанесла ей мать, может дать положительный эффект. Напуганный до полусмерти ребенок впредь не повторит проступок и будет осторожнее.

Однако вдова явно потеряла контроль над собой и вряд ли могла бы преподать полезный урок сыну. Поэтому Манджу протиснулась между ними и обхватила руками разъяренную женщину.

– Дево, пообещай матери, что ты больше никогда не будешь выходить на проезжую часть, – произнесла она, задыхаясь.

– Не буду! – выдавил из себя всхлипывающий мальчик. – Я больше так не буду!

Перед тем, как уйти, женщина метнула единственным глазом суровый взгляд на Манджу и заявила:

– Если он завтра не будет тихо сидеть у вас и заниматься, я переломаю ему ноги, а в лицо плесну керосином!

Манджу снова взялась обрабатывать рану Дево. Но тут явилась маленькая девочка и обиженно сказала:

– Учительница, вы опаздываете на занятия!

Тогда девушка сняла с головы тонкий шарф, весь измазанный кровью и куркумой, и ответила:

– Пойдем, соберем всех.

Оставляя уже пришедших учеников одних в своем доме она не хотела – эти обязательно будут рыться в ее вещах, причем это будет похуже, чем братья, вечно утаскивающие у нее крем для лица.

Выйдя на улицу, она плотно сжала губы, будто была на кого-то сердита. На самом деле так делали все, кто не хотел наглотаться мух. Их тут был целый рой. Похоже, это были единственные существа, интересовавшиеся продуктами устроенной Айшой бакалейной лавки.

– Класс, за мной! – позвала Манджу, выйдя на майдан. Она легко переступала через кучки мусора, сортировкой которого в этот момент занимался Абдул. Манджу знала его, потому что Раул все время гулял вместе с его братом Мирчи, но, конечно, никогда с ним заговаривала. Да и вообще он, по мнению девушки, был какой-то нелюдимый.

– Дети, собирайтесь быстрее, – громко объявила она, войдя в один из переулков и хлопнув в ладоши. – *Пхут-а-пхут!* Пора, пора!

Вообще-то бегать за ними и подгонять их не вменялось ей в обязанность. К чему учителю еще одна забота? Ведь это их личное дело, приходить или нет.

Но ей нравилось вот так свободно ходить по улицам, стучать в двери, прислушиваться, о чем говорят в соседних хижинах и все это с сознанием выполняемого долга: она на работе, никто не станет возмущенно сплетничать, гадая, с какой это стати Манджу забрела сюда.

Сегодня на улицах судачили о скандале с рекламными плакатами мотоциклов «Хонда». Некая фирма из города Силоам Спрингс в американском штате Арканзас предоставила около тридцати мотоциклов благотворительной организации World Vision, которая спонсировала тридцать детей в Аннавади и должна была вручить им эти дорогие подарки. Однако социальные работники, которые должны были проинформировать жителей квартала об этой акции, припрятали плакаты, на которых говорилось о спонсорских подарках. Манджу всегда с удовольствием слушала о местных интригах, развивающихся без участия ее матери.

Один за другим ученики выходили из своих лачуг. В основном это были девочки младше двенадцати лет в выцветших платяцах.

У некоторых были сломаны молнии сзади, так что хорошо были видны костлявые спины и торчащие лопатки. За маленькую Шадру Манджу не волновалась – она от рождения была худенькой, как и ее мать, работавшая на строительстве дорог и ворочавшая булыжники, пока у нее не сдали легкие. Хуже обстояло дело с Лакшми. Та совсем отощала, потому что ее мачеха приберегала всю еду для собственных детей. Рядом шла одиннадцатилетняя дочь хозяина местного борделя и вела за руку младшего брата. На ней были тесные черные велосипедные шортики; в ушах качались и позвякивали крупные сережки. **Эти дети предпочитали проводить время на улице, особенно когда клиенты приходили для получения сексуальных услуг. И уж конечно, они убегали из дома, когда посетители являлись, чтобы заняться сексом с их матерью.**

Для многих из этих ребят школа Манджу не была «промежуточной». Вряд ли в жизни им удастся получить еще какое-либо образование, кроме этого.

Вся собравшаяся компания проследовала к дому еще одной ученицы Манджу – ее подруги Мины. Правда, она участвовала в занятиях тайно. Ее консервативные родители полагали, что девушке учиться ни чему: от этого она становится более строптивой. Но Манджу удавалось прибегать к разным хитростям, чтобы обучать подругу азам английского.

Пятнадцатилетняя Мина была первой девочкой, родившейся в Аннавади два года спустя после того, как ее родители, вместе с другими тамилами, осушили здесь болото. Она принадлежала к касте далитов. Манджу относилась к касте кунби, традиционно занимавшейся сельским хозяйством. Кунби была одной из низших каст, но все же выше далитов. Сами девочки считали, что все это устаревшие предрассудки. Они были неразлучны: обе любили танцевать и всегда умели хранить секреты, которые поверяли друг другу.

Увидев Манджу рядом со своим домом, Мина улыбнулась. Но это была не та ее потрясающая улыбка кинозвезды (никто из девушек в Аннавади не умел так очаровательно улыбаться). Эта была бледная усмешка, означающая, что гостям надо поскорее уходить прочь. Мина была наказана и сидела целый день под замком. Ее выпускали, только чтобы она набрала воды в колонке или сходила в туалет. Провинилась она, как всегда, тем, что не смогла сдержать своего острого языка и поругалась с братьями и родителями. Почему они запрещают ей слушать, как мальчишки на майдане обсуждают то, что происходит в гостиницах? Почему ей нельзя ходить в школу? Все это возмущало Мину. В течение дня она послушно выполняла все поручения, но к вечеру раздражение и недовольство

одолевало ее и она выплескивала гнев на близких. Неудивительно, что мать и братья горели желанием выбить из нее всю эту дурь. Такое поведение помешает им удачно выдать ее замуж за хорошего парня из родной деревни в штате Тамилнад.

Манджу регулярно уговаривала Мину придержать язык, ставя себя в пример. И все же прямота и взрывной темперамент подруги импонировали ей. Вот сегодня утром, например, собираясь в колледж, она тоже позволила себе маленькую вольность, когда наклеивала на лоб маленькое блестящее украшение. Бинди соскочил и приклеился к шее. Он красиво блестел из ложбинки на шее, и Манджу не стала его убирать оттуда. Айша все равно не заметит – она уже ушла на работу. «Девушка может не быть идеальной, но все равно добродетельной», – подумала тогда Мнаджу.

Она вместе с учениками вернулась к себе домой, усадила всех на пол, заляпанный кровью, и поприветствовала их по-английски:

– Добрый день, ученики.

– Добрый день, учительница, – громко прокричали ее подопечные.

Она остановилась, раздумывая, что делать дальше. Манджу еще недостаточно хорошо выучила сюжет «Путей светской жизни», чтобы пересказать его детям. Это можно доучить и позже, пока будет вариться обед и до того, как мать начнет ругаться на вечно пьяного отца. Согласно официальной программе сегодняшнего урока класс должен повторить названия фруктов, которые проходили ранее: яблоки, бананы, манго, папайя. Этим они сейчас и займутся после того, как вспомнят еще одну пройденную ранее тему – средства транспорта: машины, самолеты, поезда. Но сначала надо потратить десять минут на зарядку с английской скороговоркой: руки в стороны, вверх, в стороны, вниз. Эти дети не смогут сосредоточиться, пока не выплеснут энергию! Вот они уже начали тыкать друг друга в бока и хихикать.

Ребята дружно повторяли скороговорку, и звук их голосов летел над кварталом. На майдане их всегда было слышно в этот час. Юный мусорщик Сунил любил прислушиваться к их словам, когда приносил свой товар Абдулу. Совсем недавно, в январе, он посетил несколько занятий в школе Манджу и даже выучил песенку «Звездочка, сияй». Но потом решил, что лучше посвятить это время работе. Он пришел к выводу, что все это несерьезно – так, игры для малышей.

Абдул, считавший, что Манджу близка к идеалу во всем, что делает, удивлялся, откуда у Сунилы вдруг взялось такое высокомерие. С другой стороны, Абдул тоже был не без самомнения: он считал себя большим

мастером по предсказанию судеб людей, особенно мусорщиков. Правда, его уверенность в себе серьезно пошатнулась после того, как Одноногая подожгла себя. Уж слишком сильно это событие изменило его собственную судьбу. Но и в лучшие дни он не мог определить, что за птица этот Сунил и что его ждет. Чувство некоторого превосходства, свойственное этому мальчику, может, и не самое хорошее качество, но в целом труд мусорщика, видимо, пока еще не отравил сознание подростка, раз он по-прежнему считает, что, запоминая «я» – это яблоко, закладываешь фундамент собственного будущего.

Часть вторая

Самосожжение как бизнес

*Богатые люди ссорятся по всяким
ничтожным поводам. Почему же бедняки
должны вести себя по-другому?*

*Рамбха Джа, многодетная мать
из Аннавади*

Глава 5

Дом-призрак

Поначалу одноногая Фатима любила своего пожилого мужа сестринской любовью. Однако в браке она узнала, что бывают и другие виды любви. Какое ошеломляющее открытие! Очевидно, оно произвело на нее огромное впечатление. **Узнав, как сладка страсть между мужчиной и женщиной, она уже не могла остановиться и к тридцати пяти годам заработала себе в квартале нелестную репутацию.** Все знали о ее неутолимом сексуальном аппетите и горячем темпераменте – таком же ярком, как ее помада. Будь она обычной женщиной, ее известность можно было бы назвать скандальной. Но так как Фатима была инвалидом, ее ненасытность стала предметом шуток. Ее откровенные выходки и приставания к представителям мужского пола по вечерам не раз веселили всех соседей.

Одноногая за словом в карман не лезла. Это качество она приобрела очень рано, ведь с самого рождения ей приходилось постоянно сносить оскорбления и насмешки из-за неразвитой ноги, заканчивающейся нелепой культей чуть ниже колена. В тридцать лет она умела покрыть проклятиями любого обидчика не хуже, чем Зеруниза.

По государственной реабилитационной программе Фатима получила бесплатные металлические костыли, которые в ее сильных и натренированных руках превратились в грозное оружие. Она обрушивала их на головы тех, кто, как ей казалось, недостаточно уважительно с ней обращался. Или бросала костыль во врага, как копье, причем с фантастической меткостью. «Она такая буйная потому, что варит какой-то особый самогон по народным рецептам», – перешептывались люди за ее спиной, пытаясь объяснить ее выходки. Однако во всем Аннавади не нашлось бы столько самогона, чтобы довести Фатиму до того крайнего безумия, проявлениями которого она ежедневно поражала окружающих.

Ее тело было уродливым, и женщина это с готовностью признавала. Она была темной и необразованной – и с этим фактом Фатима соглашалась. Но когда соседи говорили, что ее дикая жажда секса – проявление животных, подсознательных инстинктов, она протестовала. Это же бекваас – абсолютный бред! Ее неистовое либидо, скорее всего, родилось тогда, когда она, пусть и с запозданием, осознала, что мало чем

отличается от других и ничто человеческое ей не чуждо.

Иногда любовники, посещавшие ее в дневное время, оставляли ей немного денег. Однако большинство из них были слишком бедны, чтобы делать такие подарки. При этом даже полунцим мужчинам удавалось дать Фатиме то, чего абсолютно лишили ее родители, стыдившиеся своей дочери, без конца попрекавшие ее уродством и прятавшие девочку от людских глаз.

Из своего заточения маленькая Фатима наблюдала, как ее сверстники бегут в школу, а затем возвращаются в объятия любящих матерей и отцов. Это было для нее ежедневной пыткой.

– Я тогда просто ненавидела себя, – рассказала как-то она Зерунизе, с которой то ссорилась, то мирилась. – Мне только и твердили, что я родилась неполноценной.

И сейчас, когда мать с другого конца города приезжала навестить Фатиму, она каждый раз с гордостью показывала всем фотографию младшей дочери – гламурной девицы с прекрасной фигурой и сверкающим пирсингом в крыле носа.

– Вот эта – хорошая девочка! – хвасталась мать. – Смотрите, какая она красавица.

Зеруниза как-то сказала Абдулу:

– Знаешь, наша одноногая соседка не так уж дурна, как могла бы быть. Она росла в таких условиях, что могла бы ругаться похлеще, чем сейчас, и выделять еще большие фокусы.

И в то же время госпожа Хусейн считала, что негоже взрослой женщине искать себе оправдания, ссылаясь на тяжелое детство. Сама Зеруниза почти не рассказывала о том, как прошли ее ранние годы в Пакистане, как они голодали и месяцами сидели на одной похлебке из пшеничных отрубей. Так было до самой ее свадьбы, которую родители устроили по сговору с дальними родственниками в Индии.

Немногие женщины в Аннавади могли похвастаться безоблачным детством. Но Фатима считала, что горести ее ранних лет должны компенсироваться большим человеческим счастьем, которого она обязательно добьется в будущем.

Скромно просить милостыню и заискивать у благотворителей, как делали многие инвалиды, она не желала. При этом и вести хозяйство, от которого здоровые и выносливые женщины валились с ног, ей было тяжело. Как сохранить чувство собственного достоинства, когда в сезон дождей приходится таскать на глазах у всех воду, удерживая в руках костыли? Сколько раз бывало: тащишь от колонки шестилитровый баллон

с водой, поскользнешься в грязи и упадешь на глазах у всех соседей.

К тому же дочери, за которыми Фатима была не в состоянии угнаться, выводили ее из себя. Вечно они бегают, кричат, требуют чего-то. Рядом с ними она чувствовала себя еще более убогой и потерянной.

Хорошо на душе у нее было только в те часы, когда муж уходил на работу, дети – в школу, и к ней заявлялись ее поклонники. Ей было что предложить им. В эти сладостные мгновения имеющиеся в наличии части тела были намного важнее, чем отсутствующие с рождения.

В июне начинался четырехмесячный сезон дождей, повергавший обитателей Аннавади в уныние. Квартал, огороженный со всех сторон стенами и горами незаконно сваливаемого здесь строителями щебня, наполнялся водой, как большая чаша. В 2005 году ливни в Мумбаи были особенно обильными. Они вызвали наводнение, фактически парализовавшее город. В тот год многие потеряли почти все имущество, в том числе семья Фатимы, Хусейны и другие трущобные жители. Двое обитателей Аннавади тогда утонули. Жертв могло быть и больше, если бы на помощь пострадавшим не пришла строительная бригада из «Интерконтинентала». Рабочие бросали веревки тем, кого несло бурным потоком, и вытаскивали их из воды.

В 2008-м ливни начались раньше, чем обычно. Целую неделю дождь лил как из ведра. На стройплощадках вокруг Аннавади приостановились все работы, так что поденщикам из трущоб нечем было заработать на хлеб. По стенам хижин поползла черная и зеленая плесень. Содержимое общественных туалетов вымывало на майдан. **Ноги всех обитателей квартала заросли грибком. Эти образования торчали из сандалий, как маленькие скульптуры, причиняя мучительную боль,** в особенности тем, чьи традиции предписывали носить кольца на большом пальце ноги^[54].

– Я еле хожу, – вздыхала женщина, стоящая под дождем в очереди к колонке. Грибковые отростки на ее ступнях разрослись, как крылья бабочки.

– У моих детей зверский аппетит, и, похоже, запасов риса хватит не более чем на две недели, – сетовала та, что стояла за ней.

Все принялись причитать по поводу вечных проблем, возникающих в сезон дождей.

– Я не хочу сидеть несколько месяцев взаперти один на один со своим мужем! – жаловалась одна.

– Хорошо еще, что ты замужем не за господином Камблом. Этот днем

и ночью твердит об операции на сердце.

Впрочем, вскоре обитатели трущоб привыкли к новому ритму жизни, продиктованному сменой сезона. Но тут дожди прекратились. Блеклое солнце показалось из-за туч и светило в течение нескольких дней. Женщины опять заволновались – ясная погода в это время года казалась им неестественной.

Но дети очень обрадовались перерыву в ливнях. Вскоре должны были снова начаться занятия в школе, но сейчас еще можно как следует порезвиться и поиграть, пока стоят солнечные деньки. Мирчи затеял очередную шалость прямо на майдане: он накидывал на флагшток кольца, точнее, рваные велосипедные камеры, добытые у Абдула на складе.

Раул метким движением бросил резиновое кольцо так, что оно наделось на металлический штырь.

– Тебе просто повезло! – сказал Мирчи.

– Как, же повезло, – возмутился Раул. Другие мальчишки поддержали его одобрительными криками. – Смотри, я могу сделать так снова.

Зеруниза вышла из хижины, чтобы посмотреть на их забавы. Она со слезами умиления глядела на своего веселого и неумного сына. Мирчи будто уже забыл, что не так давно провалил экзамены за девятый класс, чем поверг всю семью в тоску. Ведь мать возлагала на него особые надежды, считая самым способным из всех своих детей. Даже размечталась, что он станет врачом. А тут эта неожиданность – несданные тесты! Это была уже третья серьезная неприятность, постигшая Хусейнов: во-первых, не так давно отца семейства отправили в больницу – ему все тяжелее было дышать. Во-вторых, старшая дочь Кекашан вернулась домой: она сбежала от мужа, с которым прожила всего год.

На самом деле Мирчи пребывал в хорошем расположении духа отчасти из-за возвращения сестры. Все дети Хусейнов обрадовались ей. Во-первых, она готовила и убирала, в то время как Зеруниза целыми днями ухаживала за мужем в больнице. Но дело было не только в этом. Для младших она была как вторая мать, только более организованная и менее измотанная жизненными тяготами.

Однако в глазах у девушки теперь все время стояла печаль. **Муж Кекашан приходился ей двоюродным братом. Он был сыном сестры Зерунизы. Матери сговорились о том, что поженят детей, еще когда тем было по два года.** Так и получилось. Но недавно молодая жена случайно обнаружила в мобильном телефоне своего супруга откровенные женские фотографии. Девушки были не сильно красивее ее, но эта находка явилась ответом на вопрос, который мучил Кекашан с момента свадьбы:

почему ее дорогая половина совсем не желает заниматься с ней любовью?

– Вначале он мне говорил: «Все это потому, что ты рано идешь спать», – рассказывала она матери. – Тогда я стала ложиться позже. Тогда он вообще перестал являться домой по ночам. И еще возмущался: «Не делай мне замечания, у тебя нет права командовать мною!» Разве это жизнь?

Женщины в семье ее мужа строго придерживались *пурда*^[55] и не выходили на улицу одни, без сопровождения мужчин.

– Я все время сидела дома, потому что я полностью зависима от него. А ему, оказывается, на меня абсолютно наплевать, и его сердце принадлежит другим.

Зеруниза надеялась, что ее сестре удастся заставить сына наладить отношения с женой. Но на главный вопрос Кекашан: «Как же можно заставить кого-то любить меня?» – у нее не было ответа. Зерунизе повезло с мужем: при всех его минусах, он с большой любовью относился к своей супруге.

Ребята-индуисты, игравшие в крикет, обратили внимание на возвращение старшей дочери Хусейнов. Они считали, что эта девушка-мусульманка очень красива и отдельные недостатки (например, то, что в ее семье принято есть козлятину и возиться с мусором) не столь существенны. Тем более предполагалось, что она уже не девственница. Молодые люди стали все чаще прохаживаться возле ее хижины, останавливаясь у двери и пристально разглядывая объект вожделения. Кекашан лишь опускала глаза. Иногда ей хотелось, чтобы ее внешность была более заурядной. Так было бы спокойнее.

Зеруниза считала, что это Фатима привадила к дому похотливых мужчин. Госпожа Хусейн недавно побила и прогнала одного из любовников соседки, который тоже все ходил вокруг да около и заглядывался на Кекашан. Но тот был совсем слаб из-за героиновой зависимости. Другие парни, если на них замахнешься, могут дать сдачи.

Одна беда с этой Фатимой! На борьбу с ней у Зерунизы просто не было сил: муж в больнице, у дочери распался брак, сын не сдал экзамены, малыши все время требуют внимания, да и она сама никак не может вылечиться от давно терзавшей ее лихорадки.

Зеруниза старалась не осуждать Одноногую за ее сомнительные моральные качества. Она понимала, что этой женщине страшно недостает любви и уважения окружающих. Однако когда мать Абдула задумывалась о судьбе детей Фатимы, то приходила к выводу, что уважать эту фурию и правда не за что. Недавно она принялась столь яростно избивать

костылями свою восьмилетнюю дочь Нури, что госпоже Хусейн и еще одной женщине пришлось силой оттащить ее от девочки. А эта история с младшей дочерью – двухлетней Мединой? **Когда выяснилось, что у малышки туберкулез, Фатима вдруг страшно разволновалась: как бы не заразиться. Вскоре Медина утонула в ведре с водой.**

– Когда это случилось, я вышла в туалет, – объясняла всем Одноногая. Но Зерунизу отделяла от жилища соседки лишь тонкая перегородка. Трудно сохранить что-то в секрете в таких условиях. Поэтому госпожа Хусейн точно знала, что во время несчастного случая произошедшего в крошечной лачуге за стеной, Фатима и ее мать были дома.

И шестилетняя Хина, вторая дочь, тоже была там. Она потом сказала:

– До того дня Медина была такой покладистой сестричкой...

Зеруниза заплатила за погребальный саван^[56] и помогла выкупить участок для захоронения. Она старалась убедить себя, что смерть Медины и вправду была случайностью, и все думала, что и она сама часто не знает, где ее дети и что с ними сейчас происходит.

В Аннавади приходили полицейские и наводили справки об умершем ребенке, но хода расследованию не дали. Маленькие девочки часто погибали здесь при сомнительных обстоятельствах. Семьи, обитавшие в трущобах, не могли заплатить за УЗИ, в то время как более состоятельные родители иногда прибегали к такой перинатальной диагностике, чтобы еще до рождения избавиться от плода женского пола.

Случалось, что взрослые провоцировали смерть своих больных малышей (как девочек, так и мальчиков), потому что были не в состоянии нести колоссальных груз расходов, связанный с их лечением.

Годовалый Дануш, живший через два переулочка от Хусейнов, подхватил инфекцию в переполненном и грязном государственном роддоме, куда отправилась бесплатно рожать его мать. У мальчика сошла вся кожа, и даже прикосновение мягкой пеленки вызывало у него крики боли. Семья влезла в долги, брала один кредит за другим под безумные проценты. Они потратили на врачей более пятнадцати тысяч рупий. В один из вечеров в марте родители малыша поссорились, и отец, принявшийся колотить мать, обварил спавшего у женщины на груди малыша, опрокинув на него кастрюлю горячих бобов.

Тут в этот «фильм ужасов» вмешался Раул, сын Айши. Он бросился за полицией. Мальчика спешно доставили в больницу, и он выжил.

«Какого черта Раулу понадобилось лезть в это дело?» – думала Зеруниза. Теперь на Дануша было больно смотреть: все лицо его было

покрыто жуткими красными ожогами.

Он не мигая, грустно и мрачно глядел на взрослых единственным уцелевшим глазом.

После гибели Медины Фатима почувствовала себя до странности спокойно и уверенно. О ней сплетничали, за глаза обвиняли в самых страшных грехах, но ее это не трогало. Она стала еще гуще подводить брови, извела тонну пудры на лицо («потратила пятьдесят рупий, чтобы превратиться в белую женщину», – перешептывались мальчики в семье Хусейнов) и набрала себе новый «штат» любовников.

– Видела, как этот парень и его друзья смотрят на меня? – спрашивала она у Зерунизы. – Ты, наверное, завидуешь. На тебя, небось, никто заглядывается?

Она уверяла соседей, что мужчины считают ее красивой и говорят, что равных ей не сыщешь во всей Индии и что она заслуживает лучшей доли.

Хусейны с сочувствием относились к ее мужу, сортировавшему мусор в соседнем трущобном квартале и зарабатывавшему сто рупий за четырнадцатичасовой рабочий день. «Она обращается с ним, как с тряпкой. Этот старик у нее под каблуком», – возмущался Мирчи.

«Подкаблучник» иногда заходил к ним, чтобы пожаловаться на свою строптивую женушку. Однажды вечером Зеруниза в шутку сказала ему:

– Дурак, зачем ты вообще женился на ней? Посоветовался бы со мной, я бы нашла тебе порядочную женщину-мусульманку, со здоровыми ногами, которая бы хорошо справлялась с домашним хозяйством и заботилась о детях.

Это была ошибка! Стены-то картонные. Фатима тут же появилась на пороге и принялась махать костылями:

– Ты кто такая, чтобы говорить, что я плохая жена?

Но даже после этого Фатима нередко призывала соседку на помощь, когда дралась с мужем. И Зеруниза, вздыхая, шла разнимать горе-супругов. С той же обреченностью она регулярно приглашала их в праздник Ид, чтобы разделить с ними трапезу – отведать мяса только что принесенного в жертву барашка. Семья истязающей собственных детей Фатимы, семья противного содержателя борделя – вот та маленькая мусульманская община, с которой Зерунизе приходилось поддерживать отношения, живя здесь, в Аннавади.

– Переломить один бамбуковый стебель легко, – говорила она своим отпрыскам. – Но если связать несколько стеблей, их не согнешь. То же самое и с людьми одной веры. Да, мы все разные, но в трудную минуту мусульмане всегда объединяются и поддерживают друг друга.

И конечно, празднуют вместе окончание Рамадана.

С запада на город медленно надвигались черные тучи, но дождь все не начинался. Дети продолжали играть на улице, целясь велосипедными покрышками во флагшток. И вот однажды жарким июльским утром в дверях хижины Хусейнов снова появился отец Абдула. Он стоял, прислонившись к дверному косяку, и смотрел на детей. Лицо его светилось. Рубашка по-прежнему висела на нем, как на вешалке, но Фатима и другие соседи не могли не восхититься тем, как он выглядит. Благодаря доходам от мусорного бизнеса он смог провести две недели в маленькой частной клинике. Там он дышал чистым кислородом вместо более привычного ему смрадного воздуха трущоб. Теперь он весь сиял и был *наия так-а-так*, как новенький.

– Не могу поверить, – сказала Зерунизе тамилка-самогонщица. – Он как будто на десять лет помолодел и выглядит, как герой Болливуда, прямо Салман Хан^[57].

– Еще бы! – отозвалась госпожа Хусейн. – Мы заплатили двадцать тысяч за больницу. Но он действительно теперь кажется просто мальчишкой! Когда я вижу его краем глаза, то думаю: «Черт, я и забыла, что у меня есть еще один ребенок. Теперь еще одного надо будет женить». Аллах свидетель, мне и так надо организовать очень много свадеб!

Сейчас нужно было устроить брак Абдула. Они с мужем уже подыскивали подходящую девушку, хотя оставалось еще уладить некоторые финансовые вопросы с ее родными. Будущая невеста, шестнадцатилетняя дочь перекупщика металлолома, жила в Саки-Нака, трущобном районе, где располагалось много утилизационных предприятий и куда Абдул сдавал свой мусор. **Девушка была симпатичная – никаких родимых пятен у нее вроде не было замечено. Но, что гораздо важнее, она привыкла, что ее окружают мужчины, которые возьмется в грязи.** «Невеста» три раза приходила к Хусейнам в гости вся закутанная в покрывало. С ней вместе всегда являлась младшая сестра. Быстроглазому Мирчи показалось, что эта младшая – просто писаная красавица. К ее приходу он каждый раз рисовал на двери своей хижины ярко-красное сердце.

Мирчи считал, что он-то готов жениться. Как-то раз он сказал матери (так, чтобы отец не слышал):

– Я хочу такую жену, как ты: чтобы она все делала, а я отдыхал.

Однако Абдул настороженно относился к браку. Впрочем, как и ко всему в жизни.

– Я так часто слышу о любви, что, кажется, понимаю, что это такое.

Но при этом ничего подобного я никогда не чувствовал, уж не знаю, почему, – говорил он. – Влюбленный, когда от него уходит девушка, может вскрыть себе вены, прижечь руку сигаретой, не в состоянии ни есть, ни спать. Люди слагают об этом песни. Но, похоже, мое сердце устроено как-то иначе.

А родителям он заявил:

– Вы не станете давить на меня, правда? Обдумайте все спокойно и хладнокровно.

– Нет, я все-таки считаю, что его надо побыстрее женить, – сказала Зеруниза мужу через несколько дней после его возвращения из больницы. Она стояла у плиты и готовила обед. Карам попросил мяса – ему нужно было восстанавливать силы после болезни. Жена помешивала рагу из хрящей и одновременно кормила грудью Лаллу.

– Думаю, женившись, он взбодрится, – продолжала она. – Он все время суется, всегда чем-то занят. Мне кажется, он не был счастлив ни единого дня, с тех пор как мы переехали в Аннавади.

– А кто здесь счастлив? – отозвался муж, шаря в висящем на стене пакете с лекарствами. В этом бездонном мешке он пытался нащупать серебристую упаковку преднизолона. – Я, что ли, счастлив? Кругом какой-то сброд, поговорить по-человечески не с кем. Здесь вообще кто-нибудь знает о том, что американцы ведут войну в Ираке? Они интересуются только тем, что происходит у соседа. Но я ведь не жалеюсь. Почему же Абдул ноет?

– Ты что, своего сына не знаешь? Он никому ничего не говорит. Просто работает и выполняет все, что мы просим. Но почему только его мать замечает, что ему грустно?

– Ему станет веселее, когда мы переберемся в Васаи, – ответил Карам.

– «Будет счастлив в Васаи»! – передразнила его Зеруниза. Но муж предпочел не замечать ее сарказма.

В январе они внесли залог за небольшой участок, расположенный в полутора часах езды от города. В пригороде Васаи жили в основном торговцы стройматериалами и владельцы небольших предприятий, перерабатывающих отходы. Большинство из них были мусульманами, выходцами из штата Уттар-Прадеш на границе с Непалом. Карам сам был родом из тех мест. Об этом маленьком сообществе господин Хусейн узнал от агента по недвижимости, мусульманина, столь глубоко интересующегося вопросами религии, что Мирчи и Абдул прозвали его имамом и, говоря о нем, закатывали глаза.

Когда Карам впервые побывал в Васаи, его поразило то, что он увидел:

возле маленькой чайной за столиком сидели люди с газетами в руках и что-то оживленно обсуждали. Ему показалось, что они говорят о чернокожем парне, который баллотируется на пост президента США. Карам симпатизировал ему, так как слышал, что Обама втайне исповедует ислам.

От чайной вверх по холму вела извилистая тропинка, загаженная курами. Вид напомнил господину Хусейну его родную деревню. Он не питал к ней ностальгических чувств. В тех краях невозможно было найти работу. Ничего, кроме тяжелого труда на плантациях сахарного тростника, ему там не светило. А детская смертность в штате Уттар-Прадеш была выше, чем других районах Индии. Но тем не менее Карам понимал, что жизнь в трущобах большого города тоже плохо влияет на юные души. Дети нередко презрительно и высокомерно относятся к старшим, «и все потому, что у нас нет машины или мы не можем купить им одежду известных марок». Это еще хорошо, что Мирчи вырос немного ленивым, но в целом покладистым мальчиком, в отличие от дерзких любителей канцелярской замазки. Но что будет с другими детьми? У Хусейнов их еще шестеро младше Мирчи.

С точки зрения Карама, предместье Васаи идеально сочетало черты города и деревни: здесь соблюдали традиции, в первую очередь уважение к родителям, и в то же время такая жизнь не исключала возможностей для учебы и работы.

– По крайней мере, здесь никто не оскорбит их веру, – сказал он жене.

Зеруниза считала, что пока рано связывать будущее детей с этим клочком земли, на который они даже еще не имеют прав. Там не то что жилища, – не было даже навеса на четырех бамбуковых палках, под которым можно переночевать. «Наш дом-призрак» – называла она все это. При этом муж внес первый взнос с ее согласия. Он всегда советовался с ней перед тем, как принять важное финансовое решение. Если бы он этого не делал, последствия были бы ужасны. Но теперь Зерунизу возмущало, что он до сих пор не свозил ее в Васаи.

– Как же мы поедem? На кого оставим детей? – оправдывался он весь год. Однако теперь за малышами может присмотреть Кекашан, а они так и не выбрались посмотреть на участок вдвоем. «Может, это место настолько похоже на его родную деревню, что он начал рассуждать как консервативный мусульманин и уподобился строгим ревнителям ислама, которые живут там?» – гадала Зеруниза.

До того, как муж попал в больницу, агент приезжал к ним несколько раз, чтобы обсудить график платежей. Во время его визитов она покрывала голову, смиренно подавала чай и уходила в дальний угол комнаты, так же,

как делала всегда ее мать в Пакистане. Родители предполагали, что вся взрослая жизнь дочери пройдет так: она будет тихо сидеть дома, скрытая от глаз любых мужчин, кроме членов семьи. Но когда ее выдали замуж в Уттар-Прадеш, ей почти сразу пришлось начать работать на плантации сахарного тростника и трудиться там по вечерам бок о бок с мужчинами. Зеруниза тогда непрестанно молилась о том, чтобы приступы туберкулеза перестали мучить ее мужа. Она предпочла бы сидеть дома и соблюдать пурда.

– Я тогда не решалась слово сказать чужому человеку, боялась всего на свете, – рассказывала она детям.

Ей казалось вполне закономерным и правильным, что вступать в контакты с внешним миром, действуя от ее имени, должен только мужчина.

Но после того, как родилась Кекашан, госпожа Хусейн перестала молиться о возвращении к соблюдению традиций. Она поняла, что не надо обременять Аллаха несколькими просьбами одновременно. Теперь молодая мать молилась только о здоровье дочери, а потом и Абдула, который появился на свет на куче мусора возле гостиницы «Интерконтиненталь». К тому времени Карам перевез семью в Мумбаи в надежде на то, что здесь удастся найти труд полегче, чем на плантациях. Ничего, кроме работы мусорщика, ему отыскать не удалось. Пришлось взять в аренду тачку, на которой он перевозил отходы на переработку.

Абдул и в младенчестве был хмурым и нелюдимым. Он то брал грудь, то отказывался от нее. Но ему удалось выжить в отличие от мальчика, который родился вслед за ним. Потом появился толстенький и хорошенький Мирчи, а за ним – еще шестеро вполне здоровых детей. Зеруниза не уставала радоваться тому, что дети были крепкими, в нее, а не в недужного отца. Все кроме Абдула были даже вполне нормального роста.

Наступит день, когда кто-то из младших мальчишек проявит ум и смекалку и сможет выполнять за мать ее обязанности – торговаться с мусорщиками и ворами, вести переговоры с полицией. Тогда она с удовольствием будет спокойно заниматься одним лишь домашним хозяйством. Другой вопрос, хочет ли она в полной мере вернуться к соблюдению пурда? Только сейчас Зеруниза догадалась, что это, вероятно, потребует от нее после переезда в Васаи. Не исключено, что там муж будет обращаться с ней более высокомерно. Он и сейчас иногда вел себя именно так. Это раздражало ее и заставляло переходить в наступление:

– Ты считаешь, что ты герой, а я никто, только потому, что я не умею читать и писать? – возмутилась она недавно во время разговора с ним. – Думаешь, я так и осталась бы в утробе матери, если бы ты меня не вытащил оттуда? Если хочешь, можешь продолжать строить из себя большого начальника, но помни, что всеми делами нашей семьи управляю все-таки я.

В Аннавади почти не было настоящих консервативных мусульман, так что Зеруниза вполне могла позволить себе спустить собак на мужа. Вольность нравов позволяла ей также подрабатывать, чтобы кормить семью. От такой свободы будет трудно отказаться.

– Тебе кажется, что ты уже переехал в Васай, – сказала она Караму, накладывая ему рагу скупыми и точными движениями, характерными для людей, привыкших жить в тесноте. – Можешь собирать вещи и отправляться туда. Или иммигрируй в Саудовскую Аравию – может, там тебе обеспечат безбедное и беззаботное существование. Но здесь, в этом доме, кроме тебя обитают твои жена и дети, о которых нужно думать. Ты же сам стыдился нашей нищеты, когда к нам приходил имам.

Стены дома были покрыты разводами – следами многочисленных наводнений. Неровный бетонный пол и все углы были завалены ломом и другими отходами, которые можно сдать на переработку. Под железной кроватью тоже устроили мини-склад. Эту кровать купили недавно специально для отца семейства. Ему было легче дышать, когда он лежал не на грязном и холодном бетоне, а хотя бы на полметра выше пола и сваленного на нем мусора. Однако, даже если бы Карам спал на потолке, как летучая мышь, ему все равно пришлось бы вдыхать смрад этой убогой хижины – гарь от работающей плитки и готовящейся на ней пищи, вонь мусора и другие запахи, неизбежно заполняющие собой маленькое помещение, в котором живут одиннадцать человек, которые редко моются из-за недостатка воды.

– Я тоже очень хочу уехать отсюда, – сказала Зеруниза. – Но где мы будем растить детей? В доме-призраке?

Он озадаченно посмотрел на нее. Вчера вечером и сегодня утром она была очень нежна и внимательна к нему. Что же сейчас произошло?

Его супруге пришла в голову идея, и она спешила реализовать задуманное именно сейчас, когда муж только вернулся из больницы. Она считала, что для этого как раз представился благоприятный момент. Расположение звезд и фаза луны тут были ни при чем. Просто жизнь коротка, и надо успевать делать важные дела, пока природа предоставила передышку и дожди на время прекратились.

– Помнишь, как ты разволновался в больнице? – спросила она. – Ты беспокоился, что же со всеми нами будет, если ты нас покинешь.

Действительно, недавно он сказал ей: «Боюсь, что Господь скоро призовет меня к себе».

Карам, кивнул и уточнил:

– Ну и что?

– На этот раз он дал тебе еще пожить. – Зехурниза помолчала немного. – Я ведь тоже тружусь не жалея сил. И ничего для себя не требую, не прошу побрякушек, правда?

– Да, – признал муж. – Это так.

Зеруниза постепенно пришла к твердому убеждению, что не хочет никуда переезжать. И у нее вовсе не было уверенности, что ее супруг доживет до того дня, когда семья действительно сможет перебраться в Васаи. Теперь она считала, что самое главное – привести в порядок дом в Аннавади, чтобы детям было в нем комфортнее. Нужно хоть как-то оборудовать кухню, соорудить каменную столешницу вместо куска старой фанеры, рядом с которым она сутилась сейчас, время от времени сгоняя с него крыс. Хорошо бы сделать хотя бы маленькое вытяжное окошко для проветривания, а то от постоянного чада малыши начинают кашлять, прямо как их отец. А пол можно бы выложить плиткой, как в рекламе «Вечная красота». Ее удобно мыть, а в нынешнем растрескавшемся бетонном полу полно щелей, куда забивается грязь. Такой небольшой ремонт, по ее мнению, нужен для благополучия и оздоровления детей, если в этих трущобах уместно говорить о здоровье.

Она еще не успела высказать все свои соображения, а Карам уже внутренне согласился с ней. **Так свершилась судьба: Хусейны останутся в Аннавади, и это станет одним из первых событий в цепи роковых обстоятельств, приведших к краху двух семейств.**

Уже на следующий день, как это обычно и бывало, муж делал вид, что ремонт – его собственная идея. Именно на это, и ни на что другое, они потратят сейчас свои накопления. В таких случаях довольная женушка всегда прощала своей дорогой половине его грехи и несовершенства.

Глава 6

Дыра, которую она звала окном

Дети Хусейнов осознали, что ремонт – дело серьезное, когда родители в один из дней не пустили их в школу, несмотря на то, что каникулы уже закончились и занятия шли полным ходом. Три дня все, даже маленькие, трудились не покладая рук. Сначала нужно было вытащить все вещи на майдан. Вначале туда «выехала» ржавая кровать, а затем и все остальное. Карам и Зеруниза сторожили имущество на улице, чтобы его не растащили проходящие мимо соседи, а Абдул руководил строительной бригадой, состоявшей из его братьев и сестер, включая шести- и семилетних малышей.

– Наконец-то у меня будет нормальная кухня! – воскликнула Зеруниза. Она прислонилась к мужу, и шарф, которым была покрыта ее голова, сполз на плечи.

– Взгляни на Атахара, – сказал жене Карам через некоторое время. Их третий сын яростно взбивал замешанный в ведре цемент, чтобы тот застыл, хотя это вряд ли могло произойти в жару. – Меня беспокоит, что он совсем ничего не соображает. Парень в восьмом классе, а не может даже цифру восемь написать. Зато он неутомимый трудяга, и, как и Абдул, не боится работы.

– Я за него спокойна, – кивнула Зеруниза. Она волновалась за Сафдара, своего пятого ребенка. Этот растет непрактичным и мечтательным, как его отец. Он любит лягушек и азартно ловит их повсюду. Даже в сточный пруд за ними ныряет! После таких заплывов никто не желает спать с ним рядом.

Возле кровати вдруг возник Махадео, муж Айши. Этот тщедушный человечек был крайне немногословен, когда трезв. А в последнее время он выпивал редко, потому что его жена наконец придумала, как понадежнее прятать свой кошелек. В надежде хоть что-то заработать и прекратить вынужденное воздержание, он предложил свою помощь Хусейнам за вознаграждение в сто рупий.

Его строительный опыт оказался весьма кстати. Абдул обрадовался, что кто-то подскажет, что делать, потому что совсем не знал, как решить незнакомую задачу. К Махадео он относился неплохо, как и ко всей их семье, за исключением Айши, которой побаивался.

– У нее безумные амбиции, – сказал за несколько дней до этого Хусейн-

старший. – Она хочет блистать в свете, занимать политические посты. И это при такой постыдной частной жизни! Неужели она думает, что окружающие не слышат, как она каждый вечер ругается с мужем?

Разборки между Айшой и Махадео были такими же бурными и громкими, как у одноногой Фатимы с ее благоверным. Говорили, что Айша всегда берет верх в этих стычках.

Махадео и дети продолжали работать, а вокруг тем временем собирались юные обитатели Аннавади. Здесь было много учеников Манджу. Она вскоре уже начнет созывать их на занятия, а пока можно поглазеть на принадлежащее соседям добро, сваленное на улице. Подошли также и любопытствующие взрослые. Лишь немногие из них бывали в доме у Хусейнов. Глядя на кучу вещей, они приходили к выводу, что эти мусорщики-мусульмане вовсе не так бедны, как все считали.

Многие здесь помнили наводнение 2005 года и знали, что Хусейны тогда сильно пострадали. Потоки воды унесли их запасы риса, одежду, хранившиеся в доме пять тысяч рупий. А младшая дочь вообще чуть не утонула. С тех пор они приобрели много нового добра: появился грубо сколоченный шкаф для одежды – он был вдвое больше, чем шкаф Айши; был здесь маленький телевизор, купленный в рассрочку, два толстых лоскутных покрывала (одно в бело-синюю клетку, другое шоколадного цвета). Одиннадцать тарелок из нержавеющей стали, пять кастрюль, склянки с кардамоном и корицей – большинству жителей Аннавади такие дорогие специи были не по карману. Также у Хусейнов было треснутое зеркало, тубик с Brylcreem^[58] и большой пакет с лекарствами. И главное сокровище – ржавая кровать! Большинство трущобных обитателей, включая Айшу, спали на полу.

– Все завидуют, что мы ремонтируем дом, – сказала Кекашан двоюродному брату, чуть постарше нее, который приехал из деревни.

– И пусть завидуют! – вскричала Зеруниза. – Почему бы нам не жить с бóльшим комфортом, если дела у нас пошли лучше?

И все же она решила из соображений безопасности на время проведения строительных работ отнести телевизор к хозяину борделя.

Никто из собравшихся зевак не задавался вопросом: «Зачем ремонтировать дом, когда власти аэропорта собираются его снести?» Почти все, как только появлялась возможность, старались улучшить свое жилище. И делалось это не из одних лишь соображений гигиены и не только чтобы лучше защитить имущество от сырости в сезон дождей. Относительно прочный и обустроенный дом служил страховкой от произвола аэропортового менеджмента, который вот-вот придет сюда

бульдозеры. Власти штата Махараштра пообещали дать маленькие квартиры в новостройках тем, кто жил на этой земле с 2000 года. **В Аннавади считали: чем основательней будет твой дом, тем больше вероятность, что чиновники признают твое право остаться на примыкающих к аэропорту территориях.**

Поэтому люди продолжали вкладывать деньги в то, что обречено на снос.

Абдул, считавший, что инвестировать в ремонт жилища неразумно, придерживался такого мнения вовсе не из страха перед действиями властей. С его точки зрения, это было все равно, что забраться на крышу и кричать во всеуслышание, что доход у семьи мусульман больше, чем у всех остальных. Зачем подливать масло в огонь? Да и потом, новая плитка, о которой так мечтает мать, все равно всегда будет завалена мусором.

Если бы ему позволили распоряжаться накоплениями, он бы купил плеер. О нем ему рассказал Мирчи. Абдул мало что понимал в музыке, но сама идея ему очень понравилась: эта маленькая штучка позволяет тебе слышать только то, что ты хочешь. Она даст возможность наглухо отгородиться от соседей.

В первый день сделали окошко, которое позволит проветривать кухню и во время готовки выпускать дым на улицу. А на второй день дети начали разбивать покрытый трещинами бетон и выравнивать пол, готовя его к укладке плитки.

– купишь *керамическую* плитку, – наставляла мужа Зеруниза. Он неплохо себя чувствовал и решил сам отправиться в магазин.

Двухлетний Лаллу, недовольный тем, что его не задействовали в строительстве, решил подсуетиться и почистить тряпочкой ботинки отца, который собирался на важное «задание». После полудня Карам отправился в маленькую лавочку в Саки-Нака, сунув в карман две тысячи рупий. Абдул был рад, что отец ушел. Тот все время отвлекал детей от работы, а хотелось закончить все до темноты.

– Вы слишком громко стучите, мне не слышно радио, – прокричала Фатима из-за стены. Младшие мальчишки переглянулись и улыбнулись. Все три раза, когда Хусейны делали небольшой ремонт в доме, соседка устраивала им сцены, на которые она была мастерица.

– Мы меняем пол и делаем новую кухню, – ответила Зеруниза. – Мне бы хотелось, конечно, чтобы плитка и разделочный столик прилетели по воздуху и встали на место сами собой, но это невозможно. Поэтому сегодня нам придется немного пошуметь.

Абдул не обратил внимания на эту перепалку, занятый своими проблемами. Пресловутая мамина столешница сводила его с ума. Полутораметровая серая каменная плита, которую он пытался закрепить на двух подпорках, была неровной, как и пол, и все время опасно качалась. В этом дурацком доме все кривое. Единственный способ надежно закрепить новый разделочный – вмонтировать его в кирпичную стену и зацементировать намертво.

В то утро муж Айши из-за похмелья не смог работать. Но помогать взялся другой сосед. Он тоже не скрывал, что хочет получить за свой труд деньги. Этот человек тоже не очень уверенно стоял на ногах, но Абдул решил не обращать на это внимания. Вдвоем они приняли долбить углубление в кирпичной кладке.

– Наверняка Одноногая устроит нам сегодня концерт, – сказала Зеруниза.

И, правда, через полминуты раздался вопль Фатимы:

– Что вы делаете с моей стеной?

– Расслабься, Фатима, – прокричала ей в ответ мать Абдула. – Мы устанавливаем новую столешницу. На это нужен всего один день. В наших интересах сделать это побыстрее, чтобы успеть до начала дождей.

Абдул продолжал работать. Он определял, к какому типу относится тот или иной человек, примерно так же, как сортировал мусор. Фатима на первый взгляд была непохожа на других, но, по его мнению, она принадлежала к весьма распространенной категории людей, чья озлобленность вызвана завистью. Это же чувство лежит в основе их дурных поступков. А саму зависть, весьма вероятно, питает надежда: «Другим повезло, а когда-нибудь и мне повезет». При этом Зеруниза считала, что все в Аннавади примерно одинаково несчастливы, и поэтому соседские ссоры не могут иметь глубокие корни и быстро сходят на нет. Мать Абдула была известна своей склонностью приукрашивать действительность и неумением извлекать уроки из прошлых неприятностей.

Фатима снова подала голос:

– Ублюдки, вы ломаете мне стену!

– А с чего ты взяла, что это твоя стена? – раздраженно заявила госпожа Хусейн. – Ее построили мы и не взяли с тебя ни пайса^[59]. Можем мы хотя бы иногда в нее гвоздь забить? Потерпи. Если что-то сломается, мы починим сразу после того, как установим стол.

Одноногая на некоторое время затихла, но кирпич на ее стороне начал крошиться, и она снова заохала:

– Обломки кирпича сыплются мне в рис! Кругом пыль! Вы мне весь ужин испортили!

У Абдула опустились руки. Он и раньше подозревал, что стена от любого неосторожного прикосновения может развалиться, а теперь был просто уверен в этом. Кирпич был некачественным – в нем слишком много песка, да и раствор, соединяющий кладку, истерся и раскрошился. Так что это была уже даже не стена, а просто шаткое нагромождение уложенных рядами кирпичей.

Пока он гадал, как же закрепить широкую каменную столешницу на этой поверхности, Зеруниза вышла на улицу. Фатима тоже появилась на майдане, и соседки принялись грубо переругиваться и толкать друг друга. Соседи высыпали на улицу, чтобы посмотреть на этот спектакль. Дети гадали, кто из двух женщин больше похож на Великого Кали^[60], знаменитого индийского спортсмена из известного бойцового шоу.

– Если ты, паскуда, не прекратишь ломать мой дом, я тебя засажу в тюрьму! – кричала Фатима.

– Шлюха! Моя стена, хочу – ломаю, – откликалась Зеруниза. – Если бы мы ждали, пока ты построишь перегородку, нам бы и сейчас пришлось смотреть, как ты переодеваешься.

Абдул выбежал и растащил женщин. Он схватил мать за шею и силой увлек обратно в дом.

– У тебя же дети! – возмущенно выговаривал он ей. – Чем ты лучше Одноногой? Так же, как она, лезешь в драку на глазах у всех.

Такого рода сцены противоречили главному принципу выживания в Аннавади, который он выработал за многие годы: ни в коем случае не привлекать к себе внимания.

– Но она первая начала ругаться, – возразила Зеруниза.

– Эта женщина клянет собственного мужа последними словами, – сказал ей сын. – Неужели она постесняется облить грязью тебя? Но ты-то зачем отвечаешь ей тем же? Она же чокнутая, и ты это прекрасно знаешь.

Фатима, громко проклиная всех, пересекла майдан и покинула Аннавади. Абдул слышал, как соседки, смеясь, обсуждают, куда и зачем она пошла. Но его не интересовали эти пересуды. Он понял лишь, что некоторое время ее не будет поблизости, а значит, можно спокойно закончить возню со стеной.

Тут выяснилось, что сосед, которого наняли, чтобы помогать с ремонтом, совсем не держится на ногах. Он рухнул на пол вместе со столешницей.

– Да ты пьян! – набросился Абдул на негодного помощника,

придавленного каменной плитой. Тот не отрицал этого. Он страдал от туберкулеза в запущенной форме и пояснил:

– В последнее время совсем нет сил. Если не выпью, вообще ничего поднять не могу.

Абдул чуть не заплакал, когда увидел, как стена разрушается на глазах. К счастью, хотя бы столешница не раскололась при падении, а сосед, похоже, немного протрезвел из-за всего случившегося. Он уверил Абдула, что через час они все закончат. Мальчику оставалось лишь утешить себя тем, что маме после ремонта будет удобнее жить в этом доме; от этого она станет мягче, покладистой и прекратит сквернословить.

Но тут кто-то пришел и сказал, что видел, как Фатима наняла авторикшу. Неслыханное дело! У нее никогда не было денег на такую роскошь. Через пятнадцать минут ему сообщили еще одну новость: Одноногую видели в полицейском участке Сахар. Она пожаловалась на то, что Зеруниза напала на нее.

– Аллах милостивый! Какая наглая ложь! – запричитала госпожа Хусейн.

– Беги туда скорее, – сказала матери Кекашан. – Иначе они будут делать выводы, выслушав только одну сторону.

Карам вернулся как раз тогда, когда жена уже собиралась уходить. Плитка стоила дороже, чем он предполагал; ему нужно еще двести рупий.

– Возьми деньги и купи, наконец, плитку. Хватит тянуть! – сказала ему Зеруниза. – Если сюда придет полиция и увидит все наши вещи на улице, они обдерут нас как липку.

Дети уже начали перетаскивать часть вещей в сарай, служивший складом.

– Не беспокойся обо мне, – успокоила мать Абдула. – Не останавливайся, надо довести до конца ремонт.

Зеруниза была вся в мыле, когда добежала до полицейского участка, находившегося почти в километре от Аннавади. Фатима сидела у стола и жаловалась высокой женщине в офицерской форме, которую звали Кулкарни:

– Вот эта меня избила, – указала Одноногая на вошедшую Зерунизу. – Вы же видите, я инвалид, у меня только одна нога.

– Я ее не била! – запротестовала госпожа Хусейн. – Там было много свидетелей, и никто не сможет подтвердить ее слова. Она первая полезла в драку.

– Они мне сломали стену! И насыпали песка в рис!

– А она сказала, что засадит нас в тюрьму. Мы никого не обижали,

просто занимались своими делами...

Фатима принялась рыдать, и Зеруниза решила последовать ее примеру.

Женщина-полицейский воздела руки к небу:

– Вы что, с ума сошли?! Дергать нас по такому поводу! Вы думаете, полиции нечего делать, как только слушать о ваших ссорах по ничтожному поводу? Мы отвечаем за безопасность аэропорта. Ты отправляйся домой, готовь ужин и присматривай за детьми, – обратилась она к Фатиме. А потом повернулась к Зерунизе. – А ты сядь сюда.

Мать Абдула села на одну из стоявших в ряд у стены табуреток и горько заплакала. Теперь это были искренние слезы. Одноногой удалось-таки исполнить свою угрозу и упрятать ее в участок. Сейчас она вернется в Аннавади и расскажет всем, что полиция задержала Зерунизу, как преступницу.

Когда через некоторое время она утерла слезы и перестала всхлипывать, то обнаружила, что рядом с ней сидит Айша.

Она заглянула в участок по делу. Некие полицейские поручили ей подыскать субсидируемую государством квартиру, которую они смогли бы занять под какой-то свой «левый» бизнес. Такое посредничество сулило ловкой интриганке большую выгоду, чего не скажешь о посредничестве в урегулировании конфликта между двумя соседками-мусульманками. С другой стороны, если она перестанет браться за улаживание мелких бытовых конфликтов в Аннавади, люди начнут обращаться к представительнице партии Национального конгресса. Ее все в народе звали «белым сари»^[61]. Субхаш Савант наверняка прознает про это и будет недоволен Айшой.

Айша посмотрела прямо в глаза Зерунизе и сказала, что за тысячу рупий готова их примирить и сделать так, что Фатима откажется от дальнейших претензий. Но деньги она берет не для себя, а отдаст их (во всяком случае, часть) Одноногой.

Айша далеко не всегда столь прямолинейно заводила речь о деньгах. Но, похоже, с Зерунизой нужно было быть откровенной. Однажды полиция схватила Мирчи за то, что он покупал краденое. Тогда Зеруниза молила Айшу о помощи, и той действительно удалось уговорить полицейских отпустить мальчика. Она убедила их, что это все-таки ребенок, да еще и нездоровый. Кстати, это было правдой: у него на ягодицах в тот момент было шесть воспаленных крысиных укусов. **Но когда Айша привела его домой, Зеруниза лишь горячо поблагодарила ее, будто не знала, что такая помощь давно превратилась в бизнес.**

Женщины не доверяли друг другу. Госпожа Хусейн знала, что ее

благодетельница принадлежит к партии Шив сена, которая пытается изгнать мусульман. И многие полицейские разделяли эти убеждения. Поэтому сейчас мать Абдула сказала:

– Мы сами это уладим с мужем Фатимы. Спасибо, мы сами справимся. Так она поставила точку в этом торге.

Через час она уже и вправду поверила, что все обойдется, потому что Кулкарни предложила ей чашку чая и дала совет:

– Надо выбить дурь из этой Одноногой и покончить с бесконечными скандалами раз и навсегда.

– Да как же я подниму руку на хромую?

– Но если не бить таких, то придется снова и снова выяснять с ними отношения. Не беспокойтесь. Просто как следует поколотите ее, а я уж объясню ей, что к чему, если она пожалуется.

Зеруниза решила, что дружественный тон полицейской дамы вызван тем, что она тоже надеется получить плату за свои одолжения. Офицер по имени Тхокал обычно так не миндальничал. Он открыто требовал у семьи взятки за нарушение порядка, ведь тем, кто живет на территории аэропорта, запрещается вести свой бизнес. И сейчас, войдя в комнату и увидев Зерунизу, он сразу перешел к делу:

– Вы мне должны за много месяцев. Ты что, прячешься от меня? Сейчас, пока ты здесь, давай разберемся с нашими делами.

Зеруниза была богаче Фатимы. Видимо, именно поэтому в участке оставили ее, а не соседку. Теперь придется платить Тхокалу, иначе он прикроет семейный бизнес. Но вначале Зеруниза решила бросить жалостливый взгляд на Кулкарни, как бы сердечно благодаря ее за поданный совет – как следует отлупить Одноногую. Потом она опустила глаза и стала сосредоточенно пить чай с молоком.

В Аннавади начинало темнеть. Кекашан сидела рядом с домом и караулила кучу вещей. Внутри ее все клокотало от возмущения. Она смотрела, как братья в панике вываливают цемент на пол, пытаясь поскорее закончить работу, пока не пришли полицейские и не потребовали денег. Девушка видела в открытую дверь, как покачивается на костылях Фатима. Она поставила кассету с песнями из индийских фильмов и пританцовывала под громкую музыку. Вернувшись из участка, Одноногая раскрасила лицо более вызывающе, чем обычно: приклеила сверкающую бинди на лоб, густо подвела черным глаза, нанесла на губы ярко-красную помаду. Она выглядела так, будто готовится выйти на сцену.

Кекашан следовало бы придержать язык, но она не смогла.

– Полиция задержала мою мать, потому что ты наврала им с три короба, а ты тут разodelась и танцуешь, как кинодива?

Разгорелась новая потасовка:

– Стерва! Я и тебя могу отправить в участок, – кричала Фатима. – Я этого так не оставлю. Всю вашу семью пересажаю!

– Тебе мало того, что маму арестовали? За это я бы оторвала тебе вторую ногу!

Публика опять собиралась, чтобы посмотреть на новый *тамаша*^[62]. Никто никогда не видел Кекашан в ярости. Обычно она выступала посредницей в конфликтах между женщинами в Аннавади. Но сейчас ее глаза, на которых еще не высохли слезы, горели, и она была похожа на Парвати из сериала «История каждого дома».

– Ты, может, и оторвешь мне ногу, – огрызнулась Фатима. – Но я тебе сделаю еще больнее. Ты вроде замужем. Так где же твой муж? Он что, прогнал тебя, узнав, что ты спишь за деньги с другими мужчинами?

Из дома вышел Карам. Он не мог спокойно слушать, как порочат честь его дочери. Но Кекашан, казалось, не так уж сильно волновало, что ее обозвали шлюхой. Она обратилась к отцу:

– Ты что, не знаешь который час? Уже ночь на дворе, а мама все еще не вернулась из участка.

– Беги и узнай, как там дела у матери, – велел Карам Мирчи. А затем повернулся к Фатиме: – Слушай, убогая! Мы сейчас закончим дело, которое начали, и впредь ты больше никогда не будем общаться друг с другом, договорились?

А в это время в хижине Абдул собирал обломки кирпича. Разделочный стол, наконец, закрепили. Когда-то он мечтал об этом и думал, как обрадуется мать, увидев, что дело сделано. Но она сидит в полиции. Пол был наполовину засыпан щебнем, наполовину зацементирован. На этот свежий цемент надо было класть плитку, которую отец так пока и не привез. Телевизор, купленный в кредит, отнесли к владельцу борделя, но там его разбил хозяйский сын. Младшие братья и сестры были до смерти напуганы всеми этими криками и ссорами. А Карам, видя, как разорено его жилище, похоже, сошел с ума.

Господин Хусейн вдруг вломился в хижину Фатимы и закричал:

– Полоумная! Ты солгала в полиции, что моя жена избила тебя. И теперь ты у меня отведаешь настоящих тумачков!

Но, немного подумав, он передумал бить ее сам.

– Абдул! – позвал он сына. – Иди сюда и задай ей трепку.

Абдул застыл от неожиданности. Мальчик всю свою жизнь

повиновался приказам отца, но ударить женщину-инвалида он не мог. К счастью, вмешалась старшая сестра:

– Отец, успокойся, – взмолилась она. – Мама с этим разберется, когда вернется домой.

Кекашан всегда, и особенно в критических ситуациях, понимала, кто в доме главный.

Она увела отца в дом, а по пути обернулась и сказала:

– Одноногая, раз ты так отблагодарила нас за то, что мы долгие годы были тебе добрыми соседями и делали разные одолжения, скажи мужу, чтобы он отдал нам половину стоимости этой стены, которую мы построили на свои деньги.

– Как же, тебе же понадобятся деньги на собственные скромные похороны! – парировала Фатима. – Я вас всех со свету сживу.

Вскоре со своего разведздания вернулся Мирчи. Он сказал, что с мамой вроде бы все в порядке. Она сидит и мирно беседует с женщиной-полицейским. Кекашан вздохнула с облегчением и принялась готовить ужин.

В этот час по всему трущобному кварталу загорались огоньки костров, на которых варили еду. От них поднимался дым, сливавшийся в единый столб. Его было видно издалека. В «Хайяте» постояльцы, жившие на верхних этажах, в это время обычно звонили в администрацию отеля: «Тут неподалеку пожар!», – сообщали они. Или: «Там, кажется, произошел какой-то взрыв».

А через полчаса начнут поступать жалобы на то, что на поверхности бассейна плавает слой пепла с запахом коровьих лепешек^[63].

Но на этот раз в Аннавади вспыхнуло пламя не под котелком. Оно разгорелось в хижине Фатимы.

Восьмилетняя Нури, дочь Одноногой, вернулась домой к ужину. Она толкнула деревянную дверь, но открыть ее не смогла. Было слышно, что в доме играет какая-то песня о любви, и девочка решила, что ее мать так увлеклась танцами, что забыла, который час. Нури побежала к подруге Фатимы Синтии и позвала ее на помощь. Та тоже не смогла открыть дверь. Тогда она подняла Нури вверх к дыре под самой крышей лачуги (девочка гордо называла эту дыру окном).

– Что ты видишь, малышка?

– **Вижу, как мама поливает себе голову керосином.**

– Фатима, прекрати, – завопила Синтия, пытаясь перекричать музыку. Через несколько секунд песню из фильма заглушил странный булькающий звук, затем последовал короткий хлопок, и Нури в ужасе воскликнула:

– Мама горит!

Кекашан завизжала. Владелец борделя первым пересек майдан, за ним бежали три его сына. Все вместе они навалились на дверь и выломали ее. Фатима лежала на полу, тело ее было окутано дымом. Рядом валялась перевернутая желтая пластиковая канистра с керосином, а за ней – баллон с водой. Она, по-видимому, сначала полила голову использовавшейся для розжига костра горючей жидкостью, потом поднесла спичку и тут же опрокинула на себя воду, чтобы потушить только что занявшийся огонь.

– Спасите! – пролепетала она.

На спине у нее еще что-то тлело. Хозяин борделя на секунду замешкался, потом схватил одеяло и сбил пламя.

Тем временем у входа в хижину уже собралась толпа.

– Эти мусульмане-мусорщики целый день сегодня громко скандалили.

– Неужели она не подумала о своих детях, когда делала это?

– Она в порядке! – объявил хозяин борделя, отталкивая ногой кастрюли. Он пытался сбить пламя всем, что попадалось под руку. – Она жива, все нормально.

Он попробовал поднять ее, но стоило ему перестать ее поддерживать, как она снова со стоном повалилась на пол.

Зрители обратили внимание на баклажку с водой.

– Она совсем сдурела, – сказал старик. – Видимо, хотела слегка поджечь себя, чтобы устроить тут шоу, а вместо этого сильно обгорела.

– Я это сделала из-за них! – выкрикнула Фатима. Голос у нее был на удивление чистым и звонким. Все поняли, кого она имеет в виду.

Кекашан к тому времени уже перестала плакать и услышала эту фразу. Она тут же скомандовала братьям и отцу:

– Бегите отсюда быстрее. Она сказала, что всех нас засадит в тюрьму. И сейчас пожалуется, что это мы ее подожгли!

– Если на них заведут дело – им конец, – сказал один из соседей, наблюдая, как мальчики убегают. Вот они обогнули общественный туалет и устремились в сторону отеля «Ли́ла», в котором номера стоили восемьсот долларов за ночь.

– Воды! – взмолилась Одноногая. Лицо ее было все в красных и черных пятнах.

– Если она умрет в тот момент, когда ты дашь ей напиток, ее дух переселится в тебя, – вставил кто-то.

– Да, женские духи самые упрямые. Они могут годами жить в ком-то и никак не хотят выходить.

Наконец несчастная нищенка по имени Прийя принесла воды. Эта

девушка, чуть ли не самое обездоленное существо во всем Аннавади, временами помогала Фатиме готовить и присматривать за детьми. За это Одноногая иногда ее кормила. Говорили, что в Прийе уже сидит два чужих духа.

– Глупцы! Не надо ей воды. Считается, что при ожогах вредно пить.

Кто это сказал? Чей это хрипловатый и уверенный голос? Это была Айша. Она стояла в задних рядах толпы. Все обернулись.

– Тогда скажи ей, чтобы не пила. Останови ее, Айша!

– Но потом я не успею убежать. Вдруг она умирает? Я не хочу попасть под проклятие умирающей. Что, если она прямо сейчас отдаст концы?

Тут подошла Манджу, но мать велела ей удалиться. Однако подруге Манджу Мине удалось подобраться поближе. Ей открылась ужасная картина. Фатима в муках корчилась на полу. На ней был полусгоревший коричневый наряд с розовыми цветами на груди и спине. Почти все цветы выгорели, из-под ткани виднелись потемневшие отваливающиеся лоскуты кожи. Мина отбежала в сторону – ее тошнило. Ей казалось, что ее от этого зрелища будет мутить всю оставшуюся жизнь.

– Как мне добраться до больницы? – спросила Фатима. – Моего мужа нет дома!

– Кому-то нужно взять авторикшу и проводить ее в больницу Купер. А все стоят, как идиоты, и ждут, пока она помрет прямо у нас на глазах.

– Но если ты поедешь с ней в больницу, полиция потом скажет, что ты ее и поджег.

– Пусть Айша поедет с одноногой. Она из Шив сены, ее полиция не тронет.

Глаза Фатимы сфокусировались на Айше.

– Учительница! – заплакала она. – Как я пойду? Я в таком состоянии...

– Я заплачу за авторикшу, – отозвалась Айша. – Но меня ждут люди. Я слишком занята и проводить тебя не смогу.

И на глазах у всех соседей она развернулась и пошла к своему дому. Позже она объясняла своему мужу:

– Я предложила заплатить за рикшу, но зачем мне было ехать с ней? Эти две мусорщицы поссорились. Почему же я должна встречать? Кто знает, чем чревато вмешательство в такое дело? Но так или иначе Зерунизе надо было принять мою помощь, предложенную там, в участке. Она не понимает одной очень простой вещи: чем раньше заплатишь, тем меньше расходы будут потом. Надо было сразу откупиться от Одноногой, сунуть ей деньги, как обычной попрошайке. Так можно было бы остановить ее еще до того, как она впала в истерику. А теперь полиция

заведет дело, Хусейнам понадобится адвокат. Неужели они думают, что кто-то будет защищать их без всякой предоплаты? Разве акушерка ждет родов? Нет, она сразу берет деньги за свои услуги. И даже если ребенок потом умрет, она свое получает. Но тут я умываю руки. Не хочу иметь дело с этим семейством и их грязными деньгами – *харам ка пайса*.

Айша улыбнулась:

– Фатиме достаточно было сказать в полиции: «Я по рождению индуистка, а эти мусульмане насмеялись надо мной и подожгли меня за то, что я не придерживаюсь их веры». Тогда ее враги попали бы в тюрьму на веки вечные.

Было уже восемь вечера. Небо над майданом окрасилось в лиловый цвет. Закат переливался, как свежий синяк. Все собравшиеся решили, что когда муж Фатимы вернется с работы из соседнего квартала, где он сортировал мусор, он сам и отвезет жену в больницу.

Взрослые разошлись по домам, чтобы закончить ужин. А несколько мальчишек остались, чтобы посмотреть, не сойдет ли кожа с лица Фатимы. Так произошло с одной женщиной, которая когда-то снимала комнату у Айши. Когда муж ушел от нее, она устроила настоящее самосожжение, а не такую пародию, как Фатима. Почерневшая кожа самоубийцы сошла с лица и пристала к полу. А Раул утверждал, что видел, как взорвалась ее грудная клетка и можно было увидеть открытое сердце.

Глава 7

Крах

Волосы Фатимы, точнее, то, что от них осталось, выбились из пучка, в который она их закрутила перед тем, как чиркнуть спичкой. Лоб, щеки, подбородок у нее почернели и сейчас лоснились так, будто художник, покрывая лаком глаза статуи богини Кали^[64], увлекся и отлакировал все лицо. В ожоговом отделении номер десять крупной районной больницы Купер, обслуживающей бедняков из западных предместий Мумбаи, не было зеркала. Но оно ей были не нужно, чтобы понять, что, выйдя из огня, она стала «больше» – в прямом смысле, из-за отеков.

Но и в переносном смысле можно сказать то же самое. Она будто бы превратилась в более значительную персону.

Ее тощий муж вынужден был тащить жену на себе из Аннавади до самой трассы. Уже в тот момент, когда они плелись к шоссе, Фатима почувствовала, что оказалась в центре всеобщего внимания:

– Что же я с собой сделала, – рыдала она, обращаясь к толпе сочувствующих, собравшихся у «Хайата». – Но что сделано, то сделано, и теперь они у меня за все заплатят!

Ни один авторикша не желал везти женщину в таком состоянии. Все боялись, что она испортит им обивку сидений. Но тут явились трое крепких парней и, запугав одного водителя до полусмерти, заставили его отвезти Фатиму в больницу.

И здесь она тоже чувствовала себя важной персоной. Вокруг мерцали флуоресцентные лампочки, переливавшиеся, как оводы. В маленькой палате отвратительно пахло почерневшими от гноя бинтами, и все же условия здесь выгодно отличались от других больниц, где пациенты лежали прямо на полу. У Фатимы была всего одна соседка по палате, чей муж клялся и божился, что не зажигал ту роковую спичку, которая стала причиной страшных ожогов его дражайшей половины. **У каждой был собственный противополежневый матрас, правда, весь пропитанный мочой пациентов. В ноздрю ей вставили пластиковую трубку, которая, впрочем, не была ни к чему подсоединена. Рядом стояла капельница с иглой, не раз бывшей в употреблении: медсестра считала, что использовать одноразовые – непросчитительная расточительность. Над телом пациентки установили хитроумно устроенную каркасную**

конструкцию из ржавого железа: она должна была помешать старой грязной простыне соприкасаться с обожженной кожей и прилипнуть к ней.

Но больше всего среди многочисленных новых впечатлений, полученных Фатимой в больнице, ее поразило то, что к ней потянулась вереница посетителей из Аннавади, считавших необходимым засвидетельствовать ей свое почтение.

Первой наведлась ее бывшая лучшая подруга Синтия. Именно ее Фатима винила во всем произошедшем. Муж этой женщины некогда занимался скупкой мусора, но прогорел, в то время как бизнес Хусейнов процветал. Так что Синтия из зависти и злобы подговорила Одноногую предпринять какую-нибудь провокационную выходку против соседей, чтобы на тех завели уголовное дело. Совет был никудышным. Фатима поняла это с некоторым запозданием. Зато банановый ласси^[65], который принесла подруга, оказался очень вкусным.

Приходила и Зеруниза. Фатима как-то утром заметила, что соседка, сгорбившись, нервно мечется у двери палаты. Потом ее навестили еще четыре человека под предводительством Айши, что очень польстило Одноногой, потому что в Аннавади представительница Шив сены демонстративно не замечала ее. Но теперь она принесла подслащенный лимонный сок и кокосовую воду, а затем наклонилась к почерневшему уху больной.

Вначале староста шепотом напомнила, что трагедия произошла при множестве свидетелей, так что потерпевшей не стоит лгать и жаловаться, что ее избили и подожгли.

– Зачем проявлять *гхаманд*, крайний эгоизм и упрямство? – спрашивала Айша. – Ты сделала глупость, потому и обгорела. К чему же мстить за это другим?

Айша пыталась уговорить Фатиму, чтобы та пошла на мировую с Хусейнами. Тогда никто не будет заводить уголовное дело. Посредница уверяла: если Одноногая перестанет настаивать на том, что соседи покушались на ее жизнь, Зеруниза заплатит за частную клинику и выделит некоторую сумму на содержание ее дочерей. Фатима страдала от ожогов, а не от умственной отсталости: она прекрасно понимала, что Айша собирается взять с Зерунизы взятку за содействие в примирении. Но сказать всю правду потерпевшая уже не могла. Слишком поздно: она уже поговорила с полицией и сделала заявление.

Как только ее доставили в больницу Купер, она сообщила прибывшим туда полицейским, что Карам, Абдул и Кекашан подожгли ее. После чего наряд отправился в Аннавади и арестовал Караму, в то время как Абдул

прятался на своем мусорном складе. Но на следующее утро в участке Сахар поняли, что обвинения Фатимы ложные. Ее восьмилетняя дочь Нури дала совершенно четкие показания: через дыру в стене дома она ясно видела, как мать сама облила себя керосином и зажгла спичку.

Для того чтобы не закрывать дело против Хусейнов и таким образом тянуть из них деньги, нужно было скорректировать свидетельство жертвы и сделать его более правдоподобным. Полиция решила отправить в больницу симпатичную пухленькую чиновницу, чтобы помочь Фатиме сострять новую историю. Эта женщина в красивых дорогих очках в золотой оправе уже успела побывать в больнице незадолго до прихода Айши.

Ее звали Пурмина Пайкрао, и она занимала ответственную должность – следователя по особо важным делам при правительстве штата Махараштра. Ее нередко направляли к пострадавшим для того, чтобы изменить их показания и сделать их более удобными для полиции. Пурмина немного помогла Фатиме, и вместе они придумали новые объяснения акта самосожжения. Следователь обращалась с Одноногой очень вежливо, даже после того, как та призналась, что не может прочесть ничего из записанного гостьей и даже не сумеет поставить свою подпись под этой бумагой. Дама в золотых очках любезно сказала, что достаточно отпечатка большого пальца.

Госпожа Пайкрао прекрасно знала, что доведение до самоубийства в Индии считается очень серьезным преступлением. Уголовный кодекс создавался еще при британских властях, и англичане постарались принять все меры, чтобы искоренить историческую практику принуждения к самосожжению^[66]. **Во многих семьях считалось, что жена обязана взойти на погребальный костер вслед за умершим мужем. Это позволяло родственникам избавиться от расходов по содержанию вдов.**

Согласно новой версии Фатима признавала, что сама подожгла себя. Но вину за этот свой поступок все-таки перекладывала на других. Она достоверно передала события в том, что касалось вечерних угроз Кекашан, которая пообещала оторвать ей вторую ногу. И честно рассказала об обещании Карамы избить ее, а также о выдвинутом требовании, чтобы ее муж оплатил половину стоимости строительства стены, разделявшей хижину. На этот раз она не упоминала Зерунизу, потому что знала, что у той есть железное алиби: во время самосожжения госпожа Хусейн находилась в полицейском участке. Зато теперь она обрушилась с обвинениями на Абдула.

Именно он, Абдул Хусейн, душил и избивал ее. Так говорилось в ее отредактированных показаниях. Как же обойтись без него? Каким образом завистница может подорвать благополучие соседей, если не упомянет парнишку, который своим трудом кормит все их семейство?

«Я, будучи инвалидом, не могла дать отпор моим обидчикам. В гневе и отчаянии я вылила имевшийся в доме керосин на голову и подожгла себя» – так заканчивалось ее заявление.

Следователь Пайкрао приписала от себя: «Признание записано при ярком свете ламп дневного освещения», – и покинула больницу, чтобы приступить к своей основной работе. Если к этому документу приобщить еще несколько свидетельств, которые она надеялась собрать в Аннавади, то можно будет рассчитывать на хорошие отступные от Хусейнов.

На третий день после того, как Фатима оказалась в ожоговом отделении, у нее начала сходить кожа с лица, отчего ее миндалевидные глаза казались округлившимися и удивленными. Она будто бы недоумевала, как же такое могло с ней случиться. Можно подумать, что, зажигая спичку, она не подозревала, чем все кончится. «Мне очень больно говорить», – жаловалась она мужу, который дежурил у ее кровати. Однако, несмотря на боль, она иногда прикрикивала на него. Однако сейчас ее голос звучал не так пронзительно, как раньше.

Лицо ее супруга, обычно широкое, с тяжелым подбородком, за последние дни вытянулось и осунулось. Вообще-то, у него, как у любого сортировщика мусора, была неплохая координация движений. Но теперь из-за стресса его руки постоянно тряслись, и он толком ничего не мог делать. Даже перетирание прописанных жене таблеток в порошок казалось ему непосильным трудом. Заодно он раскрошил весь хлеб, который принес, чтобы покормить ее.

По счастью, она не очень хотела есть. Купер, больница на пятьсот коек, обслуживавшая бедные кварталы с миллионным населением, не могла предложить своим пациентам хороший рацион. Неважно дело обстояло и с лекарствами.

– Наши запасы закончились, а новые препараты со склада не завезли, – такие официальные объяснения давала страждущим медсестра. На самом деле все было разворовано и продано на сторону.

Родственники должны были самостоятельно покупать лекарства для больных. Маленький тюбик прописанной врачом противоожоговой мази – сульфадиазин серебра – стоил двести одиннадцать рупий. Он закончился на второй день, и мужу Фатимы пришлось занимать деньги, чтобы купить

еще один. Смазывая ожоги, он очень боялся причинить жене боль, особенно когда дотрагивался до бледно-розового участка внизу живота, с которого сошел кожный покров. Вообще-то мужчина рассчитывал, что медсестры помогут ему, но те старались избегать физического контакта с пациентами.

А вот высокий молодой доктор не боялся прикасаться к больным. Как-то вечером он пришел в палату и потянул Фатиму сначала за одну руку, а потом за другую. От этого бинты, давно приобретшие желто-черную окраску, начали провисать.

– Со мной что-то не так. Такой озноб! – пожаловалась ему больная.

– Пейте по три бутылки воды в день, – посоветовал врач и поправил грязные повязки.

Но у мужа Фатимы после приобретения средства от ожогов не было возможности покупать еще и бутилированную воду. Поэтому доктор за глаза назвал старика безответственным и неспособным обеспечить больной супруге все необходимое для выздоровления.

Вскоре пожилой сортировщик мусора вернулся к работе, чтобы добыть денег на лекарства. На вахту в больнице заступила мать Фатимы.

– Меня подожгли соседи, – сказала ей Одноногая, а затем изложила еще одну версию событий, так что мать совсем запуталась. Да и сама потерпевшая теперь тоже не очень понимала, где правда, где ложь. Ей не хотелось заново всем все объяснять. Ей нужно было выздоравливать, а полиция уж позаботится о том, чтобы виновные понесли наказание, тем более что Абдул и Карам Хусейны уже схвачены.

Крик из уст Абдула вырвался еще до того, как полицейский с рыбьими губами в первый раз опустил кожаный кнут на его спину. Этот стон зрел в груди мальчика еще с утра, когда он бежал в участок, чтобы сдать.

Тогда, на пути в аэропорт, он еще надеялся, что сможет объяснить, что на самом деле произошло с Фатимой накануне вечером. Ну, или хотя бы защитить отца от побоев, заняв его место. Лежа животом на деревянном столе, он думал: возможно, эти удары предназначались Караму? Но абсолютной уверенности в этом уже не было. Ясно было одно: никаких объяснений в полиции слушать не будут. Они не желали знать про перепалку между соседями и разрушившуюся кирпичную стену. Им нужно было только добиться признания, что он, Абдул, облил женщину-инвалида керосином и поднес горящую спичку.

– Она умрет, и ты получишь триста вторую! – сказал полицейский ликующим, как показалось его жертве, тоном. Абдул знал, что триста

вторая статья в индийском уголовном кодексе – это убийство.

Чуть позже во время этой порки (точно определить, сколько времени прошло, Абдул не мог) началась новая мука: он услышал голос матери. Казалось, что она стоит совсем рядом, где-то в районе комнаты, называемой приемной.

– Не делайте ему больно! – громко умоляла Зеруниза. – Будьте с ним помягче, проявите милосердие!

Абдул не хотел, чтобы мать слышала его стенания, и попытался взять себя в руки. Не надо смотреть на наручники, сковавшие запястья; не надо поднимать взгляд на рыбообразного офицера и на хорошо отглаженные стрелки форменных брюк цвета хаки. Избиваемый закрыл глаза и попытался мысленно произнести слова какой-нибудь молитвы, хотя не помнил, когда последний раз молился.

Но все эти усилия не помогли. Сдержать крики было невозможно. Стоны и всхлипывания разносились далеко и долетали до дороги. Однако чуть позже, когда экзекуция закончилась и Абдул рассеянно следил за тем, как удаляется за дверь полицейский в начищенных коричневых ботинках, он попытался убедить себя, что не проронил ни звука. **Пока его пороли, по всему участку были слышны оглушительные вопли Зерунизы.** Но прямой связи между рыданиями Зерунизы и мучениями ее сына все же не было. Зная склонности своей матери, Абдул легко мог предположить, что она так воет целый день.

Хорошо то, что теперь ее крики слышались откуда-то издалека. Возможно, офицеры выпроводили ее вон, потому что устали от причитаний. Власти аэропорта недавно облагородили территорию вокруг старого одноэтажного домика, в котором находился полицейский участок. Рядом с входом разбили клумбы с розовыми цветами и тропическими растениями. Их листья блестели на солнце так же ярко, как новенькие джипы, припаркованные неподалеку.

Абдул представил себе, как мать быстро удаляется за ограду и направляется домой. Во всяком случае, ему очень хотелось думать, что все происходит именно так.

В большой камере, куда препроводили Абдула, находилось еще семь заключенных. Отца содержали здесь же и били прямо на глазах у сына. Помещение не было похоже на тюремные клетушки, которые Абдул видел в фильмах в видеосалоне в Саки-Нака. Здесь стояли железные стулья, большой деревянный стол с ламинированной столешницей, а также четыре металлических шкафа. Таких красивых шкафов Абдул в жизни не видел. Дверцы их были зеркальными. Это была мебель знаменитой марки

Godrej^[67], выкрашенная бронзовой, голубой и синей краской. Если бы не раздававшиеся отовсюду крики и стоны, можно было подумать, что ты попал на выставку дорогих предметов интерьера.

В участке Сахар были, конечно, обычные камеры, где содержались арестованные. А то помещение, в котором находились Абдул и его отец, их товарищи по несчастью называли «неформальным СИЗО». Это был кабинет, предназначенный для делопроизводства. Полицейские вели здесь «беседы без протокола» с Хусейнами и другими людьми, которые официально не числились задержанными. Здесь, к всеобщему удовольствию, даже было окошко, через которое друзья и родственники могли передавать узникам сигареты и утешать в постигшем их горе.

Абдул все ждал, что в проеме появится Сунил или мусорный вор Калу, а может, и кто-то еще из мальчишек. Почему бы ребятам не навеститься, чтобы узнать, как у него дела? Он даже представлял себе, как скажет им: «Дела у меня неважные». Но никто кроме матери не приходил. На третий день Абдул перестал надеяться на то, что заявится кто-либо еще.

Каждый день полицейские задавали ему один и тот же вопрос:

– За что ты так издевался над хромой женщиной?

На это мальчик жалостливо отвечал:

– Сэр, вы же видите, я человек слабый. Я бы давно признался, если бы на самом деле совершил это преступление. Но я его не совершал. Была лишь перебранка, ничего более.

Абдул подготовил также еще одну слезоточивую речь:

– Пожалуйста, сходите в Аннавади и спросите жителей. Там было много свидетелей. Я не трогал ее. Как я мог затеять драку с женщиной? Да еще с одноногой? Спросите кого угодно: я никогда даже девчонок не дразнил. Я ни с кем не ссорюсь. Если я за всю свою жизнь над кем и подтрунивал, так только над своим братом Мирчи. Но и его я ни разу в жизни не ударил, хотя это мой собственный младший брат, и я знаю, что мог бы иногда дать ему тумака.

Однако полицейские, похоже, не собирались обращаться к свидетелям в Аннавади.

Тогда Абдул решил зайти с другой стороны, при этом продолжая выдвигать все свои аргументы с предельным смирением:

– Фатима сама себя подожгла в припадке безумия. У них вышла небольшая ссора с моей матерью, а Одноногая сделала из мухи слона. Но что толку теперь твердить вам об этом? Она потерпевшая, и вы будете обращать внимание только на то, что говорит она, потому что видите ее ожоги. Меня вы все равно слушать не станете!

Караму полицейские почти в открытую угрожали:

– Зачем ты нарожал столько детей, мусульманин? Ты не сможешь их прокормить и дать им образование. Ты проведешь в тюрьме долгие годы, так что твоя жена забудет, как ты выглядишь.

– **Не могу смотреть, как тебя мучают! Лучше пусть меня бьют, – сказал как-то Абдул отцу. Но тот в ответ заявил то же самое.** Этот разговор они вели как-то ночью, лежа на холодном плиточном полу в наручниках. Оба не могли заснуть. Теперь не осталось и следа от живительного действия кислорода, который Карам получал две недели назад в частной клинике. Господин Хусейн пытался уверить сына, что полицейские на самом деле не верят в то, что Фатиму кто-то замыслил убить. К этому времени они наверняка в общих чертах представляли, что на самом деле произошло в Аннавади, тем более, что свидетелей было множество. Но детали трагедии, постигшей женщину-инвалида, совсем не волновали стражей порядка. Их интересовало, по мнению Карам, только одно: как бы хорошо заработать на этой истории. Один из полицейских все время повторял: «Ты там у себя в трущобах нажил неплохой капитал».

Идея проста: надо запугать заключенного до такой степени, чтобы он отдал все, что у него есть, и даже залез в долги. И все ради того, чтобы полиция не дала ход мифическому, нигде не зарегистрированному делу. Несмотря на то, что побои были запрещены конвенцией о правах человека, к ним прибегали повсеместно. Благодаря им повышалась цена, которую истязаемый был готов заплатить за свое освобождение.

В Индии в сфере уголовного права и системы исполнения наказаний действовали такие же рыночные отношения, как и в сфере сбора мусора. Винодность и невиновность покупались и продавались, как килограмм полиуретановых мешков.

Абдул не знал точно, сколько денег осталось у семьи после оплаты лечения отца и ремонта. Однако он считал, что ради оправдания можно отдать все, что имеешь. Он хотел вернуться домой, в то самое место, которое так ненавидел.

– А что будет, если Фатима завтра умрет? – прошептал Карам. Абдул знал, что отец говорит сам с собой и не ждет от сына совета. Если они сейчас откупятся, а Одноногая умрет, деньги пропадут, а полиция все равно будет вынуждена официально открыть дело.

На какие средства тогда нанимать адвоката? Голос господина Хусейна всякий раз дрожал, когда он произносил это страшное слово – «адвокат». Очень дорогое, даже разорительное удовольствие. При этом один

из сокамерников, которого тоже «неофициально» задержали и поместили в эту комнату, уже бывал под судом и предупреждал всех, чтобы они в коем случае не пользовались услугами бесплатного защитника. Это верный способ попасть в тюрьму надолго, если не навсегда.

Время заключения текло, и вскоре отец и сын практически перестали разговаривать друг с другом. Это не удивило Абдула. Что он мог сказать? Посетовать, что родителям стоило быть такими же «параноиками», как он, и всегда держать ухо востро? В этом случае они поостереглись бы затевать перепалки с сумасшедшей одноногой соседкой. Лучше уж сделать вид, что они с отцом слишком устали и не в состоянии вести беседы. Им и так приходилось отвечать на бесконечные вопросы главного следователя, младшего инспектора Шанкара Йерама, чьи губы казались Абдулу уже не рыбьими, а обезьяньими.

Раз, а иногда и два в день, в оконном проеме появлялась осунувшаяся Зеруниза и рассказывала о том, что семья делает для их освобождения и сколько оно, по предварительным оценкам, может стоить. Айша говорила, что за пятьдесят тысяч рупий можно уговорить полицию закрыть дело. Конечно, она не возьмет все деньги себе. Основную долю получают полицейские, а более скромная сумма будет направлена мужу Фатимы.

Зеруниза была очень благодарна Айше за поддержку в первые дни после несчастья, случившегося с Одноногой. Несмотря на политические антипатии к мусульманам и мигрантам, Айша неустойчиво вела переговоры с разными чиновниками от имени Хусейнов, и не требовала за свою помощь денег. Она попыталась убедить Фатиму, чтобы та отозвала свое ложное обвинение, а также сопровождала Зерунизу в полицию, чтобы вместе с ней попытаться убедить стражей порядка, что пострадавшая сама подожгла себя. Но этот поход закончился провалом. Офицер полиции раскричался:

– Женщины, что вы себе позволяете? Вы вздумали вести собственное расследование? А ну идите отсюда и не мешайте нам работать!

В Аннавади Айша пользовалась большим авторитетом, но за пределами трущобного квартала считаться с ней не хотели.

– В первые дни Айша помогала мне бесплатно, – сказал Зеруниза мужу через окошко «камеры» предварительного содержания. – Но теперь она намекает, что довольно мне сидеть на мешке с деньгами – пора раскошелиться. И я готова заплатить, чтобы выволить вас отсюда, но я не уверена, сможет ли она что-либо сделать.

Госпожа Хусейн уже дала денег офицеру Тхокалу, тому самому, который предложил ей «уладить отношения», когда она сидела в участке

после первой стычки с Фатимой. После самосожжения Одноногой он уверил Зерунизу, что сможет проследить, чтобы расследование велось честно и чтобы с ее мужем и сыном хорошо обращались во время допросов.

– Я пообещала, что в любом случае заплачу за его услуги. Мне кажется, что он действительно нам симпатизирует, – говорила Зеруниза Караму. – Он мог бы потребовать гораздо больше денег, чем запросил на самом деле.

Следователь по особым делам, посетившая Фатиму в больнице, также ждала взятки. Она навестила Зерунизу, чтобы поставить ее в известность: показания пострадавшей и свидетелей в Аннавади – все это у нее, Пайкрао, под контролем. Чиновница была столь же любезна с госпожой Хусейн, как и с Фатимой:

– Что мне делать? – сказала она и развела руками. – Каким показаниям дать ход – за вас или против? Я представляю власти штата, так что к моему мнению прислушаются. Все в ваших руках, но вам надо принять решение как можно скорее.

Пересказывая эту историю, Зеруниза качала головой:

– Она повторяет то же самое, что и Айша, мол, деньги не для нее. Она передаст их мужу Одноногой. Но я уже поговорила с ним напрямую и пообещала, что помогу содержать девочек, переведу Фатиму в частную клинику и заплачу за все – за койку, еду, лекарства. А давать взятку «собираательнице показаний» я боюсь. Вдруг она исчезнет со всей суммой и не поделится с семьей Фатимы? В этом случае она так и останется в больнице Купер.

– А что сказал муж Одноногой, когда ты предложила перевести его жену в частную клинику?

– Ничего не сказал. Он так растерян, что не может ни на что решиться. Это какое-то безумие! Он что, хочет, чтобы она умерла? Может, он мечтает жениться на другой? В государственной больнице ее уморят, и тогда мы пропадим...

Как-то раз Зеруниза слышала, как Мирчи напевает сочиненную им песенку: «Тот, кто попадает в Купер, тот уже почти что умер». Если Фатима отправится к праотцам, то мужа, сына и дочь госпожи Хусейн упрячут в тюрьму лет на десять или больше.

Карам согласился с супругой в том, что надо проигнорировать предложения следователя по особо важным делам и продолжать давить на мужа Фатимы, чтобы тот согласился перевести ее в частную клинику.

– Да, так я и сделаю, – сказала Зеруниза и заплакала. – Но может произойти следующее: чиновная дама разозлится и сделает так, что

полиция будет собирать показания только тех людей, которые мечтают о нашем крахе. Если бы мы жили в родной деревне среди своих близких и родственников, можно было надеяться, что свидетели посочувствуют нам и скажут правду. Но в этом городе у нас нет друзей.

Начал накрапывать небольшой дождь. В одну из ночей, слушая, как капли стучат по крыше здания участка, Абдул вспомнил триллер, который они как-то посмотрели вместе с Калу. Он назвался «Олдбой». Герой провел многие годы в тюрьме, не понимая, за что сидит, и сходя с ума от этого непонимания.

Калу понравилось окончание фильма, когда узнику удалось бежать. Он выяснил, кто виноват в его заточении, и забил до смерти всех виновников – это при условии, что за пояс у него был заткнут нож и он мог их просто зарезать.

А Абдул припомнил сейчас другой эпизод. Заключение из дня в день колотил кирпичную стену, которая, вероятно, была намного крепче, чем перегородка между Фатимой и Хусейнами, потому что только через несколько лет ему удалось пробить маленькое отверстие. Герой просунул туда руку и наслаждался тем, как струи дождя стекают по коже.

Дома Абдул мало задумывался о будущем, если не считать туманных фантазий о переезде в Васаи и более приземленных забот, связанных со здоровьем. Может, у него, как у отца, скоро сдадут легкие? И останется ли навсегда деформированным и неестественно вывернутым правое плечо? Позвоночник у него сильно искривился, потому что мальчик большую часть жизни провел, сгорбившись над кучей мусора.

Абдул еще в детстве смирился с тем, что его вечный удел – сортировка отходов. Он считал, что сделан из особого теста и не похож ни на Мирчи, ни на умницу Манджу, ни на прочую молодежь из Аннавади, верившую, что они смогут как-то изменить свою судьбу. **Абдул всегда полагал, что будущее окажется таким же, как прошлое, только, возможно, денег будет чуть больше.** Он никак не рассчитывал, что его погубит озверевшая от зависти соседка, которая была лишь не намного беднее, чем Хусейны.

Мать не раз говорила ему, что дети бедняков еще в нежном возрасте принимают удел, который посылают им их боги. Они смиряются с тем, что предначертано небесами, и поэтому добрее и терпимее относятся друг к другу. Абдул не был уверен, что это правда. Сама Зеруниза с детства знала нищету и ненавидела само воспоминание о ней. Она приложила много сил для того, чтобы подготовить сына к жесткой конкурентной борьбе, без которой не выживешь в современном мире. Именно в молодом возрасте одни хорошо «поднимались», закладывая основу будущего

благополучия, другие же «опускались на дно». Мать внушила Абдулу, что он, мальчик невысокого роста, обязательно должен «подниматься», «расти».

Да, Хусейны уже не раз переживали тяжелые времена. Они очень много потеряли в 2005 году во время наводнения. Но тогда и другие обитатели Аннавади были в такой же ситуации. А как переживать крах в одиночку, Абдул не знал. Мать его к этому не подготовила.

Какой сегодня день? Сколько времени он провел под стражей? Этого он точно сказать не мог. Иногда его били, а потом снова водворяли в камеру. В соседней комнате часто звонили телефоны – там, по-видимому, была дежурка, потому что помимо звонков слышались также обрывочные разговоры по рации. Полицейские говорили между собой на языке маратхи, но слова Абдул разбирал с трудом. Чтобы хоть чем-то себя занять и отвлечься от тревожных мыслей о том, что он, невиновный, сидит в тюрьме и регулярно подвергается истязаниям, он пытался прислушаться и понять, о чем беседуют за стеной.

Обычно мучители с удовольствием выкручивали ему руки. А ведь это его «рабочие инструменты», именно ими он зарабатывал себе на хлеб. Маленькие ладони в рыжих пятнах от ржавчины; запястья с хорошо различимыми венами. У Абдула было много зарубцевавшихся шрамов, что вполне типично для его рода занятий. Но серьезных травм у него никогда не было, за исключением того случая, когда велосипедная спица глубоко пропорола руку.

Он на время отключился и перестал слушать телефонные переговоры, доносившиеся из соседней комнаты. Но чуть позже голоса стали доноситься громче, и он вдруг понял, что речь идет о нем.

– Да, те самые, что напали на хромую женщину... Не отец, а сын... Никаких избиений, что ты, Айша... Ничего такого мы не делаем.

Это звонила Айша из Аннавади. Абдул испугался. Она, наверное, просила, чтобы их мучили посильнее. Тогда мать скорее решится ей заплатить.

Вдруг в «неофициальную» камеру вошел Тхокал.

– Айша говорит, что этот парень никого не поджигал, и вообще никого не трогал в Аннавади. Так что не надо его больше бить, – обратился он к своим коллегам в погонах.

Обоих Хусейнов, отца и сына, оставили в покое, больше не пороли и даже сняли с них наручники.

Абдул пытался понять, почему это произошло. Мирчи дружит с сыном Айши. Может, Раул уговорил мать помочь Абдулу? А может, сама Айша

заметила, как самоотверженно и безропотно он целыми днями сортирует мусор на майдане, прямо у нее на виду? Не исключено, что она поняла: это простой трудяга, тихий и неприметный, и не нужно с ним обращаться жестоко.

У Карама были другие, более реалистические соображения на этот счет. Тот звонок, скорее всего, показуха. Предполагалось, что отец и сын услышат разговор и расскажут Зерунизе. Айша и Тхокал нередко работали вместе. Сейчас Тхокал продемонстрировал им свою власть и тем самым доказал, что сможет сделать так, чтобы Хусейнам не причинили вреда в участке. Именно это он обещал Зехурнизе в обмен на деньги. Айша, со своей стороны, пыталась показать им, что имеет все же влияние в полицейском участке Сахар. В этом случае и она могла претендовать на свою долю в вознаграждении.

Однако отец не стал объяснять всех этих хитростей своему измученному сыну. Пусть мальчик верит, что кто-то обратил внимание на то, как он трудится и содержит всю семью. Пусть считает, что его оправдали и защитили просто из добрых побуждений.

Через четыре дня после происшествия с Фатимой на закате в Аннавади пришел факир^[68] -мусульманин с опахалом из павлиньих перьев, раздающий благословения и изгоняющий злых духов. Такие факиры редко заходили в этот район, потому что здесь было немного последователей ислама, то есть клиентуры, которая готова была бы оплатить его «трансцендентные» услуги. Как только сестра Абдула Кекашан увидела старика, она вскочила и побежала ему навстречу. Мать упростила Тхокала не забирать девушку в участок или хотя бы отсрочить взятие под стражу: она с ужасом думала, что может случиться с молодой красивой женщиной, если она окажется в полиции. Но недавно Кекашан было приказано самой явиться в отделение. Поэтому ей было жизненно необходимо приносящее удачу напутствие старого факира.

Она вытащила из-за пазухи десять рупий и протянула ему, а затем благоговейно закрыла глаза, ощущая, как опахало коснулось ее макушки. Как хорошо, что он именно коснулся, а не ударил ее этой метлой из перьев, как иногда делали некоторые факиры, выполняя джхаад-пхунк^[69]. Она решила, что он так деликатен потому, что не видит в ней дьявольских сил. Ей не пришло в голову, что старик просто решил использовать более современную и приятную для заказчиков технику совершения ритуала. Кекашан все еще сидела неподвижно, как бы давая благословению глубже проникнуть в душу и тело, а факир тем временем направился к двери

Фатимы.

Но муж Одноногой уже вылетел на порог хижины, бешено вращая глазами:

– У тебя что, нет рук и ног? – кричал он. – Ты осмеливаешься просить милостыню у меня? Во имя Аллаха, найди себе работу и трудом заработай себе на жизнь!

Факир посмотрела на небо, потрепал золотые нити – *зари* – в кармане курты, и пошел прочь от дома.

Кекашан, наблюдавшую эту сцену, обезумела от ужаса:

– Господи! Как он решился прогнать факира и навлечь на себя его проклятие?

Своими грубыми словами он обрек себя на несчастья, а они, скорее всего, повлекут за собой и беды для Хусейнов.

– Что с ним такое? – поинтересовался факир.

– Его жена подожгла себя, – тихо объяснила Кекашан.

– И когда она умерла?

– Нет, нет! – закричала девушка. – Молитесь о том, чтобы она выжила, иначе нам всем конец.

Дочь Фатимы Нури обняла Кекашан. Она не отходила от девушки ни на шаг с того дня, как с одноногой произошла трагедия.

– Я сегодня играю в игру, будто я мальчик, – сказала Нури. – И разговариваю, как мальчик.

– Ты прямо как моя сестра Табу, – ответила рассеяннo Кекашан. – Она хочет носить только ту одежду, в которой ходят мальчики. А если ей не дают, начинает плакать.

– Принеси рис, и я его почищу перед варкой, – велела она Мирчи, вставая и стряхивая с себя оцепенение. – Чья очередь сегодня идти за водой?

Ее младший брат Лаллу уже достаточно подрос, чтобы ругаться, как мать:

– Подавай скорее ужин, а то я тебе глаза выцарапаю!

А одна из сестер закатила истерику из-за того, что ей дали мало печенья.

Факир завершил свои ритуалы и покинул Аннавади, а в доме у Хусейнов все еще не было мира и покоя, хотя обычно, когда ночь опускалась на трущобный район, жители успокаивались, забывали обиды, отирали слезы и все вместе садились за скудный ужин.

На следующее утро Фатима вернулась домой в гробу из светлого металла.

Ее убила попавшая в организм инфекция. Но лечащий врач подправил записи в карте так, чтобы больница не несла ответственности за эту смерть. **«Ожоги 35 процентов тела», зафиксированные при поступлении в Купер, он заменил на «ожоги 95 процентов тела».** При таком положении вещей у больной не было шансов выжить: летальный исход был предопределен. «Обожженные кожные покровы с желто-зелеными гнойными образованиями с неприятным запахом, – значилось в заключении патологоанатома. – Гиперемия мозга, легких, сердце бледное».

Карту Фатимы перевязали красной резинкой и отправили в архив морга. В этом помещении прямо на полу высились кипы папок и бумаг, а между ними спали злобные полудикие псы, нередко лакомящиеся мертвечиной. Окно архива было открыто, и через него доносилось пение птиц. Стая пестрых громко перекликавшихся на разные голоса голубей расселась на соседних пальмах.

После смерти Фатима будто бы усохла. Ее тело занимало половину гроба. Все жители Аннавади высыпали из своих лачуг, так же, как и во время ее самосожжения, но на этот раз зеваки не решились приблизиться. Над трущобами повисла тишина. Она стала еще пронзительней, когда Зеруниза и Кекашан с покрытыми головами вышли из хижины и направились к трупу, чтобы омыть его.

Этот ритуал очищения усопшей от ее земных грехов могли совершать только женщины-мусульманки. Зеруниза всегда считала: что бы ни случилось, последователи ислама должны быть вместе – в горе и в радости. Согласно традиции, нужно было сообщить душе, что тело Фатимы умерло и сейчас будет готовиться к погребению. Поэтому, окуная хлопковые пелены в сосуды с водой и камфорным маслом, Зеруниза и Кекашан непрестанно шептали слова молитв. Отгородившись подобием занавеса из белой кисеи, они принялись обтирать тело соседки. Сначала прошлись вдоль здоровой ноги, потом омыли короткую ногу, и вот так постепенно добрались до почерневшего и лоснящегося лица.

– Закройте ей рот, – подсказал кто-то. – А то в него залетают мухи.

И вот покойница уже чиста и безгрешна. Кекашан закрыла крышку гроба и положила на погребальные носилки покрывало – лучшее лоскутное одеяло Хусейнов в мелкую бело-синюю клетку. Фатима будет покоиться на мусульманское кладбище в километре от Аннавади, а Кекашан отправится в тюрьму. Теперь придется открыть дело, и основываться оно будет на втором заявлении одноногой: Хусейны избили ее и довели

до самоубийства. Из показаний потерпевшей следовало, что главным виновником насилия был Абдул. В полицейском участке Зерунизе уже объявили, что она должна заплатить еще пять тысяч рупий, чтобы ознакомиться с обвинениями.

Госпожа Хусейн вернулась из полиции в свою хижину и разрыдалась. Она все еще сжимала в руке тряпку, которой обтирала покойную соседку. Она плакала не о судьбе мужа, сына, дочери, и не о тотальной коррупции, где на каждом этапе надо давать взятки (а сейчас ей уж точно предстоит пройти все эти круги ада). И даже не о том, что в этом безумном мире одни обездоленные старались отомстить другим, чуть менее обездоленным, и с этой целью привлекали прогнившую до основания систему правосудия, которая губила как истцов, так и ответчиков. Нет, Зеруниза лила слезы не об этом, а о том, что могла в тот момент уместить в своем истерзанном сердце: ей было жалко красивого одеяла. Она отдала его как прощальный дар женщине, которая пожертвовала собственным телом, чтобы погубить своих соседей.

Доступ на мусульманские кладбища разрешен только мужчинам. Мирчи стоял рядом с мужем Фатимы, державшим один из концов погребальных носилок. Был самый час-пик, когда небольшая процессия, сопровождавшая благоухавший камфорой гроб, вышла за ворота Аннавади. На трассе, ведущей в аэропорт, царило оживление. На его фоне трущобные жители казались еще более маленькими и жалкими. Огромные билборды анонсировали запуск индийской версии журнала People^[70]. От «Хайата» отъезжали блестящие черные автомобили. В них сидели делегаты фармацевтической конференции, после заседания отправившиеся познакомиться с городом.

В отеле «Ли́ла» американцы, представители фирмы по возведению развлекательных парков, обсуждали, насколько перспективным может быть их выход на индийский рынок:

– Процент обеспеченных людей здесь невелик, но посмотрите на эти цифры в их абсолютном значении! Клиентов достаточно, чтобы проект окупился. Не надо мне рассказывать о Диснее, мы сделаем намного лучше. Мы устроим тематические аттракционы по мотивам «Человека-паука» и «Возвращения мумии». И сюжеты из Гарри Поттера тоже позволят нам увеличить сборы. Да-да, знаю, все говорят, что надо ехать в Диснейленд, посмотреть, что они делают для привлечения клиентуры. Но я не собираюсь давать конкурентам ни цента, поэтому не буду платить даже за входной билет. Мы обгоним их и не советуясь с ними...

Погребальная процессия миновала этот оживленный участок дороги,

затем прошла мимо школы Марол, проследовала по переулкам одного трущобного района, затем другого, и, наконец, добралась до стоявшей под папайей зеленой мечети, стены которой были покрыты влажными разводами. Рядом раскинулось небольшое кладбище, облюбованное сотнями голубей.

Фатиму похоронили рядом с ее утонувшей в тазу двухлетней дочерью. А через несколько дней двух других ее девочек отправили на попечение к сестре Полетт.

Муж Фатимы любил дочерей и очень горевал, что приходится помещать их в приют. Но он работал по четырнадцать часов в день, сортируя мусор. А если оставить девочек одних без присмотра в Аннавади, то местные алкоголики могут надругаться над ними, как уже не раз здесь случалось.

Глава 8

Наставник

Зарядили сильные ливни. Состоятельные жители Мумбаи, обитавшие в капитальных, расположенных на возвышениях домах, которым не грозил потоп, любили рассуждать о том, как романтичен сезон дождей. Прекрасное время для томного секса, похода по магазинам в период распродаж и горячих джалеби^[71], помогающих пережить тяжелые месяцы – июль и август.

В Аннавади сточный пруд вышел из берегов: вода подобралась совсем близко к людям, точно хищное животное. Водяной буйвол, страдающий расстройством желудка, рылся в горах промокшего и потому никому не нужного мусора в поисках еды. Сзади он извергал зловонные струи. Такому напору позавидовали бы местные водопроводные колонки. Люди, также страдающие от различных сезонных болезней, стряхивали с ног прилипшую грязь и сетовали: «Ах, у меня горит все внутри, в желудке и в груди!» или «Всю ночь судороги сводили колени!». Лягушки в озере хором заводили жалостливые песни, будто сочувствовали жителям Аннавади. Но в домах их кваканья не было слышно, потому что капли барабанили по железным крышам с такой силой, будто на них танцевали зебры.

Сунилу кто-то сказал однажды, что дожди вымывают из человеческих сердец зло. «Не факт», – думал мальчик. Очевидным было только то, что с крашенных зебр от влажности сошли нарисованные полосы. Несколько недель костлявые желтоватые клячи простояли без дела, пока Роберт, «староста в отставке», не взялся обновить «принт» с помощью краски для волос Garnier Nutrisse.

Количество утилизируемого мусора всегда сокращалось в это время года. Число авиарейсов резко упало, и туристов в городе почти не было. Все строительные проекты приостановились. Выступ над рекой Митхи, с которого собирал «урожай» Сунил, опустел: его вычистили дождь и ветер. Некоторое утешение маленький мусорщик нашел за одним из ограждений, тянувшихся вдоль ведущей к аэропорту трассе. Здесь в небольшом болотце, заросшем высокой травой, расцвело шесть лиловых лотосов. Сунил хранил свое открытие в секрете, опасаясь, что другие мальчишки сорвут цветы и попытаются продать их.

Он бродил по улицам неподалеку от своего тайного сокровища и выискивал рваные вьетнамки, пустые пластиковые бутылки и другой не портящийся от сырости мусор. Иногда он встречал Зерунизу Хусейн, закутанную в покрывало, что было для нее нехарактерно. Она то и дело оступалась, так как спешила и старалась побыстрее перепрыгнуть через необъятные грязные лужи, покрывшие все дороги.

Мусорщики шептались о том, что она продала комнату, расположенную на задах ее хижины. Это пришлось сделать, чтобы заплатить адвокату. Сунил надеялся, что ей как-то удастся вызволить своих родных, особенно Абдула. От Мирчи в семейном бизнесе не было никакого проку. Теперь именно он стоял у весов и принимал товар, но толком не знал, что почем. А когда Сунил и другие ребята пытались ему помочь, начинал издеваться над ними и над их испещренной фурункулами кожей.

Это больно задевало мусорщиков, вечно страдавших от нарывов. Да и правильная оценка товара была для них важна. Тем временем бизнес главного конкурента Хусейнов, тамила, владевшего залом с игровыми автоматами, расцвел.

Зеруниза видела, что у Мирчи не хватает опыта и поэтому дело идет плохо. Но она была слишком поглощена юридическими процедурами и не могла сама дежурить у весов и торговаться. Времени не хватало даже на то, чтобы кормить и купать младших детей. Эти обязанности пришлось также переложить на Мирчи. А мать целыми днями ходила по родственникам и знакомым, живущим в разных трущобных районах мегаполиса, захлебывающегося от ливней.

Везде нужно было умолять:

– Пожалуйста, выступите поручителями, чтобы моего больного мужа, дочь и сынапустили домой хотя бы на время!

В каждом доме нужно было выдержать унижительную процедуру: сначала ей долго соболезнавали, а потом придумывали повод для отказа. Только один визит был кратким. Ей пришлось практически плыть через район Саки-Нака. Проклятое покрывало ужасно мешало. Наконец она добралась до дома невесты Абдула. Но отец девушки посмотрел на Зерунизу как на сумасшедшую или пьяную. На этом аудиенция и кончилась.

Арестованных иногда отпускали под залог, но проблема была в том, что она не могла распоряжаться собственностью семьи, чтобы передать ее в залог. Оказалось, что все имущество записано на мужа и она не могла производить с ним никаких действий. Она не умела читать, поэтому все бумаги просматривал Мирчи. Он нашел их в серой пластиковой папке, где

хранились также стихи Икбала и потрепанная книжонка – порнографический триллер на урду в мягкой обложке. Здесь были документы на пять важных приобретений, отмечавших рост благосостояния семьи. Первой была куплена тачка, которая позволила отцу отвозить мусор на утилизацию. Так он стал скупщиком вторичного сырья. Затем у приезжего, покинувшего Мумбаи, приобрели хижину. Далее следовал находящийся возле дома сарай, в котором можно было складировать товар и пережидать периоды снижения цен, а также трехколесная колымага с большим грузовым кузовом – более вместительная, чем тачка. И, наконец, в папке нашлось свидетельство о том, что Карам сделал первый взнос за участок в Васаи. Имя госпожи Хусейн как совладелицы этих богатств нигде не фигурировало.

Тюрьма на Артур-роуд, где содержали Хусейнов, имела самую дурную славу среди всех мест заключения в городе. Зерунизе приходилось выстаивать по четыре часа в очередях, чтобы попасть на свидание. Взятки охранникам и офицерам нужно было раздавать еще задолго до того, как войдешь в ворота. А в камерах содержалось раза в четыре больше заключенных, чем эти помещения могли вместить согласно официальным нормативам.

– Мама, успокойся, у меня все в порядке, – лгала ей Кекашан, когда мать навещала ее.

Зато Карам не стеснялся жаловаться:

– Я в отчаянии, – причитал он. Его камера была настолько переполнена, что невозможно было лечь. Дышать нормально он не мог и даже не мог глотать пищу. Он обвинял жену в том, что она затеяла ту ссору с Фатимой; требовал, чтобы она вытащила его из тюрьмы. Как будто она не пыталась это сделать! Как будто не он предпринял идиотскую попытку запугать соседку, пригрозив, что побьет ее! Как будто не он оформил имущество на себя, не включив в документы Зерунизу!

Уходя со свидания, она ужасно злилась на мужа, но недолго. Тюрьма на Артур-роуд вызывала ужас у всякого разумного мумбайца, включая Зерунизу, которая почти уже потеряла рассудок. Кто мог подумать, что ее вечно недужный супруг ввяжется в ссору и станет узником страшного застенка? Ни муж, ни жена не были готовы к такому повороту судьбы.

Однажды утром во время страшного ливня она снова пришла к воротам тюрьмы. Лаллу скандалил, потому что покрывало матери мешало ему добраться до ее груди. Она переложила его на другую руку, потому что зазвонил телефон Карамы, которым сейчас пользовалась она. На том конце провода Зеруниза слышала голос офицера Тхокала, единственного ее

союзника во всем участке Сахар. Он был в ярости и кричал громче, чем Лаллу: «Как могло оказаться, что в Аннавади знают о том, что он принимал от нее деньги и обещал помочь подследственным?»

Что можно было на это ответить? В первые дни после ареста близких госпожа Хусейн ходила по району, как безумная, и рассказывала о своих делах направо и налево. Она своими ушами слышала, как стонет под пытками ее сын; своими глазами видела, как полиция уводит ее кроткую дочь. В тот момент в голове у нее вертелось одно слово – «каямат» – конец света.

Она не могла спать по ночам. Да и сейчас растерялась и забыла, где находится. Что это за тюрьма? Вслед за дождем город окутал противный белый туман. Лаллу орал: «Сейчас я натравлю на тебя эту собаку!» Мимо, сигналив, проезжали велосипедисты, доставлявшие еду служащим в офисы. Рядом притормозила «Скорая помощь»: у нее спустилось колесо.

Офицер в трубке продолжал кричать. Она, дрожа, пыталась ответить:

– И да и нет, сахиб. Я сейчас на улице. Я в больнице. Кто вам это сказал? Нет-нет, сахиб. Они вам солгали, чтобы вы разозлились. Они специально натравливают вас на меня. Я сейчас в больнице и очень плохо себя чувствую. Я так переживаю по поводу сына, по поводу дочери. Пожалуйста, послушайте... Нет, сэр, я у вас в долгу. Тот, кто это сказал, наверное, сошел с ума. Нет, я вообще ничего никому не говорила.

К вечеру облака растянуло, и закатное небо окрасилось в красный цвет. Зеруниза прибежала в участок и на коленях просила прощения у Тхокала. Кто знает, какие еще неприятности может причинить семье разгневанный полицейский?

До суда могут пройти еще годы, но деньги, полученные от продажи комнаты во внутреннем дворе, уже разлетелись. Того, что Мирчи зарабатывает на сортировке мусора, хватает только на еду, и больше почти ничего не остается. Что делать дальше? Продать склад-сарай? Муж в тюрьме, и все решения приходится принимать в одиночку. Однако, похоже, до нынешнего момента она совершала одну ошибку за другой. Может, и правда, она «полный ноль», хотя всю жизнь и пыталась уверить супруга в обратном?

Наверное, надо было заплатить Айше, чтобы та утихомирила Фатиму, в тот самый день, когда ее забрали в участок. Наверное, надо было дать взятку следователю по особо важным делам, под контролем которой были все свидетельские показания. Надо было молчать о том, что Тхокал за вознаграждение прекратил избиение ее близких и отсрочил арест дочери. Было лишь одно решение, в котором она была уверена – решение

о дальнейшей судьбе Абдула.

Абдул должен был понести наказание, как взрослый: он выглядел взрослым, и у его матери не было никаких документов, подтверждавших то, что он несовершеннолетний. Поэтому мальчика содержали в той же тюрьме на Артур-роуд, что и его отца.

Зеруниза сама толком не могла определить возраст сына. До самосожжения Фатимы, если ее спрашивали о возрасте старшего мальчика, она всем говорила, что ему семнадцать. Но с тем же успехом могла ответить «двадцать семь». Когда ежедневно борешься за выживание ребенка, перестаешь считать года. А у нее было много детей, и каждого нужно было накормить и одеть. Такова судьба всех матерей в Аннавади: тысячи забот и волнений, пока малыш не подрастет.

Айша, например, сама придумала своим детям дни рождения: устраивала им небольшие праздники и пекла пирог. Так, **в январе Манджу второй раз отметила восемнадцатилетие – эту маленькую хитрость придумала ее мать, чтобы подольше поддерживать ценность дочери на рынке невест.**

Абдул никогда не требовал праздников и тортов. Он только хотел, чтобы ему назвали дату. На что госпожа Хусейн отвечала:

– Незадолго до твоего рождения Саддам Хусейн в какой-то стране убил много народу. Может, это было за год или за два до того, как ты появился на свет. Точно я не помню. А ты очень сильно пинался, когда был у меня в животе – хуже, чем все твои братья и сестры. От этого я часто кричала. Вот люди и начали говорить, что у меня внутри сидит новый Саддам Хусейн. Но родился ты очень маленьким, как крысенок, и на грозного Саддама совсем не был похож. Мы постарались выбрать для тебя мирное и спокойное имя, чтобы предсказанное соседями уж точно не сбылось. «Абдул Хаким» – это человек, который лечит других, умеет исцелять. Ты подрос, и я с радостью увидела, что ничто в твоём характере не напоминает Саддама.

Если бы Абдул был больше похож на знаменитого тирана, может, ее не так бы страшила мысль о том, что он окажется в заключении вместе с наемными убийцами, педофилами и мафиози. Но Зеруниза боялась, что ее сын сейчас дороже всех расплатится за затеянную ею ссору с соседкой: его замучают, а возможно, его и изнасилуют в тюрьме на Артур-роуд. Единственным способом, каким, по ее мнению, можно предотвратить несчастье, было заплатить кому-то, кто изготовит ему подложное свидетельство о рождении. Тогда он будет проходить по делу как

несовершеннолетний.

Она пересекла майдан и направилась к хозяину борделя. Каких только обвинений против него за многие годы не выдвигалось: и торговля наркотиками, и сутенерство, и грабеж, да бог весть что еще. Но в тюрьме он побывал лишь дважды. Госпожа Хусейн решила, что он-то знает, кому дать взятку, чтобы получить нужный документ.

Сосед признал, что действительно считает себя экспертом в вопросах ухода от суда, и был даже готов помочь – естественно, за вознаграждение. Но о том, как сделать справку, удостоверяющую возраст, он не имел понятия.

Кто же еще может знать что-то о поддельных документах? Конечно: полицейские из участка Сахар! Только сейчас Зеруниза вспомнила, что один констебль несколько дней назад делал ей прозрачные намеки, которых она не замечала.

И вот, получив от него рекомендации, она передала деньги по цепочке: взятка прошла через муниципальную школу Марол и в результате осела в кармане предприимчивого констебля. А Зеруниза вернулась домой с нужной ей справкой. В ней говорилось, что Абдул Хаким Хусейн, шестнадцати лет, недавно окончил эту школу. Система правосудия теперь будет рассматривать как ребенка ее старшего сына, на деле никогда не знавшего детства.

Мумбайская колония для малолетних преступников располагалась в Донгри, пригороде в двадцати километрах южнее Аннавади. Первую часть пути в это предместье Абдул проделал в полицейском микроавтобусе, в который набилось человек двадцать ребят. Но после остановки у здания суда в городке Бандра Абдула пересадили в такси и отправили в пункт назначения в сопровождении лишь одной женщины в штатском, вид у которой был какой-то утомленный и скучающий. Они сели на заднее сиденье, и он из-за ее плеча мог рассматривать окрестности. За окном мелькали оживленные улицы пригорода, населенного в основном мусульманами, принадлежащими к среднему классу. Здесь царило вечернее оживление.

По обе стороны от темно-зеленой мечети тянулись магазинчики, которые, несмотря на дожди, вели активную торговлю. Халяльное мясо. Мебель на любой вкус. Назир-аптекарь. Больница «Хабиб». Посудная лавка с развешанными на крюках ковшками и кастрюлями. Ресторан с ярко-желтой дверью. Вдоль улицы были натканы также потрепанные флажки-объявления с рекламой курсов по подготовке к экзаменам или агитацией в пользу политиков-мусульман. До того, как улочка осталась позади,

Абдул успел заметить в конце ее столик, за которым сидел продавец детских вертушек.

Один из районов был обнесен толстыми каменными стенами, покрытыми мхом. Проем виднелся только в одном месте и представлял собой железные ворота, точнее, всего одну створку. Эта дверь была до странности маленькой, похожей на калитку. «Детский размер», – предположил Абдул, проходя через нее.

Вместо того, чтобы нырнуть в этот проем, он мог бы убежать, так как мысли его спутницы явно блуждали где-то далеко и она еле придерживала его за руку. Но он не сделал этого, а вошел внутрь и побрел по длинному полутемному проходу, в одной из стен которого находилась деревянная ниша с изображением индуистского божества. Коридор привел его в удивительно симпатичный дворик с пальмой посередине. Юные нарушители закона размещались в красивых корпусах в колониальном стиле. Их построили из песчаника англичане еще в девятнадцатом веке. Рядом примостились более новые сооружения – одноэтажные домики и хижины. В дни британского владычества здесь вешали преступников – как индийцев, так и англичан. Мальчишки в первый же день рассказали Абдулу разные страшные истории: мол, окровавленные тела преступников раньше скидывали в подвалы, и теперь привидения казненных каждую ночь бродят по колонии. Абдул, как и большинство детей, выросших в Аннавади, боялся призраков, но эти байки его не напугали. В последнее время его так истязали живые, что страх перед мертвыми притушился.

У него отобрали всю одежду и выдали форму, которая была ему велика, а затем препроводили в одну из хижин, где заперли в небольшой комнате со многими другими новоприбывшими. Все окна были наглухо закрыты, и в помещении было невыносимо душно и смрадно от большого количества теснившихся здесь тел. Через час из-за отсутствия свежего воздуха Абдул впал в странное оцепенение. В голове крутилась мысль: «Если меня вскоре не выпустят отсюда, я зарежу маленького ребенка и съем его». Позже он все поражался, как такое могло прийти ему на ум? Наконец двери распахнулись, и надзиратели раздали всем лепешки-роти. Но Абдула тошнило, и есть он не мог.

После этого его препроводили к служащему, регистрировавшему новых заключенных. Тут, к счастью, окна были открыты. Надзиратель, лысый, с грудью колесом, выглядел мрачноватым, но не жестоким. Недавно одна из центральных газет, The Times of India, опубликовала исследование об издевательствах в детских исправительных заведениях под заголовком «Колония Дорни – воплощение ада». После чего **правозащитники**

забросали власти запросами: правда ли, что дети здесь не имеют нижнего белья и их заставляют пить из туалетов? В итоге условия содержания малолетних заключенных резко изменились в лучшую сторону.

Абдул сидел на полу в дальнем углу комнаты вместе с другими мальчишками, ожидая, когда надзиратель вызовет его по имени и занесет информацию о нем в коричневую бумажную папку. На противоположной стене висели портреты выдающихся индийцев. Из десяти Абдул узнал только троих. Конечно, среди них фигурировал Ганди, хотя глаза у него были по сравнению с изображением на банкноте достоинством в одну рупию какие-то безумные. Абдул помнил, что Ганди сочувствовал беднякам, одинаково тепло относился к мусульманам и индуистам, имел дружеские связи с англичанами, но при этом добился освобождения Индии. Также мальчик узнал Джавахарлала Неру, одного из отцов-основателей независимого индийского государства. Он казался практически белым человеком, будто всегда пользовался тем самым кремом Fair and Lovely. Таких светлокожих индийцев Абдул никогда в своей жизни не встречал. Третьим опознанным лицом был Бхимрао Амбедкар, в красном галстуке и очках в черной оправе. Он боролся за права каст неприкасаемых^[72] и за человеческое обращение с их представителями. Маленькие запыленные копии этого портрета висели на дверях многих хижин, где жили далиты^[73].

Кто были остальные деятели, Абдулу было неизвестно. Он не знал их имен, как и имен многочисленных индуистских богов и богинь, чьи статуэтки в большом количестве стояли на столе у надзирателя. Наверное, Мирчи мог бы легко назвать всех знаменитых индийцев. Такого рода вещами была забита голова у тех, кому посчастливилось посещать школу.

После регистрации Абдула отправили в барак, где находилось сто двадцать два мальчика. Он лег рядом с остальными на холодный, выложенный плиткой пол. Через открытое окно явственно доносился лязг металлических ставен. Это торговцы из магазинчиков по ту сторону каменной стены запирали свои лавки на ночь. Наверное, он провалился в сон, потому что следующее, что он услышал, был призыв на молитву, который раздавался из громкоговорителя на минарете соседней мечети. *Аллах-у Акбар*. Господь велик.

Карам Хусейн считал, что неприлично молиться Аллаху, будучи грязным и не совершив омовения. Поэтому Абдул редко совершал намаз.

– Даже когда я молюсь, я думаю о работе, – признался он недавно

Кекашан.

Однако его всегда успокаивал голос муэдзина, когда тот созывал верующих или объявлял о потерянных детях, которые находятся в мечети, облаченные в зеленые рубашки, и ждут, пока их отыщут родители. Хотелось верить, что все дети в безопасности, если они находятся под присмотром людей с такими голосами.

Что до личной веры в бога, то за неимением глубокого внутреннего убеждения в бытии Всевышнего, Абдул со временем сочинил некое экономическое доказательство его существования. Он объяснял это так:

– Я тугодум, и до меня долго доходят некоторые вещи. Но многие умные люди верят в Аллаха – имамы, муэдзины, богатые мусульмане, занимающиеся благотворительностью. Неужели все они трудились бы и тратили деньги ради несуществующего бога? Такие уважаемые господа вряд ли пускали бы рупии на ветер.

Таким образом, получалось, что Аллах существует. И, наверное, есть и понятная лишь ему причина, почему Абдул должен сидеть в тюрьме за преступление, которого не совершал.

Вошел надзиратель с оспинами на лице. Он будил ребят, раздавал им тряпки и тазы и указывал на ряд тянувшихся вдоль стены кранов. Воды здесь было хоть отбавляй; намного больше, чем в Аннавади. Абдулу было приятно смыть с себя пот, который неоднократно прошибал его за время пребывания в полицейском участке. Но на следующий день, когда всем приказали принять душ, он заупрямился.

В Аннавади не было смысла мыться каждый день. Ведь как только высохнешь, нужно опять браться за грязную работу. Иногда от него так несло, что матери приходилось трясти полотенцем перед его носом и прикрикивать: «Дурачина, пойді сполоснись. Приятно иногда освежиться!» Ну, кому-то, может, и приятно. Абдул считал принятие ванны не просто бессмысленным ритуалом, но еще и опасным самообманом. Чистое тело предполагало, что ты ждешь чего-то большого и чистого от нового дня. Он же предпочитал всегда помнить: сегодня будет таким же унылым, как вчера. Тогда и разочарований не будет.

Абдул заявил надзирателю, что не будет принимать душ. На что тот лаконично ответил: «Не пойдешь купаться, не будешь завтракать». Таковы правила в Донгри. Абдул решил, что лучше остаться голодным. Потом он пожалел об этом скоропалительном решении. С другой стороны, с тех пор, как случилась трагедия с Фатимой, все его бытовые стереотипы разрушились. Ему оставалось лишь ухватиться за привычку оставаться грязным – это единственное, что не изменилось в его жизни.

На третье утро надзиратель сказал, что дальнейший отказ от купания чреват не только лишением завтрака. Абдула еще и поместят в тот самый душный карцер, где у него возникло желание съесть маленьких детей. После такого предупреждения парень решил не артачиться, а принять предложенный график принятия посещения душа. На четвертые сутки пребывания в колонии его ноги, уши, шея были чисты, как никогда в жизни. Но полученные в награду за героические гигиенические усилия завтраки не оправдали ожиданий. В рисе попадались камешки, а хлеб был настолько противным на вкус, что если бы такой подали ему мать, он бы сунул его в карман и потом бросил свиньям.

Большинство мальчишек в бараке были мусульманами. Представители этого вероисповедания в целом доминировали в исправительных учреждениях по всей Индии. Сокамерники Абдула завтракали и обедали, сидя на полу, и посмеивались над ужасной едой, которую здесь давали. Они называли колонию «вторым домом», имея в виду, что она практически не отличалась от их повседневного существования на воле. Такое «наказание» было практически бессмысленным.

По утрам барак отпирали и выпускали детей во двор. Им давали задания: бегать по кругу, петь национальный гимн. Пели они с большим энтузиазмом и очень громко, надрывая легкие. После чего ребят загоняли обратно в барак, где они проводили долгие часы в полном безделье. Правда, в офисе начальника тюрьмы висел подробно расписанный распорядок дня с разнообразной досуговой программой. Абдула вовсе не огорчило такое несоответствие предполагаемого и реального времяпрепровождения. В любом случае в Донгри он был в гораздо большей безопасности, чем в тюрьме на Артур-роуд.

Обитатели колонии подолгу сидели на полу своего барака и рассказывали друг другу разные истории, а также давали советы, как реагировать на предъявляемые обвинения. Одна мысль повторялась снова и снова: «Признай все, в чем тебя обвиняют, и тебя вскоре отпустят». Так говорили адвокаты, которые время от времени навещали своих подопечных: «Соглашайтесь с любыми формулировками! Дело закроют, и вы снова окажетесь дома».

Абдулу так хотелось домой, что он всерьез подумывал о том, чтобы признать, что избил Фатиму перед ее самоубийством. Он до сих пор не мог привыкнуть к мысли, что она мертва. Наверное, это оттого, что он ранее не считал ее в полной мере живой. Как и многие соседи, он в душе был уверен, что физическая и психическая неполноценность предполагает другой уровень существования – как бы более низкий и примитивный. Но,

как выяснилось в участке, быть инвалидом и быть трупом – совершенно разные вещи.

Однажды вечером один шестнадцатилетний парнишка открыл своим товарищам, что зарезал собственного отца. Он сказал, что для него это было делом чести: он отомстил отцу за то, что тот задушил мать. Впрочем, теперь полиция приписывала мальчику убийство обоих родителей.

Абдулу это показалось какой-то фантастической историей, сюжетом для триллера. Но его сокамерников мало интересовало, виновен или невиновен в двойном убийстве рассказчик. Они оживились, лишь когда узнали, что он из состоятельной семьи: на банковском счету у родителей было двадцать пять тысяч лахов^[74], эквивалент пятидесяти шести тысяч долларов.

– Да ты теперь богач! – обратился к отцеубийце один из слушателей.

Сколько тот ни объяснял, что если получит срок, то не сможет получить наследство, ребята продолжали увлеченно обсуждать, какие машины и одежду можно купить на эти деньги.

Многие заключенные были помещены в колонию только за то, что они работали. Закон о запрете детского труда существовал давно. Его приняли, еще когда Абдул был маленьким. Но, оказывается, сейчас решили ужесточить правоприменительную практику, и для этого иногда наказывали нарушителей.

Двух мальчишек лет семи поймали, когда они подметали полы в дешевой гостинице. Они напоминали Абдулу младших братьев: у него невольно наворачивались на глаза слезы, когда он смотрел на них или сидел с ними рядом. Он никак не мог понять, зачем власти разлучили их с родителями. Разве сама по себе крайняя бедность, из-за которой таким малышам пришлось работать, не является достаточным наказанием?

Первые дни в Донгри Абдул держался особняком и мало говорил. Он знал, что не отличается красноречием. Но тот факт, что полиция отправляет в тюрьму семилетних детей за ничтожные провинности, вывел его из себя:

– Зачем их здесь держат? – раздраженно бросил он. – Посмотрите на их лица! В них столько жизни, столько желания жить. Кажется, что они могут сокрушить стены тюрьмы. Власти должны дать им свободу и разрешить работать!

Только в тюрьме он вдруг понял, что каторжный труд в такой дыре, как Аннавади, можно назвать свободой. Абдул с удовольствием увидел, что мальчишки из других городских трущоб с ним согласились.

Однажды утром он вместе с другими ребятами из колонии пел гимн на плацу и тут увидел, как молодая женщина-тамилка оставила своего двухлетнего сына у дверей начальника тюрьмы. У нее не было денег, чтобы прокормить ребенка. На лице бедной матери было написано такое глубокое горе, что у Абдула сжалось сердце. Подобная чувствительность не была ему свойственна. В Аннавади он был свидетелем и более страшных сцен, но они не трогали его. Уж слишком он был погружен в свою работу и свои заботы.

Как-то раз, когда он был еще маленьким, родительская хижина дала трещину и развалилась. Травмы получили все члены семьи, кроме Абдула. Мать тогда пошутила, что его спасли эгоизм и жадность. Дело в том, что она приготовила на ужин листья очитка. Отец отхватил кусочек от порции сына, и тот заволновался, сгреб остатки своей еды и выбежал на улицу непосредственно перед тем, как стены лачуги попадали на головы ее жителей.

Но в колонии не за что было бороться. Здесь нет собственности, и ее не нужно оберегать. Абдул ничего не продавал, не покупал, не сортировал. Позже он понял, что впервые за всю жизнь по-настоящему отдыхал от работы. И именно в этот момент его сердце вдруг оттаяло, открылось навстречу миру и стало более чутким.

В один из дней его и еще нескольких заключенных повезли на медосмотр в небольшую больницу рядом с местным полицейским участком. Врачи должны были установить возраст тех подростков, которые выглядели старше заявленных в документах лет. Медицинское освидетельствование должно было снять все подозрения. Те, кому, согласно заключению врача, больше восемнадцати лет, отправятся во взрослую тюрьму.

Медбрат взвесил Абдула: 54 килограмма. Затем измерили рост: 155 сантиметров. Ему велели раздеться и уложили на кушетку. Растительность на лобке была признана «нормальной», растительность на лице – подростковой, а старый выпуклый шрам над правой бровью зафиксирован в карточке как особая примета. Через некоторое время в приемный покой вошел доктор, которому предстояло написать заключение. Он объявил Абдулу, что за две тысячи рупий его признают семнадцатилетним, в противном случае напишут, что ему двадцать лет.

Абдул сел на кушетке. Его душил гнев. Откуда у него две тысячи? И как это возможно, чтобы состоятельный доктор вымогал деньги у нищего мальчишки из колонии? Врач горестно воздел руки к небу:

– **Согласен, это гадко, требовать деньги у бедных заключенных.**

Но правительство платит нам так мало, что мы не в состоянии содержать собственных детей. Нас вынуждают брать взятки и становиться негодями – *камина*. – Он печально улыбнулся Абдулу. – В наши дни люди на все готовы ради денег.

Абдул ни с того ни с сего почувствовал жалость к этому искреннему человеку, особенно учитывая то, что он ни на чем не настаивал и без всякой платы записал в карточку: «Семнадцать лет».

Через несколько дней Абдул заметил в себе еще более неожиданные движения души. Он посочувствовал мумбайскому полицейскому!

Некий толстяк, который привез в колонию новых ребят, рассказывал охраннику о проблемах с сердцем:

– Всем кажется, что здорово быть полицейским. Но это вовсе не так хорошо. Эта работа убивает, – сетовал он, вытирая пот со лба. А потом упомянул своего коллегу, борющегося с болезнью легких, и еще двух других, у которых от постоянного стресса случилось расстройство желудка. И ни у кого из них не хватает денег, чтобы пойти к нормальному врачу. До этого момента Абдул не считал полицейских людьми. Он и представить себе не мог, что у них, оказывается, тоже есть сердце и легкие, они болеют и беспокоятся о своем здоровье и о деньгах, необходимых для лечения. **Мир вдруг наполнился людьми, которые страдали не меньше, чем он сам. От этого он чувствовал себя менее одиноким.**

Как-то после обеда надзиратель сообщил мальчишкам в бараке, что у них сегодня будет занятие. Видимо, это было результатом бесконечных посещений колонии борцами за права детей, которые все что-то записывали в блокноты. Шестьдесят ребят, прибывших в Донгри за последние несколько недель, привели в помещении с бетонными стенами и полом. На стене висела доска, а также плакат, предупреждающий о вреде курения. Им велели ждать учителя: старшие почему-то благоговейно именовали его Наставником.

И вот Наставник появился на пороге комнаты. Взглянув на него, Абдул испытал разочарование. В его внешности не было ни капли солидности и тем более величия, которое бы оправдало гордое именование. Это был невысокий кругленький мужчина, из индуистов, с торчащими в разные стороны вихрами и чуть слезящимися глазами с красноватыми белками, как у Зерунизы. Ничего впечатляющего...

Но тут Наставник заговорил. Сначала он поведал слушателям о мальчике, который не слушался родителей и оказался в тюрьме на Артурроуд. Когда он перечислял все ужасы, которые приключились с героем

в заточении, крупные слезы потекли по его щекам. Рассказ был настолько трагичным, что он начал громко всхлипывать и с трудом мог передать все детали. Потом он стал рассказывать о других мальчиках, нарушавших закон, причинявших боль и страдания другим людям. Это были истории обычных ребят, таких же, как те, что собрались в этой комнате.

– Честно вам скажу: если бы вы были моими детьми, я бы вышвырнул вас из дому давным-давно, – с чувством сказал Наставник. Затем он стал оплакивать их судьбу и страшное будущее, которое, казалось, видел, абсолютно ясно.

Возможно, некоторые из присутствующих изменятся и проживут прекрасную жизнь. Но лишь немногие. Во всяком случае, так считал учитель. Эти люди будут вознаграждены. Остальных же, тех, кто не сойдет с преступного пути, ждет ужасный конец. Родные отвернутся от них. Никто не будет навещать их в тюрьме, а когда они, пожилые и сломленные, выйдут на волю, то умрут на улице от горя и одиночества.

Наставник продолжал свою эмоциональную речь. Он сожалел о том, что родители бьют своих чад, вместо того, чтобы учить их уму-разуму и говорить с ними по-человечески. Ни с того ни с сего он принялся сокрушаться о собственной судьбе: о тяжелом разводе, произошедшем из-за того, что его жена неуважительно относилась к его матери. Улаживая дела после развода, ему пришлось продать свою большую и хорошую машину. Потом, правда, он оживился, рассказывая о своей симпатичной новой подружке.

Всякий раз, как он начинал плакать (не важно о чем: о проданной машине, или о судьбе заключенных из колонии), все слушатели тоже не могли сдержать слез. Абдул ни разу в жизни так не рыдал. Но это не было похоже на те слезы, которые он проливал, когда его поролли в участке. Это были слезы восторга. Он никогда не видел такого прямодушного и искреннего человека, как Наставник.

Абдул боялся честно назвать то чувство, которое испытывал к учителю. Его могли неверно понять. Но, так или иначе, чувство было очень сильным.

Наставник благосклонно позволил Абдулу стать учеником, пусть и не идеальным. Мальчик не до конца понял притчу о царе Шиби^[75], который сам предложил свое тело в качестве пропитания голодному ястребу. Однако эта притча в некотором роде походила на ту, что рассказывал ему отец, когда Абдул плохо себя вел: это была история о другом царе, его злых сыновьях и обезьяне. После отцовской притчи Абдул всегда чувствовал себя виноватым, в то время как слова Наставника

вдохновляли и открывали перед ним путь праведности. Воспитай в себе щедрость и благородство. Отдай свою плоть мирским стервятникам, и со временем тебе воздастся. Идти по жизни под таким флагом нелегко. Однако Абдула привлекал маячивший на горизонте счастливый конец.

Он пришел к выводу, что не лишен некоторых достоинств. Он никогда не нюхал канцелярскую замазку, не пил самогон, не посещал борделя. Противостоять этим искушениям ему помогала природная осторожность и постоянное беспокойство, как бы не потерять способность к работе. Абдул никогда не подстрекал других ребят к кражам, даже понимая, что из-за этого проигрывает в конкурентной борьбе с тамилем, хозяином игрового зала, одалживавшим молодым людям инструменты для перерезания колючей проволоки. Абдул никогда не лез в драку, редко лгал, почти не перечил отцу. Но все равно он мог бы жить более достойно. И, к счастью, еще не все потеряно. Дорога самосовершенствования открыта.

Он никогда не будет больше покупать подозрительные вещи, которые могут оказаться ворованными. Даже если краденое – всего лишь мусор. Он не будет признаваться в том, чего не делал: не возьмет на себя обвинение в избиении Фатимы, даже если таким образом ему будет легче выбраться из Донгри. Он поступит именно так, даже если семье будет трудно обойтись без него – единственного добытчика.

Его близким всегда было важно, чтобы он был «в строю» и не прекращал трудиться на благо семейства. Абдул был послушной рабочей лошадкой, а его собственные чувства, мысли, моральные принципы не принимались во внимание. Он не был даже уверен, что у него вообще есть хоть какие-то нравственные ориентиры. Но когда Наставник заговорил про *тауфиз* и *иззат* (честь и достоинство), Абдулу показалось, что взгляд учителя устремлен поверх голов всех остальных слушателей прямо на него. Еще не поздно. Вам всего семнадцать. Да и в любом другом возрасте можно научиться противостоять развращающему действию общества и слабостям собственного характера. Неловкий, застенчивый, необразованный мальчишка вполне может быть способным на высокие чувства, откликнуться на высокое призвание, встать на путь добродетели.

Абдул решил, что твердо усвоит эту истину, равно как и все другие, к которым приобщил его Наставник.

Часть третья

Немного безумия

Продавая товар, не говори о смерти.

Манджу Вагхекар

Глава 9

Чудеса перевоплощения

В июле Айша вместе со всем семейством прибыла в родную деревню на севере штата Махараштра в районе Видарбха. После тринадцатичасового путешествия на поезде она вышла на платформу, где столпились родственники. Все они с интересом разглядывали лица городских гостей и приходили к выводу, что жизнь в мумбайских трущобах пошла им на пользу.

– Вы все стали еще красивее, чем были в детстве, – заметил двоюродный брат Манджу, Раула и Ганеша. – Такие все гладкие – *чикна*. А раньше кожа у вас была темнее, и вы были более стеснительными.

Чтобы подробнее рассмотреть Айшу, пожилым родственницам приходилось выворачивать шеи – спины у них были сгорбленные после десятилетий тяжелых сельскохозяйственных работ. Прабабушка Айши фактически ходила на четвереньках. Правнучка вытянулась по стойке «смирно» перед древней старушкой. Она чувствовала себя сказочной великаншей, вернувшейся в родные края.

В Аннавади она плакала навзрыд, когда по вещавшему на маратхи телеканалу показывали сериалы о деревенской жизни. Безвкусные фильмы, рассказывавшие о бесконечных наводнениях и засухах, пробуждали в ее сердце воспоминания юности, когда ей приходилось в поте лица вспахивать неподатливую почву Видарбхи. Своим детям она рассказывала обо всем этом нечасто, а когда все же рассказывала, картина выходила трагически-идиотская: несчастная затравленная девочка-подросток впрягается в плуг вместо издохшего вола. Родственницы вспоминали о юной Айше с уважением. Она, и правда, всегда была неутомимой труженицей и могла работать, как вол, даже если несколько дней ничего не ела.

Тогда она была очень худой – кожа да кости. «Конечно, ведь она постоянно голодала, когда мы работали на апельсиновых плантациях, – шептала одна из тетюшек остальным. – А теперь и не скажешь, что Айша из крестьян. Такая дородная и говорит с достоинством, будто никогда не месила с нами грязь.

Айша радовалась, что о ней восхищенно судачат. И вообще она была довольна, что на время сбежала от проблем Аннавади. Она приехала, чтобы подыскать жениха красавице-дочери, а заодно и похвастаться перед

односельчанами, принадлежащими к земледельческой касте кунби, собственным относительным благополучием. Ее муж, Махадео, должен будет прикидываться трезвенником, она будет изображать примерную жену, Манджу вообще ничего не надо из себя строить: она и так хороша. Наверняка брачные предложения повалят валом, несмотря на то, что с формальным поводом их визита они не связаны.

Поводом послужила скромная свадьба родственников – без музыки, танцев и джалеби. Жених, один из племянников Махадео, все еще был в трауре по старшему брату, умершему от СПИДа, а незадолго до смерти еще и заразившему свою жену. Болезнь часто поражала жителей Видрабхи, хотя этот факт всячески скрывался. **Если станет широко известно, что СПИД свел в могилу кого-то из родных Манджу, это может понизить ее цену на рынке невест.** Однако деревенских жителей мало беспокоила причина недавней смерти молодого человека, равно как и то, что его вдову почему-то спрятали подальше на время праздника. И даже рассказы Айши их не волновали. Все напряженно поглядывали на небо.

То, что в Аннавади называли перерывом во время сезона дождей, в сельской местности звалось засухой. В июне ливней было мало, и миллионы хлопковых семян, высаженных весной, погибли. А ведь они были куплены за большие деньги. Это были генетически модифицированные, гибридные сорта. Считалось, что они специально приспособлены для нестабильного климата Видарбхи. Теперь понадобится материал для новых посадок, и значит, придется брать новые ссуды.

У кунби есть пословица, что в июле боги обычно спят. Родственники Айши надеялись, что в этом году они изменят своим принципам и будут бодрствовать, чтобы помочь людям. Даже ночью крестьяне не могли спокойно отдохнуть, а беспокоились о будущем.

За те двадцать лет, которые прошли с тех пор, как Айша и ее муж уехали в город, в их родных деревнях, находившихся в тридцати с лишним километрах друг от друга, многое изменилось к лучшему. Некоторые дома стали больше и капитальней благодаря тем деньгам, которые регулярно присылали уехавшие в Мумбаи. Государственные инвестиции тоже преобразили пейзаж: среди высохших полей появились новые школы, колледжи, красивые здания государственных учреждений с клумбами и зелеными лужайками, такими же ухоженными, как те, что разбиты неподалеку от отеля «Хайат» неподалеку от мумбайского аэропорта. Власти проложили также новый водопровод, но он не смог компенсировать уменьшения количества осадков, выпадавших в последнее время в Видарбхе. Аномальная засуха, а также незаконное и неконтролируемое

расходование жителями воды из оросительных систем привели к катастрофе: ручьи пересохли, реки обмелели, течения изменили направление, рыба погибла, а посевы не взошли. Бедственным положением немедленно воспользовались ростовщики, фактически взявшие власть в деревнях в свои руки.

Многие отчаявшиеся крестьяне, попавшие в долговую кабалу, кончали жизнь самоубийством. Увы, в здешних местах это считалось традиционным способом решения проблем. Подобный сюжет уже давно стал привычным для фильмов о быте и нравах маратхов. Но старый мелодраматический стереотип продолжал существовать и в двадцать первом веке. По официальным данным, среди земледельцев Видарбхи регистрировалось около тысячи случаев суицида в год. При этом правозащитники предъявляли гораздо более страшную статистику. Однако, какими бы ни были цифры, самоубийства на севере Махараштры были уже не просто бытовыми драмами, а превратились в известный на весь мир символ безнадежного положения и крайней нищеты индийских сельских жителей.

Пылившиеся в архивах у местной администрации документы указывали, что старинное самосожжение было вытеснено более современными методами сведения счетов с жизнью. В папках хранили подмокшие и заплесневелые письма, в которых родные объясняли, что подтолкнуло близких им людей к страшному шагу:

«Последние два года были неурожайными. Он не мог вернуть кредит. Потом в доме случился пожар. Сгорели все семена: подсолнечные, пшеничные. У него не было денег на свадьбу второго сына, а соседи все спрашивали, когда же сын женится...»

«У него была очень большая семья. Как-то, просматривая банковские документы, он понял, что долги колоссальны и он никогда не сможет оплатить их. От отчаяния он выпил инсектицид».

«Он был человеком непредприимчивым, с замедленной реакцией. Всю жизнь работал в полях. Ему пришлось взять ссуду на свадьбу дочери. После чего он понял, что оказался в финансовой ловушке».

«Он сказал: «Папа, если ты не купишь мне мобильный телефон, я отравлюсь». А потом пошел и выпил яд».

Премьер-министр Манмохан Сингх покинул Дели и отправился

с визитом в Махараштру, чтобы продемонстрировать свою озабоченность сложившейся в сельских районах ситуацией и готовность властей помочь в ее разрешении. Семьи совершивших самоубийство должников получают правительственную субсидию. Будут введены поощрительные программы для тех, кто обращается за ссудами в банк, а не к теневым ростовщикам. Эти программы предполагают рассрочку выплат по кредитам и их реструктуризацию, а также снижение процентных ставок.

Государство решило поддержать оставшихся из-за засухи не у дел деревенских жителей, гарантировав им сто дней в год оплаченных общественных работ. Такие меры предпринимались, кроме прочего, еще и затем, чтобы остановить бегство крестьян в мегаполисы, например, в Мумбаи. Но при этом родственники Айши абсолютно ничего не знали про широко разрекламированные шаги правительства по поддержке сельского населения.

Информация о распределении государственных субсидий всегда считалось инсайдерской, и ею успешно приторговывали власть имущие. Так, в одной части Индии за взятки продавались телекоммуникационные лицензии, позволяющие получить миллионы долларов дохода; в другой частные лица успешно «прокручивали» средства фонда, предназначенного для строительства спортивных сооружений международного уровня для Игр Содружества^[76]. Членам парламентской оппозиции раздавались огромные взятки, чтобы они не мешали подписанию важного для политиков Ядерного соглашения между Индией и США^[77]. А состояние сотни индийских олигархов равнялось примерно четверти национального ВВП.

В лесистой части Видарбхи, восточнее тех мест, откуда были родом Айша и ее муж, жители давно потеряли веру в то, что правительство поможет им наладить нормальное существование. Государственные модернизационные проекты и экспансия крупных корпораций вытеснили традиционные ремесла, которыми исторически занималось местное население. Многие из чувства протеста решили поддержать революционное маоистское движение с более чем сорокалетней историей, набравшее сейчас новую силу. Партизаны боролись с капиталистами и коррумпированными чиновниками привычными им террористическими методами: в ход шли автоматы и гранатометы, самодельные бомбы из динамита и гвоздей, противопехотные мины. Маоисты действовали примерно в трети административных районов Индии (всего их насчитывается 627) и были особенно активны в центральной и восточной

частях страны, которые теперь именовались «Красным поясом». Особенно кровавыми были их недавние выступления в штате Орисса, где они потопили корабль с морскими пехотинцами (тридцать восемь военных утонуло), а также взорвали полицейский микроавтобус – погиб двадцать один человек.

Однако в деревнях люди не были пока готовы включаться в революционную борьбу. Они ждали реформ: улучшения инфраструктуры, появления сельскохозяйственной техники, которая бы сделала труд более производительным. В этом году, работая на соевой и хлопковой плантации, семнадцатилетний кузен Манджу по имени Анил опробовал одно такое новшество: каждый день он шел в поле, таща на спине металлическую канистру с пестицидом фирмы Dow.

Плантации принадлежали состоятельному политическому деятелю, который платил работникам тысячу рупий в месяц, что примерно равнялось двадцати одному доллару. **Применение новых химикатов улучшило урожай и увеличило доходы хозяина, однако необходимость таскать на себе тяжелый баллон и вдыхать вредные пары пестицида несколько не облегчила, а напротив, усложнила и без того каторжный труд крестьян. Один из соседей, работавший бок о бок с Анилом, недавно в конце рабочего дня поставил на землю баллон, взобрался на дерево на краю деревни и повесился.** Семья самоубийцы никаких государственных компенсаций не получила.

Ночами Анил часто представлял, что он скажет владельцу поля, если появится возможность с ним побеседовать. Мягко и вежливо он попытается убедить хозяина в том, что более тяжелый труд, вероятно, должен оплачиваться несколько выше. Однако недовольного работника обычно с легкостью увольняли и брали на его место другого. Поэтому все свои фантазии, в том числе и суицидальные мысли, Анил держал при себе.

В прошлом году Айша посоветовала ему поискать счастья в Аннавади. И Анил отправился в Мумбаи, став одним из тех пятисот тысяч деревенских жителей, которые, по статистике, ежегодно прибывают в мегаполис на заработки. На заре он вместе с себе подобными являлся на Марол Нака – район рядом с аэропортом, куда приезжали на грузовиках прорабы со строек, чтобы выбрать себе поденщиков. Сюда каждое утро приходило около тысячи соискателей, мужчин и женщин, и лишь несколько сотен получали работу. Анил не знал, что вообще-то **продолжительность жизни в Мумбаи на семь лет меньше, чем в среднем по стране.** Он просто чувствовал, что ему худо: грудь сдавливало, будто перетягивало канатом, когда он стоял в толпе мигрантов,

с которыми он был не в состоянии конкурировать. После месяца тщетных попыток устроиться хоть куда-нибудь парень вернулся домой.

– Односельчане посмеивались надо мной, – рассказывал он Манджу. – Я собирался посмотреть город и заработать денег, но ни то ни другое мне не удалось. Впрочем, я впервые в жизни увидел огромные самолеты.

Вечером накануне свадьбы родственников Манджу, как самая старшая девушка в своем поколении, прошествовала через всю деревню во главе процессии, направляющейся в храм, где должно было состояться благословение жениха и невесты. Манджу была в персиковой расшитой блестками шифоновой тунике, которую ей отдала тетя, живущая в городе. В руках она несла горшок с зерном. За нею следовали многочисленные родственники и соседи. По сторонам грунтовой дороги паслись ослики, вечно ищущие, чем бы поживиться. Процессия двигалась мимо саманных хижин, окрашенных в зеленый цвет – эту бы зелень да в поля! А потом поднялась по крутой тропке к стоящему на вершине холма святилищу обезьяноголового бога Ханумана.

Чуть раньше Манджу припудрила и нарумянила жениху лицо и даже нанесла ему зубной щеткой блеск вокруг глаз. Однако все равно взоры всех собравшихся были устремлены вовсе не на румяного, как пряник, жениха, а на нее. Она ощущала это, стоя в полутемном храме, где не было электричества. Городская девушка-студентка была для деревни невиданным и неслыханным чудом. Но кого же из юношей-кунби Айша выберет в качестве ее будущего мужа? Некоторые из мужчин посчитают, что она слишком образованная, а потому не будет послушной. Другие же слишком бедны, чтобы удовлетворить запросы ее матери.

На следующий день во время мрачного свадебного застолья Манджу не удалось уловить, ведет ли Айша какие-либо переговоры. Но вскоре в дом, где гостило мумбайское семейство, стал заходить молодой солдат. Как-то раз он появился на пороге, и мать вышла во двор, чтобы поговорить с ним с глазу на глаз. Время от времени с улицы доносился ее хриплый смех.

Не так давно в Аннавади Манджу наблюдала за тем, как мать сговаривалась о свадьбе застенчивой соседской девушки и парня из соседнего трущобного района. Дочь Айши с волнением следила за перипетиями этой истории: это полезно, ведь подобным же образом вскоре будет решаться ее собственное будущее. **Все, вроде, шло хорошо, пока будущая невеста не подняла голову. «Некрасивая!» – такой вердикт вынесло семейство жениха и принялось винить сваху в том, что та зря морочила им голову.**

Тот жесткий приговор подготовил Манджу к худшему развитию событий. Она знала, что ее будут оценивать строго и цинично. Поэтому, когда Айша как-то позвала ее и попросила принести чай, она пригладила волосы, опустила глаза и постаралась убедить себя, что ей абсолютно безразлично то, что сейчас будет происходить. Когда солдат взял с подноса чашку, он пристально посмотрел на нее, а потом сказал:

– Поменьше времени проводи на солнце, а то кожа слишком потемнеет.

Он был симпатичным, и усы его не портили. Манджу смотрела в пол, но опустила голову не слишком низко, а потому заметила, как его взгляд скользит по ее фигуре. Сердце у нее зашло, как будто незнакомец прикоснулся к ней. Ее беспокоило то, что временами ей так отчаянно хотелось быть желанной. Она была практически готова к замужеству, к сексу. Но при этом Манджу твердо решила: если Айша организует такой брак, при котором молодая жена будет вынуждена переехать в Видарбху, она сбежит.

За день до возвращения семейства в Аннавади Анил рассказал ей свой сон. Ему снилось, что он убегает с плантации, а с ним вместе бегут Манджу, Ганеш и Раул.

– Мы все вместе удрали от родителей. Наши матери были в ярости и кричали нам вслед: «Мы вам не позволим вернуться!», а мы отвечали: «Не зовите нас, мы и не хотим возвращаться! Мы отправляемся туда, где нам будет намного лучше». Мы неслись, не чуя под собой ног, и громко хохотали».

После возвращения в Аннавади Айша старалась не думать о несчастной и жалкой доле Фатимы, и не пускала к себе сходящую с ума от отчаяния Зерунизу. Она решила посвятить остаток сезона дождей работе над собой. Для этого нужно было пройти один или два курса повышения квалификации в колледже. В противном случае она могла потерять место учительницы младших классов в муниципальной школе Марол. Власти Махараштры озаботились повышением качества образования, и потому заставили учителей представить доказательства, что те продолжают совершенствовать свои знания. К счастью, профессор в Открытом университете Махараштры имени Яшвантрао Чавана^[78] заверил записавшихся в его группу педагогов, что в конце года заранее предоставит им все ответы на экзаменационные вопросы.

Но амбиции Айши простирались гораздо дальше: она не готова была довольствоваться низким статусом и скромной оплатой школьной преподавательницы. Она хотела стать политиком. Для этого необходимо

было избавиться от трущобных манер, так же, как когда-то она избавилась от деревенских. Ей нужно было совершить новую «миграцию»; на этот раз социальную. Главное тут, как она объяснила Манджу, «наблюдать за людьми из более высокого социального слоя: как они живут, что делают, как держатся, а потом повторять за ними».

Воспитывая дочь, Айша внушала ей, что она не ровня остальным детям в Аннавади, в том числе и ее собственным братьям. Ганеш в свои четырнадцать был слишком мягким и нерешительным; Раулу, при всей его самоуверенности, недоставало амбиций. Он уже махнул рукой на попытки закрепиться в гостиничном бизнесе и был вполне доволен новой временной работой – уборкой со столов в столовой для сотрудников аэропорта.

Айша все больше видела в обоих мальчиках черты своего мужа. Она обучила их тому, что они способны были усвоить (оба умели нарезать лук быстрее всех в Аннавади) и оставила в покое. Только она сама да еще Манджу были приспособлены к интеллектуальному труду и могли организовать свою жизнь так, чтобы пополнить ряды быстро растущего индийского среднего класса.

Айша помнила, как соседи вначале отнеслись к ее поступлению на работу в школу. Они знали, что у нее образование – всего семь классов, а потому презрительно хмыкали: «Учительница!» Прозвище прижилось, а насмешливый оттенок со временем исчез. Точно так же можно войти в высшее общество: переждешь насмешки и сплетни и со временем станешь полноправным его членом. А благородным манерам можно научиться с помощью «запоминалок», подобных тем, к которым прибегает Манджу во время подготовки домашних заданий.

– Не бойся общаться с людьми из более высокого социального слоя, – наставляла Айша свою дочь. – Некоторые из них очень любезны и не откажутся говорить с тобой. Не стесняйся спрашивать у них совета, как выглядеть лучше, и пользуйся их рекомендациями.

Сама Айша недавно попросила одного из членов Шив сены честно указать ей, что нужно поправить в ее имидже.

– Он говорит, что не стоит носить каблуки при высоком росте, это выглядит «дешево», – докладывала она потом Манджу. – И не надо выходить в домашнем платье на улицу. Лучше надеть сари. Мангалсутру^[79] необходимо вешать на длинную, а не на короткую цепочку. И еще: никогда нельзя выказывать беспокойства, даже если тебе есть о чем волноваться. Люди не любят такого выражения лица. И лучше никогда не ходить вместе с теми, кто выглядит хуже тебя.

Последняя рекомендация в устах того деятеля из Шив сены звучала несколько глупо, так как сам он не следовал этому правилу. Однажды вечером Айша вместе с ним отправилась к главе округа домой. Тогда ее спутник сказал:

– Я такой элегантный, а ты выглядишь ужасно. И твое уродство принижает меня.

Манджу в колледже тоже почерпнула знания о стиле и хорошем тоне: девушки из низких сословий любят длинные позвякивающие сережки, а в высшем обществе носят маленькие колечки. Также **Манджу поведала матери, что образованные и состоятельные женщины носят джинсы. И та разрешила ей купить пару джинсов-клеш.**

Как-то раз, примеряя их с персиковой туникой с чужого плеча и глядя на себя в зеркало, Манджу невольно произнесла: «Чудеса перевоплощения! Прямо как в фотошопе». На занятиях в компьютерном классе она почерпнула знания об «инструментах маркировки», позволяющих вырезать фигуры и переносить их на другой фон, в совершенно другое окружение. Вот и сейчас в джинсах и тунике она выглядела так, будто переместилась в другой социальный слой и стала походять на девушку более благополучной семьи.

Правда, это впечатление немного потускнело, когда тетя подстригла обеих – Айшу и Манджу. Она сделала им модные озорные челки, но из-за сильной влажности падавшие на лоб пряди завивались и превращались в кудряшки. Однако, так или иначе, было приятно в скучный сезон дождей заняться своей внешностью и примерить на себя имидж современной женщины.

Заметив, что мать в последнее время общается с ней, как с равной, Манджу решила затронуть скользкую тему и заговорила о том, что в высших сословиях сейчас уже не следят за тем, чтобы дети женились и выходили замуж внутри собственной касты. И вообще не родители, а сами молодые люди делают выбор, с кем соединить свою судьбу.

– У богатых сейчас свободный взгляд на брак, – заключила Манджу.

Но ее мать, похоже, в этом вопросе совершенно не хотела следовать правилам, принятым у социальной верхушки.

Айше понравился солдат из Видарбхи, парень из относительно состоятельной семьи. Но Махадео не одобрил будущую помолвку: он почему-то завил, что военные часто оказываются пьяницами, как он сам.

После возвращения в Аннавади Айшу уже дважды посетила сестра Полетт, которая тоже сватала некоего жениха – мужчину средних лет, жившего на Маврикии.

– Это мой брат, – пояснила монахиня, часто моргая.

Но мать девушки на выданье заподозрила, что та исполняет обязанности свахи, ожидая вознаграждения. Однако и сама Айша нередко выступала в этом качестве.

Большинство обитателей Аннавади считали дочерей обузой прежде всего из-за необходимости собирать внушительное приданое, чтобы выдать их замуж. Но Айша давно сообразила, что такая красивая, умная и добродетельная девушка, как Манджу, сможет очень выгодно выйти замуж, так что этот брак послужит социальным лифтом для всей семьи. Жених с Маврикия был, вероятно, богат, но ей не хотелось отправлять свою единственную дочь в Африку, где, по слухам, симпатичных девушек нередко продают в рабство. Айша решила пока повременить с окончательным решением и велела Манджу расширить свой круг общения, в надежде, что блестящие брачные предложения еще поступят.

Мать полагала, что человек, который стремится улучшить свое положение, как материальное, так и социальное, должен двигаться к цели, пробуя самые различные способы и пути. Ведь трудно предсказать, какой именно вариант сработает. В связи с этим у Манджу возникла идея: а не стать страховым агентом? Одна из ее однокурсниц подрабатывала продажей полисов. Как раз в это время крупная компания Life Insurance Corporation of India приглашала на бесплатные курсы для будущих агентов. Занятия проходили неподалеку от Аннавади – в офисном здании рядом с отелем «Лила».

Айша с интересом смотрела по телевизору рекламные ролики этой компании, расписывавшие выгоды страхования. Полис защищал индийцев, которые могли себе позволить его приобретение, от многочисленных превратностей. Так, в одном из сюжетов предусмотрительный молодой муж вовремя приобрел для жены медицинскую страховку. Вскоре та попала в автокатастрофу и чудесным образом выздоровела: вот она встает, счастливая и довольная, с инвалидной коляски. Можно подумать, что страхование жизни превращает похороны в веселый праздник! Продавая такие полисы, Манджу будет общаться с богатыми людьми, да и семье не помешает дополнительный доход.

В день, когда она должна была сдавать экзамен на этих курсах, рано утром пришли дети, все еще занимавшие время от времени у Манджу дома. Они помогали своей учительнице выучить английские названия страховых программ: «Уверенность в будущем II», «Надежность и благополучие», «Защита инвестиций», «Надежда и опора». Словарный запас юных учеников тут же пополнился специфическими терминами:

«возмещаемая сумма», «страховая премия», «частичное снятие средств со счета».

Во время обучения Манджу объяснили, что она не сможет продать продукт или услугу, если будет пугать клиента смертью или рисовать трагические картины. Нужно было представлять покупку полиса как перспективную сделку. Например, рассказать о человеке, который подписался на сорок страховых программ и после себя оставил семье огромную сумму денег.

Манджу долго репетировала обращенную к клиенту речь и придумывала контраргументы на возможные возражения слушателя. Наконец она почувствовала, что свободно может говорить на эту тему. На экзамене она получила высшие баллы. Что же дальше? Ничего. Где же ей найти людей, у которых было бы достаточно денег для покупки страховок?

– Все только и думают что о своей выгоде, – сказала она как-то детям, качая головой. – Каждый задает вопрос: если я сделаю это, что получу взамен? Девочки в колледже твердят о том же, даже когда просто обсуждают друг дружку: «Зачем нам общаться с этой странной Паллави? Какой от этого прок? Какая выгода?»

Зуббу, одиннадцатилетняя дочь владельца борделя, лучше других понимала Манджу, когда та сетовала на всеобщую материальную одержимость. Собственные родители пытались продать Зуббу, и это сводило девочку с ума. Манджу оставалось лишь молиться о том, что эти попытки будут столь же неудачными, как все другие предприятия хозяина публичного дома и его жены.

Общаясь с такими детьми, Манджу понимала, как ей повезло в жизни. Следующей весной она сдаст выпускные экзамены и получит степень бакалавра искусств^[80]. Потом можно подписаться еще на год учебы, оплатив его за счет продажи одной из комнат в семейном доме (сейчас это помещение сдавали в аренду). Тогда она станет дипломированным педагогом с дипломом бакалавра образования^[81]. Конечно, не стоит даже надеяться на то, что удастся получить постоянную работу в государственной школе. Для этого, как правило, нужно раздать невероятное количество взяток чиновникам от образования. Шансы устроиться в маленькую частную школу были несколько выше. Но зарплата в них была такой мизерной, что большинство однокурсников Манджу, готовящихся получить степень бакалавра искусств и образования, заранее разочаровались в выбранной профессии. Одна из девушек

собиралась после окончания колледжа добиваться места оператора в колл-центре, другая уже выяснила, что будет зарабатывать больше в должности повара. Из всей группы только Манджу продолжала мечтать о преподавании. Но домашняя школа, в которой девушка оттачивала свои навыки, все больше мешала матери. Айша считала, что так долго возиться с детьми из бедных семей бесперспективно.

Власти финансировали «промежуточную школу» в Аннавади и сотни таких же курсов в Мумбаи, переводя средства на их содержание через некоммерческие организации. Благодаря росту индийской экономики государственная казна пополнялась, в том числе росли и ассигнования на образование. Однако эти деньги первым делом распределялись по карманам правящей элиты. Родственники и друзья политических деятелей и городских чиновников создавали негосударственные фонды: там и оседала большая часть правительственных средств. Участников этого процесса мало заботило, являются ли фигурирующие в их отчетах школы реально действующими или виртуальными.

Занятия, которые вела Манджу, курировала католическая благотворительная организация, проводившая программу «Доступное образование для всех»^[82]. Этот спонсор более ответственно подходил к обучению детей из бедных семей, чем представители многих других некоммерческих фондов. Возглавлявший католическую миссию священник категорически не желал платить откаты чиновникам, поэтому его школы в разных районах Мумбаи стали постепенно прикрывать. Школа в Аннавади была одной из немногих, продолжавших существование. Ежемесячно сюда приезжал проверяющий, который сидел на уроках, а также просматривал журнал с отметками маленьких подопечных Манджу. Он давно понял, что вместо Айши, формально отвечавшей за работу с детьми в районе, уроки ведет ее дочь. Однако куратор предпочитал не акцентировать на этом внимание своего руководства, потому что видел: юные ученики все-таки получают здесь какие-то знания.

Однажды днем, когда дети заучивали английские слова «колесница», «колесо», «зеркало», «рыба» и «рука», Манджу спросила:

- Что вы делаете руками?
- Едим!
- Стираем!
- Носим воду!
- Танцуем.
- Поднимаем их вверх, чтобы побить кое-кого...

Все головы повернулись на звук этого голоса. В дверях стояла

разъяренная мать семейства.

– Тебе обязательно надо проводить урок именно сейчас? – спросила Айша дочь. – Что для тебя важнее – чтобы они выучили слова или чтобы в доме бы порядок, необходимый мне для работы?

На полу сидели грязные дети, вокруг были разбросаны карандаши и тетради. Посетителям ни к чему было наблюдать такую картину в доме потенциальной старосты и будущего депутата. А ведь просители вот-вот придут, чтобы рассказать Айше о своих проблемах. Она пощупала висящее на веревке полотенце. Постиранные рано утром вещи были еще сырыми.

– Отлично! – сказала она Манджу. – Ты развесила белье в доме, в то время как на улице светит солнце. Ты хоть что-нибудь можешь сделать нормально в мое отсутствие?

Манджу отвернулась, чтобы дети не видели ее лица.

После этой сцены девушка стала собирать учеников через день, а то и раз в три дня. Ее питомцы понимали, что она так поступает не по своей воле. Когда в розовом храме возле сточного пруда открылась новая школа, многие из них записались туда. **Но учебное заведение вскоре прекратило существование: директор спонсирующей его некоммерческой организации вдоволь пофотографировал детей за партами. Этого было достаточно, чтобы получить государственное финансирование, а дальше можно и не работать.**

У Манджу появилось свободное время, и она решила осуществить свой второй план, который должен был расширить ее круг общения. Девушка записалась в Индийский корпус гражданской обороны. В эту организацию вступали в основном представители среднего класса, обучавшиеся спасению людей в чрезвычайных ситуациях, например, во время наводнений и террористических актов.

Как и многие жители Мумбаи, она все больше опасалась нападения террористов. В июле прогремели взрывы в Бангалоре, а вскоре после этого – девятнадцать взрывов в самом центре Ахмедабада. Это не было делом рук маоистов: те орудовали в основном в сельских районах Индии. Теракты в городах готовили в основном исламские боевики – «во имя Аллаха», как они писали в электронных письмах, посылаемых в газеты.

Мумбаи, финансовая столица страны, вполне могла вызвать интерес у экстремистов, поэтому в пятизвездочных отелях появились особые группы безопасности с натаस्कанными на поиск взрывчатки собаками. В аэропорту создали бункеры, заваленные мешками с песком. На Западном скоростном шоссе^[83] засветились электронные табло с предупреждающей бегущей строкой: «Вы заметили незнакомца в вашем микрорайоне?

Вызовите полицию!»

Обучение гражданской обороне казалось Манджу более надежным способом защиты города от террористов, чем ежедневные звонки в полицию по поводу появления на улице любого неизвестного тебе человека.

Во время одной из тренировок Манджу и еще человек сорок заперли в покоем на лабиринт подвальном помещении некоего административного здания. В эту группу входили в основном женщины средних лет и среди них – два студента, прекраснодушных идеалиста. Все они должны были изображать попавших под завалы: кричать, звать на помощь и отрабатывать навыки спасения жизни – своей и соседа. Инструкция гласила: *«После взрыва бомбы постарайтесь сохранять спокойствие и добраться до безопасного места. Затем успокойте других и проводите их в укрытие. Во время наводнения можно использовать тыквы и пустые бутылки от воды, чтобы легче было удержаться на плаву. Если рядом с вами оказался тот, кто не в состоянии плыть самостоятельно, обвяжите его тело шарфом и тяните за собой».*

Манджу была самой худенькой из всей группы и слишком слабой, чтобы выполнять тяжелую работу спасателя. Поэтому ей почти всегда доставалась роль потерпевшей. Изображая раненую, она раскидывалась на покрытом линолеумом полу, разметав косы, и вспоминала болливудские фильмы, чтобы как можно убедительнее продемонстрировать признаки физического страдания – учащала дыхание, бешено вращала глазами и, как положено в старом кино, вздыхала и дрожала. Тогда кто-нибудь подхватывал ее, взваливал себе на плечо и нес «в безопасное место». Здесь прикосновения были допустимы. Особенно было приятно лежать на руках у Виджая, серьезного парня с квадратным подбородком, командира ее батальона. Он очень ценил, что Манджу столь искренне и ответственно относится к роли жертвы.

Однажды вечером, когда девушка в своих новых джинсах и персиковой тунике направлялась после учений домой, Виджай окликнул ее, и они вместе пошли к автобусной остановке. Здесь он взял ее за руку – это произошло впервые в ее жизни. Теплая надежда шевельнулась в ее душе. Но Манджу и тут не утратила давно свойственной ей трезвости и практицизма. Она решила, что все это к лучшему: городские ребята с высшим образованием представлялись ей вполне подходящей партией для пока еще не вошедшей в высшее общество девушки.

В трущобном районе сложно что-либо держать в секрете. Айша пришла

к выводу, что сохранение тайны – это нечто вроде сокровища, особой «валюты», которой ты владеешь. Люди могут сколько угодно обсуждать, что ты куда-то пошла или завела какие-то дела с кем-то. Но пока тебя не поймали с поличным, можно все отрицать.

День своего сорокалетия она отмечала скромно, дома. Небо было закрыто тучами, но дождь не шел. Сквозь облака светила бледная луна. Манджу раскладывала по тарелкам торт; на краю стола стояла миска с горой чипсов. Айша обняла сидящих по обе стороны от нее сыновей. Даже Махадео в этот день был в приподнятом настроении. Он шарил рукой в подаренном кем-то его жене пластиковом сундучке с шоколадными монетами, обернутыми в сверкающую фольгу.

– Мне уже сорок, и я хотела бы, чтобы этот сундук был наполнен настоящим золотом, – с улыбкой произнесла Айша, собираясь приступить к торту.

Тут снова зазвонил ее мобильный телефон. В последние пятнадцать минут он без конца трезвонила, а она прятала его все глубже в складки своего темно-синего сари. Но полицейский по фамилии Вагх никак не хотел отказываться от своего намерения поговорить с ней.

– Может, что-то случилось? – спросила Манджу. – Зачем так настойчиво названивать?

– Это та женщина, Рина, из *шакхи*^[84], – солгала Айша. Имелась в виду работа женского крыла Шив сены. Но через минуту она неуверенно сказала: – Может, мне придется уйти...

– Что?! Скажи ей, что ты не можешь, у тебя день рождения! – весело отозвалась Манджу. Но Айша уже решила ответить на звонок.

– Нет, я не могу, – сказала она в трубку. Последовала долгая пауза. – Нет, это невозможно. Может, завтра? Понимаете... – снова пауза. – Послушайте, я...

И вот она уже стоит перед зеркалом, пудрится, поправляет сари, собирает густые волосы, чтобы не падали на лицо. В зеркале отражались растерянные лица Манджу и мужа.

– Наверное, всем кажется, что мои бусы из настоящих камней, – щебетала Айша, явно нервничая. – Сегодня на вокзале один парень сказал мне, что лучше их спрятать, а то их украдут... А вы знаете, что кориандр стоит всего пять рупий на рынке Гхаткопар? Я некоторое время назад была неподалеку, когда ездила к подруге на чай, а потом я опоздала на автобус... Такой хороший, свежий кориандр, лучше того, что мы покупаем здесь...

– Мама, – тихо сказала Манджу. – Не ходи никуда.

Мобильный зазвонил снова.

– Алло, – крикнула Айша. – Я же сказала, что приду. Постараюсь побыстрее. Где?

Весь телефон был в пудре. Она прямо-таки стекала с ее шеи, по которой струился пот. В глазах Махадео стояли слезы.

– Мама, – снова обратилась к ней Манджу и попыталась взять мать за руку. – Мама, пожалуйста...

Но Айша выдернула свою руку, быстро пересекла майдан, прошла мимо ребят, столпившихся в салоне игровых автоматов, мимо «Хайата». Нигде не задерживаясь, она устремилась к автобусной остановке возле величественного здания гостиницы «Гранд Маратха», выстроенного из розового джайпурского камня. Она была самой помпезной и дорогой из всех пятизвездочных отелей вблизи Аннавади. Сейчас здание казалось розовато-золотистым, так как было подсвечено тысячей огней. Их отсветы падали на лицо Айши, стоявшей за оградой. Нерастушеванная полоса пудры белела на ее щеке.

Она живо представила, как Манджу сейчас плачет над шоколадным тортом. Долгие годы Айша надеялась, что дочь так никогда и не догадается о встречах матери с другими мужчинами. Теперь она думала, что, наверное, надо было воспитывать девочку по-другому: вырастить ее прагматичной и приземленной, чтобы она была в состоянии понять, зачем все это нужно. **Дело было не в банальной похоти и не в попытках быть современной (хотя Айша знала, что многие женщины из высшего общества не раз изменяли мужьям). Она не стремилась найти настоящую любовь или почувствовать себя красивой и желанной. Ее привлекали только деньги и власть.**

Айша соображала быстрее, чем многие другие люди. Политики и полицейские чины быстро распознали в ней эту способность, стали использовать ее на благо себе и даже оказались зависимыми от нее. Однако этого было недостаточно для настоящего успеха. В двадцать лет она была лишь нищей мигранткой из далекой деревни, где свирепствовала засуха. Денег не было, муж не желал работать. Теперь, в сорок, она уже преподаватель государственной школы и самая влиятельная фигура в своем районе. Она может дать дочери высшее образование, и, есть надежда, скоро устроит ее блестящий брак. Будущее благополучие Манджу оправдывало любые сделки с совестью. Ради этого можно стерпеть даже ночные кошмары, в которых Айша видела себя умирающей от СПИДа.

Надо сдать анализ крови. Хорошо бы не забыть. И смотреть нужно не на огни отеля, а на дорогу, чтобы не пропустить момент, когда подъедет

ее полицейский. Но тут из «Гранд Маратхи» на лужайку высыпали гости, собравшиеся на какую-то светскую свадьбу. Айша совершенно упустила из виду, что сегодня особый для индуистов день: астрологи давно предсказывали, что он чрезвычайно благоприятен для бракосочетаний. Духовой оркестр заиграл какую-то незнакомую мелодию. Невесту она разглядеть не могла: все загородили папарацци, без конца щелкавшие фотоаппаратами. Залп из розовых и красных конфетти взмыл в небо. Некоторые конфетти перелетели через ограду и приземлились у ног Айши, но вскоре их смысл снова зарядивший дождь. У остановки притормозил белый полицейский микроавтобус. Это приехали за ней. Она медленно отвела взгляд от сверкающей гостиницы и стоящих у входа музыкантов, повернулась спиной к веселым молодоженам и их родственникам и направилась к машине. Задняя дверь медленно раскрылась ей навстречу.

Глава 10

Попугаи

Однажды рано утром в конце июля Сунил наткнулся на коллегу-мусорщика, лежавшего в грязи в том самом месте, где ведущая из Аннавади гравиевая дорога упиралась в аэропортовую трассу. Сунил знал, что у этого пожилого трудяги нет дома и спит он обычно на улице рядом с рыбным рынком Марол в километре от шоссе. Старик звал на помощь: одна его нога превратилась в кровавое месиво. Как выяснилось, его сбила машина. Некоторые водители не утруждали себя тем, чтобы объезжать людей, собирающих отходы у обочин.

Мальчику нужно было бы сбегать в участок, вызвать полицию и «Скорую помощь», но он слишком боялся полицейских, особенно после того, что, по слухам, они сделали с Абдулом. Поэтому он пошел своей дорогой, на Карго-роуд, туда, где шли бои за сокровища местных мусорных баков, понадеявшись, что кто-нибудь другой, постарше, все-таки возьмется отправить несчастного в больницу. Ведь по этой дороге по утрам проходили сотни людей.

Через два часа, когда Раул шел в школу, он заметил того же раненого. Тот умолял дать ему воды.

«Этот пьян, как твой отец, и даже хуже», – пошутил один из товарищей Раула. – «Хуже твоего отца», – неоригинально парировал сын Айши, и вся компания свернула на аэропортовую дорогу. Раул не боялся полиции. Он же бежал в участок, когда их сосед опрокинул горячие бобы на своего больного малыша Дануша. Но лежащий посреди дороги человек был всего-навсего мусорщиком, к тому же Раул спешил на автобус.

Еще через час мимо прошла Зеруниза Хусейн. Раненый кричал от боли. Она сразу поняла, что ему очень худо. Но ей нужно было поскорее доставить еду и лекарства томившемуся в застенке на Артур-роуд мужу, которому тоже было плохо, а до тюрьмы еще придется тащиться через весь город...

Чуть позже с бедным стариком поравнялся господин Камбл. Вечно мучимый сердечными болями, с затуманенным взором, он продолжал обивать пороги благотворительных организаций и крупных компаний, собирая пожертвования на операцию. Когда-то он, как и раненый мусорщик, тоже спал на улице. Но теперь Раджа Камбл не замечал чужих страданий, так как был сосредоточен на своем несчастье. Он знал, что

чудеса в новой Индии случаются, но боялся, что с ним чудо все-таки не произойдет.

Когда Раул с братом возвращались из школы вскоре после полудня, мусорщик все еще лежал посреди дороги, но на помощь уже не звал, а лишь слабо постанывал. В полтретьего один из членов Шив сены позвонил своему другу-полицейскому, служившему в участке Сахар, и сообщил, что на дороге валяется труп, и малые дети его боятся. В четыре часа дня констебли собрали мусорщиков и приказали им погрузить мертвое тело в полицейский микроавтобус. Сами блюстители порядка боялись дотрагиваться до мертвеца, чтобы не подцепить какую-нибудь инфекцию, которыми нередко страдали люди его профессии.

«Труп не опознан», – сделали вывод в участке Сахар, даже не попытавшись отыскать близких покойного. «Скончался от туберкулеза», – констатировал дежурный в морге больницы Купер без всякого вскрытия. Офицер Тхокал, занимавшийся этим делом, торопил врачей. Ему нужно было получить труп скорее: сотрудники патологоанатомического отделения медицинского колледжа имени почтенного Б. М. Пати в Биджапуре обещали заплатить ему за предоставление двадцати пяти неостребованных тел для лабораторной работы. А этот должен был как раз стать двадцать пятым.

Еще через несколько дней молодой мусорщик, бродивший под дождем неподалеку от аэропорта, наткнулся на еще одного мертвеца. Тело инвалида лежало на подъезде к международному терминалу. Рядом валялся самодельный костыль.

И снова «личность не установлена», и никакого вскрытия.

Третий труп обнаружили на дальнем берегу сточного пруда, в выгребной яме, используемой как туалет под открытым небом. Все, кто приходили сюда по нужде в последние дни, отмечали, что здесь стоит какой-то особо удушливый запах, нехарактерный даже для этого по определению антисанитарного места. Из ямы был извлечен полуразложившийся труп авторикши по имени Ауден. Однако и его тоже почему-то записали неопознанным. Причина смерти: «Скончался от болезни». Но вскоре появился и четвертый покойник. На пустыре напротив «Хайата» некоему жителю Аннавади размозжили череп. Этот человек грузил багаж в аэропорту.

В Аннавади считали, что одноногая Фатима прокляла весь квартал, и теперь это место гиблое, гнилое, *барбад*. Ходили слухи, что Аннавади и другие трущобы вокруг аэропорта будут окончательно стерты с лица земли после парламентских выборов, которые пройдут в следующем году.

Некоторые жители все-таки продолжали верить в то, что глава округа Субхаш Савант сможет отсрочить прибытие сюда бульдозеров. Но на ближайшем перекрестке на ветру трепетала наклеенная кем-то политическая листовка, предупреждавшая, что все решения уже приняты: «Один притворяется, что ударил. Другой прикидывается, что ему больно. Вы все, живущие на территориях вокруг аэропорта, давно знаете, по каким законам разыгрывается этот жульнический спектакль. Сейчас придет еще одна партия, которая заявит, что защитит ваши дома от разрушения. Но зачем же тогда эти люди тайно ведут переговоры с чиновниками и застройщиками?»

Сунила сильно напугали все чаще появлявшиеся в округе трупы и слухи вокруг них, но все же в данный момент его больше волновало то, что его младшая сестра выросла на два сантиметра и разница между ними стала еще заметнее. В сезон дождей в окрестностях было слишком мало мусора, чтобы обеспечить ему нормальное питание и здоровый рост. И вот в полном отчаянии он вдруг заметил, что его старый знакомый, тощий, как тростинка, подросток-мусорщик из Аннавади, согнувшись в три погибели, тащит за спиной набитый всякими утилизируемыми отходами мешок.

Этот парень, косоглазый Сону Гупта, был на два года старше и жил через семь домов от Сунила. Несколько лет назад, когда конкуренция в мусорном бизнесе в районе аэропорта была менее острой, они вместе обследовали содержимое контейнеров на Карго-роуд. Это сотрудничество кончилось в одночасье, когда Сунил случайно сломал нос Сону. Однако с недавнего времени его косоглазый партнер стал намекать, что готов к примирению. Иногда Сунил видел, как он на заре слоняется по улице и приветливо поглядывает в сторону своего бывшего товарища, будто приглашает снова работать вместе.

Надо сказать, лицо у Сону было отталкивающим – каким-то иссохшим, а один глаз все время нелепо закатывался вверх. Помимо прочего, парень был полуглухим. В особо жаркие дни у него шла носом кровь, что, как и прочие отклонения, являлось симптомом какой-то наследственной болезни, которой он страдал с раннего детства. Сунил был уже достаточно взрослым, чтобы понимать, как посмотрят на него другие мальчишки, если он возобновит отношения с этим странным типом. И в то же время ему было любопытно узнать, где косоглазый парень добывает столько мусора. Ведь для такого «промысла» необходимо иметь хорошее зрение. Острый глаз нужен в любое время года, а в сезон дождей и подавно.

Однажды Сунил проследил за Сону и с удивлением обнаружил, что

мальчик, у которого не было ни единого друга в Аннавади, умудрился обзавестись полезными знакомствами за пределами трущобного района. Он приятельствовал с охранниками представительства Air India. В предрассветные сумерки Сону являлся к воротам авиакомпании на Карго-роуд. В руках у него был старый облезлый веник. Вскоре охранник впускал его внутрь, и мальчик принимался с деланным усердием мести двор. Он приводил в порядок дорожки, выметал пыль из будки охранников, потом снова мел тротуары. Мальчик будто бы заметал собственные следы и так низко наклонялся к земле, что, казалось, вдыхал неимоверное количество поднятой им же пыли.

Его старательность выглядела настолько жалкой, что Сунил собрался уже было презрительно отвернуться и пойти прочь. Но тут он заметил, что охранник вывалил мусор из двух корзин прямо у ног юного уборщика. Ах, вот в чем хитрость! Этот косоглазый мальчишка-уборщик ухитрился заполучить в единоличное пользование все сокровища Air India – пустые банки из-под «кока-колы», пластиковые стаканчики, пакетики от кетчупа, подносы из алюминиевой фольги, на которых подавали еду в столовой авиакомпании. Сюда не пускали посторонних, поэтому все доставалось только ему. И это прямо посреди Карго-роуд, на которой мусорщики вели непримиримые территориальные войны!

Каким-то образом косоглазому Сону удалось вызвать сочувствие охранников. Может, их тронула его жалкая и нелепая внешность? Так или иначе, мальчик преуспел в том, что не получилось у Сунилы, когда тот жил в приюте и пытался, проявляя гордое достоинство, разжалобить богатых благотворительниц. Сону тоже стоял особняком среди всех сирых и убогих трущобных мальчишек. Сунил понял и оценил его ум и изворотливость.

Вскоре он, немного смущаясь, уже шагал по Аннавади рядом со своим старым приятелем.

Сунилу приходилось кричать, чтобы Сону его услышал. Но поначалу они почти не разговаривали. Односложного общения было вполне достаточно: они вместе подметали в помещениях и во дворе Air India, собирали бутылки и прочий утилизируемый мусор рядом с баром и столовой, а иногда делили территорию, чтобы собрать как можно больший улов. Сунил прекрасно лазил по стенам и умел убежать от охраны аэропорта, которая пыталась поймать мальчика, если он подходил слишком близко к терминалу. Но Сону перспектива быть пойманным и побитым не прельщала, поэтому в опасные места он не совался. Сильными сторонами его характеры были последовательность и любовь к четкому планированию. Поначалу он платил охранникам Air India, чтобы те

отдавали ему мусор, но потом они перестали брать с него деньги.

Ему удалось вытеснить из Air India другого мусорщика, который собирал здесь урожай до него. Этот парень побил его и каждый раз, когда их пути пересекались, поливал Сону отборными ругательствами. Но косоглазый подросток привык быть объектом постоянных насмешек, потому с детства не обращал внимания на мнение окружающих. В конце трудового дня он выходил на аэропортовую трассу и крепко стягивал веревками туго набитый мешок. В этот момент выглядел очень гордым и довольным собой.

Однажды Сунил сказал ему:

– Ты научил меня, как правильно подходить к этому делу.

Сону всегда был великодушен и делил доходы поровну. В обычные дни каждый из них зарабатывал по сорок рупий, то есть около доллара.

Со временем они стали больше общаться. Поначалу обсуждали всякую ерунду. Например, как-то зашла речь о том, что большой палец ноги так же полезен, как и пальцы рук, для того, чтобы определить, можно ли сдать на переработку то, что валяется перед собой. В другой раз Сону рассказал, что в его семье есть радиоприемник, который бьет током всякого, кто захочет повернуть регулирующую громкость ручку. Вскоре они начали вести и более серьезные беседы. Сону по ходу работы любил читать своему напарнику лекции на разные темы. Сунил был убежден, что если насмехаться над тем, кто болеет желтухой, сам подцепишь эту болезнь. Но приятель уверил его, что гепатит вызывает вода из сточного пруда, когда попадает в организм человека. **Также он настоятельно советовал не связываться с мужчинами-туристами из роскошных гостиниц, потому что с его младшим братом произошла неприятность.** А еще он намекнул, что Сунилу стоит чистить зубы чаще, чем раз в сто лет, иначе его дыхание так и останется зловонным, как у питающихся отбросами трущобных свиней.

Однажды неподалеку от реки Митхи Сону нашел сигаретный окуроч. Не успел Сунил подхватить ценную находку, как его друг нагнулся и принялся колотить по окурку камнем. Табак рассыпался, фильтр расплющился, а довольный Сону заявил:

– Если еще раз увижу, что ты куришь, таким же образом поколочу и тебя!

С такой же страстью он нападал на Сунила за то, что тот восхищается Калу, вором, обчищавшим мусорные контейнеры. Калу был местной звездой, потому что чрезвычайно артистично умел пересказывать фильмы мальчишкам, у которых не было денег на кино.

– Ты по полночи не спишь, слушая рассказы этого Калу, а потому я теряю время, пытаюсь тебя разбудить, – сокрушался Сону. Он вообще не понимал, как можно подолгу спать.

– Каждое утро мои глаза открываются сами собой, – утверждал он.

Сунил был менее организованным. Он был в целом спокойнее и раскрепощеннее и не видел в этих качествах ничего дурного.

Отец семейства Гупта был алкоголиком со стажем. Да и вел он себя еще более эксцентрично, чем отец Сунила. Иногда Гупта-старший в ярости рвал на мелкие кусочки банкноты, которые только что заработал, и кричал:

– К черту все это! Деньги ничего не значат!

Но с матерью Сону повезло. По вечерам она вместе с четырьмя детьми удаляла заусенцы с розовых пластиковых прищепок. Эту надомную работу заказывало семейству из трущоб расположенная неподалеку фабрика. А днем женщина приторговывала маленькими пакетиками кетчупа и порционным джемом с просроченным сроком хранения на тротуаре у отеля «Лила». **Фирмы, готовившие еду для авиакомпаний, передавали этот джем вместе с запаянным в пакеты раскрошившимся печеньем в качестве благотворительной помощи для сирот из приюта сестры Полетт. Но монахиня продавала просроченные продукты окрестным беднякам, женщинам и детям, а те, в свою очередь, пытались перепродать добытое.** Сону презирал сестру Полетт еще больше, чем ее бывший воспитанник Сунил.

Сону был записан в седьмой класс муниципальной школы Марол. На уроки он ходить не мог из-за работы. Тем не менее он занимался по вечерам, в конце года сдавал экзамены и переходил в очередной класс. Парень считал, что и Сунил должен последовать его примеру. Как-то утром он смешно потряс головой, будто пытался вытрясти глухоту из уха, и объявил:

– Давай выучимся и заработаем много денег! У нас их будет, как грязи!

– Ты-то наверняка разбогатеешь, босс, – рассмеялся Сунил. – А я, если ты не против, останусь бедняком, ладно?

– Но ты ведь тоже хочешь кем-то стать в жизни, правда, Моту? – Прозвище, которое Сону дал напарнику, означало «толстяк». При этом толстым Сунил мог считаться только в сравнении с худющим Гуптой.

Да, Сунил хотел стать «кем-то», но он не считал, что обучение в государственной школе открывало перед мальчишками из трущоб какие-то особенные перспективы. Те, кто окончил семь или восемь классов, подвизались мусорщиками, дорожными рабочими или раскладывали по коробкам крем Fair and Lovely на косметической фабрике. Только

выпускники частных школ имели возможность поступить в старшие классы, а затем в колледж.

Когда Сунил и Сону возвращались в Аннавади после сбора мусора, они замолкали и шли уже порознь. Эти два тощих подростка, которым удавалось хоть что-то заработать, были легкой добычей для любых хулиганов. Их не раз подстерегали старшие мальчишки, сбивали с ног, кидали на обочину, лицом в грязь, так что в нос набивался буйволиный навоз. Как-то сын Роберта, владельца зебр, предложил им свои услуги в качестве «крыши». За это нужно было платить ему тридцать-сорок рупий в неделю. И когда они отказали ему, он их избил.

Сунил завидовал тем детям, которые не нуждались в чьем-то особом заступничестве. Все понимали, что Шив сена не даст спуска тому, кто обидит отпрысков Айши, так что к ним никто не приставал. Хусейнов тоже старались не обижать, но по другим причинам: их просто много. Хорошо, когда у тебя большая семья, размером с крикетную команду^[85]. Мальчишки-индуисты часто говорили, что мусульмане рожают помногу детей, чтобы превзойти числом представителей враждебной им религии. Но, по мнению Сунилы, большое семейство в любом случае можно было считать благом, вне зависимости от того, какую веру исповедуют его члены. У него самого не было близких кроме становившейся все выше и тем вызывавшей раздражение Суниты.

Калу покровительственно относился к Сунилу и приглядывал за ним, когда был рядом. Хотя мусорный вор сам был еще подростком довольно маленького роста. Обычно вечером он приходил поболтать с Сунилом, когда тот лежал на теплой куче щебня у дальнего берега сточного пруда. Под пологими лучами вечернего солнца тени мальчишек казались гигантскими. Здесь, вдали от взора косого Сону, Сунил спокойно выкуривал единственную за день сигарету. Калу тоже курил, несмотря на туберкулез, который у него обнаружился несколько лет назад.

Мальчишки любили наблюдать из этого укромного места за жизнью простирившегося за прудом Аннавади. С кучи щебня было хорошо заметно, какими ужасающе нелепыми и кособокими выглядят хижины по сравнению с прямыми и стройными гостиницами «Хайат» и «Меридиен», возвышавшимися за трущобами. Создавалось впечатление, что эти лачуги кто-то сбросил с небес и они страшно деформировались, ударившись о землю.

Еще одним маленьким чудом, открывавшимся с дальней стороны пруда, был вид на спрятавшуюся среди городских домов небольшую плантацию. Рядом с ней стояло дерево джамбулан, на котором гнездилось

множество попугаев. Некоторые беспризорные мальчишки ловили этих птиц и продавали на рынке Марол. Но Сунилу удалось убедить Калу, что попугаев лучше не трогать. Маленький мусорщик любил слушать их переключки каждое утро. Он с радостью сознавал, что они живы и здоровы и никто не посягнул на их жизнь ночью. Калу раньше тоже казался Сунилу похожим на яркого и веселого попугая, выделявшимся на фоне остальных уличных ребят. Но в последнее время юный вор ходил подавленный и грустный. Даже кинопредпочтения у него изменились: он забыл о комедиях и все чаще пересказывал своим слушателям мрачные триллеры.

Калу регулярно незаконным образом пробирался в помещения, где размещались кейтеринговые службы разных авиакомпаний. Там он обследовал мусорные баки и забирал все пригодное для переработки. Официально содержимым баков занималась частная фирма по сбору отходов, но мальчишка проследил за графиком ее рейсов и успевал стащить все самое ценное до прибытия машины. В ночь перед плановым вывозом мусора он перелезал через заборы с колючей проволокой и таким образом получал доступ к своим «сокровищам». Ему удавалось добыть использованные поддоны из фольги, в которых поставляли на борт лайнеров свои блюда компании Chef Air, Taj Catering, Oberoi Flight Services, Skygourmet. По его свидетельству, подступы к контейнерам фирмы Oberoi были особенно мудрено защищены от посягательств, как настоящие сейфы.

Но настал день, когда Калу вычислили местные полицейские. Его поймали раз, потом еще и еще. И тут один из констеблей предложил подростку сделку. Он может забирать себе металлолом и фольгу, но в обмен за предоставленную свободу действий должен снабжать полицию информацией о перемещениях наркодилеров. Уличная шпана располагала обычно такими сведениями, и Калу мог их тайно собирать и передавать своим «покровителям» в участке.

Кокаиновый магнат Ганеш Анна, который всегда ходил в белом костюме, давно вел успешную торговлю в кварталах вокруг аэропорта. Дважды в неделю он посылал своих курьеров в другие трущобные районы за очередной партией товара. Курьерами-распространителями были в основном жители Аннавади, молодые ребята, чуть старше двадцати. Ганеш Анна регулярно платил полиции, чтобы ему не мешали работать, но стражи порядка не желали довольствоваться выделяемой им долей. За достоверную информацию о кокаиновом трафике они готовы были закрыть глаза на мелкие рейды по мусорным бакам, которые совершал Калу. Парень носил клочок бумаги с мобильными телефонами

полицейских в кармане рыже-коричневых камуфляжных брюк с большим количеством карманов и заклепок. Они не подошли Мирчи, а потому достались маленькому вору.

Калу одинаково боялся и полиции, и Ганеша Анны. Он понимал, что находится между двух огней. Ему все время вспоминался фильм «Клятва любви», в котором юный хулиган из трущоб тоже попал в ловушку и от отчаяния решил отравиться. Но тут на помощь явилась великолепная Мадхури Дикшит^[86] и спасла героя от гибели. Калу регулярно пикировался с девушками, приходившими к колонке за водой, и хорошо знал всех их. Они с Сунилом понимали: маловероятно, что в трущобах вдруг появится некая новая и прекрасная дива типа Мадхури, которая поможет ему выбраться из того тупика, в котором он оказался. Чем ждать такого чуда, лучше было подбру-поздорову убраться из Мумбаи. Тем более, что отец Калу, не питавший особо теплых чувств к сыну, все же предлагал тому переехать к нему.

Отец и старший брат мальчика были опытными слесарями-водопроводчиками и кочевали по разным городам в поисках заказов. Но у них была собственная хижина в одном из трущобных районов недалеко от Мумбаи. Этот район расположился на склоне холма, так что дома практически висели в воздухе. Калу часто со слезами вспоминал, каким чужим и лишним он чувствовал себя в отцовском доме. Потом он перебрался в Аннавади, где ему было лучше, хотя здесь приходилось спать под открытым небом.

– Мое детство кончилось в одночасье, когда умерла мать, – сказал он как-то Сунилу. – Отец и брат никогда меня не понимали.

Но лучше уж вернуться к непонимающим тебя родственникам, чем жить в постоянном страхе, что тебя прикончит либо полиция, либо наркодилеры. Отец и брат как раз собирались подрядиться на строительство какого-то объекта в гористой местности неподалеку от Карджата, что в двух часах от Аннавади. Калу с детства знал слесарное дело, и на строительстве должна была найтись работа и для него.

Сунилу было жаль, что его друг уезжает. Без него в Аннавади станет совсем тоскливо. Кто теперь будет артистично вращать бедрами, изображая сцены из «Ом Шанти Ом»? Даже за сменой причесок Калу было интересно наблюдать: они менялись в соответствии с его кинопредпочтениями. Недавно он отрастил волосы до плеч, как у безумного парня-студента, которого играл Салман Хан в старой ленте «Все отдаю тебе».

У воров, вроде Калу, статус в социальной иерархии трущобных

жителей был выше, чем у мусорщиков. С уходом Калу Сунила будут более уверенно относить именно к последней категории. Принадлежащие к ней люди настолько всеми презираемы, что ни один прохожий, если что случится, не протянет тебе руку помощи и бросит тебя умирать одного на дороге.

За несколько дней до своего ухода Калу сказал Сунилу:

– Мое настоящее имя Дипак Рай. Но никому его не сообщай. А еще знай, что мое божество – Ганпати^[87].

Он считал, что и Сунил должен поклоняться этому слогоголовому богу, устранителю любых препятствий. Для того чтобы убедить его в этом, Калу даже повел маленького мусорщика в дальнейшее паломничество в храм Сиддхивинаяк, расположенный в центре Мумбаи примерно в пятнадцати километрах от Аннавади.

Вопрос, каким святым и божествам поклоняться, очень волновал многих уличных мальчишек. Некоторые говорили, что Саи Баба^[88] помогает быстрее, чем толстый Ганпати. Другие утверждали, что если Шива откроет свой третий глаз, то сможет испепелить их обоих. Мать Сунила умерла слишком рано и не успела научить сына, каким богам поклоняться. А сам он не мог решить, кто из них наиболее могущественный, а потому колебался в выборе покровителя. Так или иначе, **опыт наблюдения за ребятами из Аннавади позволил ему сделать важный вывод: тот факт, что мальчик поклоняется богам, вовсе не означает, что боги в ответ будут печься о нем.**

Как-то днем мать Абдула пришла в колонию Донгри. Она насквозь промокла под дождем; под глазами у нее залегли темные круги. Абдул вышел из барака. Он был мрачен. Голова его была опущена; перед собой он катил, как мяч, упругий комок грязи. Зеруниза приехала, чтобы забрать его домой. Судья решил, что этот парень вряд ли сбежит до слушаний в особом суде, разбирающем дела с участием несовершеннолетних. Поэтому его отпустили, но со строгим условием: он должен отмечаться в Донгри каждый понедельник, среду и пятницу, чтобы служители Фемиды были уверены, что обвиняемый не скрылся.

Абдул прошел вслед за матерью по длинному зловонному холлу, в котором теснилось множество детей, пересек внутренний двор и вышел на улицу. Дождь почти кончился, и сквозь облака просвечивало бледное солнце, стоявшее уже совсем низко над горизонтом.

– Ну, когда будут разбирать мое дело? – поинтересовался он. – И на какой день назначено слушание с участием отца?

– Неизвестно, – ответила Зеруниза. – Но ты не беспокойся. Положись на бога и молись. Теперь у нас есть адвокат, который знает, что говорить. И тогда все закончится, потому что судья узнает, на чьей стороне правда.

– Узнает, где правда, – отозвался Абдул с сарказмом. Как будто истину так уж легко узнать! Неужели чьи-то слова сделают ее для всех очевидной? Он решил сменить тему.

– Как отец?

– Лекарств в тюрьме на Артур-роуд нет, и там так тесно, что невозможно спать. Ах, на него страшно смотреть – лицо совсем посерело. Но Кекашан говорит, что в ее камере не так все плохо. Она много молится за всех нас. Она считает, что все эти тридцать три несчастья посылает Аллах, чтобы испытать нас.

– Почему ты первым делом вызволила меня, а не отца? – спросил он. – Это несправедливо. Он должен был вернуться домой первым.

С тяжким вздохом Зеруниза поведала ему о всех друзьях и родственниках, которые отказались помочь им и выступить поручителями за Карама. И о том, как ей пришлось унижаться перед семьей предполагаемой невесты Абдула.

– Для всех окружающих наши беды – так, мелочи, развлечение. Повод поболтать, когда одолевает скука, – мрачно сказал Абдул. – Теперь мы точно знаем, что всем на нас наплевать.

Воцарилось долгое молчание. Потом он спросил у матери, как идет бизнес.

У Мирчи дело не шло. Все мусорщики переметнулись к тамилу, владевшему залом игровых автоматов.

Абдул издал странный звук, будто громко икнул. Конечно, он так и думал. Родители готовили Мирчи к иному поприщу, почище, чем сортировка мусора. Даже сам Абдул понимал, что Мирчи нужно заниматься чем-то другим.

– Ладно, – сказал он после паузы, приложив палец к подергивавшейся нижней губе.

Это только кажется, что дела совсем безнадежны. Он начнет все сначала, будет трудиться еще более упорно, чем прежде, и постарается не выходить из себя из-за того, что придется терять три дня в неделю на дорогу в Донгри и обратно. В награду за решение следовать пути праведности, указанному наставником в колонии, судьба пошлет ему дополнительный доход и благосостояние. Он приложит все силы, чтобы больше никогда не оказаться в участке на допросе. Он ни за что не будет

покупать краденый мусор.

Мать не протестовала против его решения. Абдул надеялся, что она хотя бы слышала, что он ей сказал. От усталости у нее был отсутствующий вид. И уж точно она не услышала его, когда он спросил, может ли она вознаградить его за все страдания, купив ему iPod.

Мусорщики пришли к выводу, что Абдул, вернувшись из Донгри, стал намного более разговорчивым. Стоя у весов, он все время расспрашивал, честным ли путем они добыли этот товар. Он повторял снова и снова одни и те же вопросы, а временами делал странные заявления. Например, провозглашал: «Я должен вам кое-что сказать», или: «Послушайте меня внимательно!» После чего он подробно и долго рассказывал про учителя в Донгри, который заметил тауфиз, то есть положительные изменения в его, Абдула, характере.

Абдул утверждал, что в колонии часами беседовал с учителем и что происходящее с мальчиком так тронуло Наставника, что тот даже дал ему номер своего мобильного телефона. Все понимали, что это неправда. Но уличные мальчишки спокойно относились к такого рода обману. Они считали, что хорошо выдуманные истории заняты и помогают убить время. Им было смешно, что сортировщик мусора решил так мелко приврать: что особенного в дружбе с учителем? Единственным, кто умел так же бессмысленно и недальновидно лгать, был Сунил. Тот любил бросать пыль в глаза новому собеседнику, заявляя, что он учится в пятом классе и является круглым отличником.

В середине сентября у Абдула появился новый слушатель, еще не знавший всех этих историй про Наставника: его так называемый «друг» Калу вернулся из Карджата, где он вместе с родственниками подрабатывал на строительстве. Парнишка чуть поправился, прежде всего потому, что вне города нельзя было достать дурмящей канцелярской замазки.

Зеруниза удивилась, узнав, что юный вор так быстро снова очутился в Аннавади. Она позвала его в дом и предложила тарелку еды – остатки семейного ужина. Остатков было больше, чем обычно, потому что дело было в Рамадан^[89] и Хусейны постились. Зеруниза относилась к Калу с материнской теплотой. А тот с удовольствием принимал ее заботу. Весь последний год он называл ее «амма», то есть мама. Такие нежности немного смущали Абдула.

– Где твой отец? Он до сих пор работает в горной деревне? – спросила Зеруниза.

– Да, амма. Но мне пришлось уехать. Я хотел это время года провести

в городе.

В Мумбаи готовились к празднику его любимого божества – Ганпати. Через два дня под звуки барабанов миллионы жителей Мумбаи с радостными возгласами понесут любовно вырезанные из дерева фигурки слоноголового бога к морю, чтобы окунуть их в соленые воды. Защитники окружающей среды смотрели косо на все эти ритуалы, но для Калу это был настоящий праздник, лучший день в году.

– Тебе надо было остаться там, в горах – увещевала его госпожа Хусейн. – Я с трудом тебя узнала, ты так похорошел и выглядишь намного здоровее. Зачем ты ушел от отца? Здесь ты опять вернешься к своим дурным привычкам.

– Я больше не буду воровать, – пообещал ей Калу. – Я стал лучше, исправился. Разве вы не видите?

– Да, исправился, – согласила Зеруниза. – Но разве может вор измениться? Если и может, я таких случаев не припомню.

На следующий день Калу отправился с Сунилом в аэропорт собирать мусор. Вечером они продали собранное Абдулу и вдвоем стояли и болтали возле игрового зала. Они беседовали о том, о чем обычно говорят мальчишки их возраста – о еде, девочках, ценах на утилизируемые отходы. Вдруг к ним приблизился некий инвалид и наркоман по имени Махмуд. Вид у него был пришибленный, глаза стеклянные. По никому не известным причинам он вдруг больно пихнул Абдула в грудь. Еще один увечный на его голову! Разумеется, Абдул не собирался с ним драться. Он пошел домой спать. И Сунил последовал его примеру.

А вот у Калу не было дома. Ему негде было преклонить голову. И он решил отправиться в аэропорт. Пересек шоссе и пошел навстречу мерцанию неоновых указателей, направлявших проезжающих к международному терминалу. «Зал прилета – внизу. Зал вылета – наверху. Счастливого пути!»

На следующее утро Калу нашли мертвым. Труп лежал рядом с красно-белыми воротами авиакомпании Air India. Рубашки на нем не было, длинные волосы, как у Салман Хана, разметались по земле среди травы и цветов.

Глава 11

Добрый сон

Высоченный усатый констебль по имени Нагар въехал в Аннавади на мотоцикле. За спиной у него сидел, с трудом удерживая равновесие, наркоман-инвалид, накануне вечером ударивший Абдула в грудь. Полицейский резко затормозил возле Зерунизы, которая в это время торговалась с одним из мусорщиков. Когда она посмотрела в глаза незваному гостю, все внутри у нее затряслось. У Нагара было не такое выражение лица, с каким обычно полиция являлась, чтобы вымогать деньги. Мрачная и суровая физиономия не сулила ничего хорошего. Скорее всего, он принес дурные вести и новые неприятности пополнят список тех, что уже свалились на голову Хусейнов.

Но нет, ничего страшного не произошло. Просто госпожа Хусейн, следуя примеру Абдула, стала бояться всего на свете. Констебль всего-навсего разыскивал каких-нибудь родственников Калу, а инвалид Махмуд подсказал ему, что Зеруниза может что-то о них знать. У женщины отлегло от сердца, так что даже закружилась голова. Но тут полицейский объяснил, чем вызван его интерес:

– Мальчишка мертв, – сказал он, странно скривив рот.

Она даже не успела охнуть и расплакаться, а полицейский уже нажал на газ и унесся прочь. Тут она услышала, как Абдул забился в истерике.

На протяжении последних нескольких недель ее старший сын всячески старался забыть о том, что с ним произошло в участке. Но сейчас в одно мгновение «плотину прорвало». Он задыхался и бешено выкрикивал отрывочные фразы. Калу, единственный человек, с которым его связывало некое подобие дружбы, мертв. Теперь его, Абдула, арестуют за убийство. «Я в этом уверен, уверен!» – твердил он. Полиция припрет его к стенке, как это было в случае с Фатимой. А тот наркоман, Махмуд, наверняка уже рассказал в участке, что накануне вечером видел Калу в обществе Абдула. На основании этих показаний против него выдвинут обвинение. Полицейские снова будут истязать его, а потом на много лет отправят в тюрьму на Артур-роуд. Он пошатнулся, склонился к земле, судорожно вдохнул, а затем побежал в хижину. Даже Кекашан, которую отпустили до суда под залог, не смогла его успокоить. Теперь опять придется прятаться, но на этот раз уже не в мусорной куче в сарае...

– Калу убили! Выкололи глаза! Зарезали, как собаку!

Другие мальчишки, менее нервные и впечатлительные, побежали посмотреть на тело. Подробности случившегося быстро распространились по трущобному району. Сунил не желал верить слухам, а хотел лично убедиться в том, что все было так, как рассказывают. Лавируя между машинами, он тоже двинулся к аэропорту.

Говорили, что труп нашли в каком-то саду. Но в каком? С тех пор, как консорциум GVK взялся облагораживать территорию вокруг воздушных ворот города, здесь была разбита масса скверов и цветников. И возле отеля «Лила» тоже есть парк, ведь так? В голове Сунилы, расстроенного страшной вестью, все перепуталось, и он не мог сориентироваться на хорошо знакомой ему местности.

Когда он наконец добрался до нужного цветника, там уже собрались менеджеры из Air India и GVK, а полиция никого не допускала к месту преступления. Один из мальчишек сказал Сунилу, что глаза покойнику выклевали вороны и бросили свои трофеи под кокосовыми пальмами.

Издалека маленький мусорщик наблюдал, как полуобнаженное тело Калу загружают в полицейский микроавтобус. Вскоре машина уехала. Смотреть здесь больше было не на что, разве что на желтую ленту, которой полиция оцепила территорию. Перекрученная и блестящая, она обвивала деревья, в том числе ствол буйно цветущей геликонии^[90], цветы которой напоминали широко раскрытые клювы птенцов.

Сунил развернулся и побрел домой вдоль гор строительного мусора (недавно прямо над аэропортовой трассой начали возводить скоростную эстакаду) и мимо развешанных GVK плакатов, гласивших: «Мы позаботимся о вас! Мы позаботимся о вас!». Над его головой красовалась реклама керамической плитки, которая навеки останется прекрасной. Ему было тоскливо; он чувствовал себя таким маленьким и никому не нужным! Кто же так жестоко обошелся с его другом? Но, несмотря на потрясение и тоску, сознание его все же оставалось ясным. Он понимал, как устроено общество, в котором он живет. В Аннавади Калу был звездой. Но для властей и чиновников этого мегаполиса он был лишь букашкой, а его смерть – мелкой неприятностью, которую надо бы поскорее замять.

Согласно официальной статистике, округ, находившийся в ведении полицейских из участка Сахар, был чуть ли не самыми безопасным и спокойным местом во всем Большом Мумбаи. За последние два года здесь было совершено всего два убийства, и это при условии, что территория была обширная – аэропорт, гостиницы, офисные здания, а также десяток крупных строительных площадок и трущобных районов.

Оба убийства были мгновенно раскрыты. «Стопроцентная раскрываемость!», – гордо заявлял старший инспектор Патил, начальник участка Сахар. Но он кое-что недоговаривал: вся штука в том, чтобы не регистрировать убийства людей бедных и незначительных.

Инспектор Марути Джадхав, расследовавший дело Калу, сразу заключил, что, вероятнее всего, смерть наступила «от неизлечимой болезни». А в морге больницы Купер определили, что это была за болезнь. Пятнадцатилетний Дипак Рай по прозвищу Калу скончался от туберкулеза. К такому же выводу пришли здесь, когда обследовали труп раненого мусорщика, умершего от потери крови посреди дороги.

Однако, как правило, подвижные и веселые, легко преодолевающие любое заграждение подростки не умирают вот так в одночасье от туберкулеза. Жители Аннавади знали не хуже патологоанатомов, что эта болезнь сводит человека в могилу постепенно, долго и мучительно. Но имевшиеся на теле жертвы следы насильственной смерти быстро были обращены в пепел: труп спешно сожгли в крематории Парсивада рядом с аэропортовой трассой. Фальсифицированный документ, в котором полицейские отразили придуманную ими причину гибели подростка, постигла та же участь: кто-то положил на эту бумагу непотушенную сигарету, и она прогорела в самом центре. А фотографии, сделанные на месте преступления в соответствии с правилами ведения расследования, фантастическим образом исчезли из дела, хранившегося в участке Сахар.

Абдул и его близкие уже узнали на собственном опыте, что в здесь никто не интересовался личностью жертвы и обстоятельствами того, каким образом и почему она пострадала. Общественная безопасность тоже мало заботила полицейских. Как и во многих других государственных учреждениях Мумбаи, в участке смотрели на вещи прагматично и торговались, как на рынке. Дело о смерти Калу не сулило никакого дохода. Но, с другой стороны, этот случай дал повод полицейским очистить территорию аэропорта от уличных мальчишек, многие из которых обитали в Аннавади.

Вскоре после гибели Калу пятерых ребят схватили и доставили в участок Сахар. Их поместили в «неофициальную» камеру, где избивали и допрашивали под видом расследования убийства их товарища. Потом всех отпустили, но дали понять, что если они не уберутся подальше от облагораживаемой властями территории аэропорта, их привлекут к ответственности как соучастников этого убийства. Мальчики знать

не знали, что полиция уже закрыла дело на основании заключения о том, что смерть была естественной.

Один из них, беспризорных подростков, по имени Каран тут же покинул Аннавади и даже Мумбаи. Больше его никто не видел. Другой, Санджай Шетти, начал судорожно собирать любые попадавшиеся под руку отходы и сдавать их Хусейнам, чтобы добыть деньги на дорогу и скрыться.

Зеруниза ахнула, когда увидела его:

– Что у тебя с лицом? – спросила она. – Почему ты плачешь?

Шестнадцатилетний Санджай выделялся среди прочих уличных ребят высоким ростом и удивительной красотой. В его речи слышались ярко выраженные южноиндийские интонации.

– Твоя речь звучит, как любовная песня, – сказала ему как-то в шутку Зеруниза. – Тот, кто тебя слушает, может растаять от умиления.

Но сейчас он и говорить толком не мог.

– Успокойся и объясни, что случилось, – попросила госпожа Хусейн.

Всхлипывая, парень поведал ей, что видел, как в темноте возле ворот Air India на Калу напала какая-то банда. А потом пожаловался, что его самого жестоко избили в участке. Санджай не знал, чего больше бояться: того, что убийцы Калу поймут, что он был случайным свидетелем преступления, и начнут охотиться за ним, или что полицейские снова потащат в участок и будут пытаться и допрашивать.

Остаться в Аннавади и спать на улице он больше не мог, поэтому решил отправиться к матери. А куда еще ему было податься? Несколько лет назад их хижина, расположенная неподалеку от аэропорта, сгорела, и семья перебралась в Дхарави. Это был самый крупный трущобный район Мумбаи. Он находился в пяти милях к югу от Аннавади.

Зеруниза согласилась, что там Санджаю будет легче затеряться, чем в нынешнем месте обитания. Она дала ему денег и долго смотрела, как он убегает по дороге, ведущей к аэропорту.

Когда он вошел в дом в Дхарави, его сестра, четырнадцатилетняя Ананди, готовила ужин. Она варила чатни^[91] из помидоров, но чуть не уронила кастрюлю, как только увидела напуганное и растерянное лицо брата. Дети были очень привязаны друг к другу. Недавно он даже сделал наколку на плече – поместил первую букву имени сестры рядом со своими инициалами. На это он потратил редко появлявшиеся у него свободные деньги. Ананди часто ворчала, что если он ее так любит, то лучше бы появлялся дома почаще. Но хижина размером в шесть квадратных метров была слишком тесна для троих. К тому же Санджай любил находиться поближе к аэропорту. Он шутил, что чувствует себя там более свободным:

всегда есть возможность сесть на самолет и куда-нибудь улететь.

Мальчик взял сестру за руку, и они сели рядышком на полу. Санджай рассказал ей, что стал свидетелем расправы с Калу.

– Они убили моего друга, – повторял он. – Разделались с ним в одну секунду, как будто он был просто мусором.

Потом он взял себя в руки и начал наставлять Ананди: она должна прилежно учиться и не волновать мать, которой в это время не было дома – она ухаживала за пожилой женщиной в соседнем районе, где жили в основном семьи среднего класса.

Сестра посмотрела на него с удивлением:

– Санджай, и это ты мне говоришь? Учиться? Я же, как и ты, должна работать, чтобы хоть как-то прокормиться. И, по-моему, мама беспокоится в основном из-за тебя, а не из-за меня.

– Ты также должна как следует высыпаться, – продолжал он, не слыша ее. – Мне кажется, ты плохо спишь.

Ананди не понимала, что значит этот странный покровительственный тон. Может, он нанюхался канцелярской замазки? Все это ей надоело, и она встала. Да, ей жаль, что этого Калу убили. Она видела его как-то – он очень нахваливал еду, которую приготовила девушка, и все время смешил ее. Но не может же она сидеть здесь вечно. Надо варить рис и тушить овощи. Она встала и повернулась к плите, а Санджай растянулся на полу и прикрыл глаза.

Может, он таким образом демонстрировал, как надо правильно спать? Через час вернулась мать. Юноша уже встал с пола и нервно ходил из угла в угол, слушая песню «Любовь и обман» из альбома «Грустные песни»^[92]. «Мелодии разбитых сердец», – иронично называла эту музыку его мать, закатывая глаза.

Песню исполнял дуэт. Муж, виновный в измене, выводил: «Всего одна ошибка!», а жена в ответ напевала ему о том, как жестоко она ему отомстит. Мать попыталась перекрыть магнитофон:

– У меня разболелся живот, наверное, съела что-то несвежее на обед.

Она побежала в туалет, на ходу бросив:

– Подожди, Санджай! Не уходи.

– Я никуда не уйду, – пообещал он.

Вернувшись, женщина застала в доме страшную картину: Санджай лежал на полу, судорожно подергиваясь. Рядом билась в истерике Ананди. Мать попыталась приподнять голову сына, думая, что у него случился эпилептический припадок. Тут она ощутила какой-то странный химический запах у него изо рта. Сестра бросилась в угол комнаты

и отыскала там маленькую пластиковую бутылочку. Она видела ее чуть раньше в руках у брата. Ананди решила, что это мыльные пузыри: он обожал их пускать. Но это оказался крысиный яд.

Потом Санджай повернулся к стене и категорически отказывался выпить соленую воду, которую приготовила мать, чтобы вызвать рвоту. Мальчика отвезли в городскую больницу, где он умер через два часа. Возвращаясь домой в Дхарави после полуночи, поседевшая от горя мать выкинула в сточную канаву бумажки, на которых врач написал, какие лекарства необходимо принести ее сыну. Времени на то, чтобы бегать по аптекам и все это покупать, просто не оставалось. Поэтому спасти Санджая не удалось.

Полиция «свернула» дело об этой смерти так же быстро, как и расследование гибели Калу. Никто не зафиксировал, что мальчик был свидетелем преступления и нуждался в защите. И конечно, нигде не значилось, что он сам стал жертвой: его избили и до смерти запугали в полиции. Документы гласили, что Санджай Шетти, героиновый наркоман, свел счеты с жизнью, потому что не мог достать очередную дозу.

Столичные политики и интеллектуальная элита любили сетовать на то, что необразованные народные массы мыслят иррационально. Но что делать, если правительство все время лжет или просто не дает ответа на остро стоящие перед обществом вопросы? Остается лишь довольствоваться слухами, предположениями и строить теории заговора. Иногда эти теории служат хоть каким-то утешением в постигающих людей несчастьях.

Сунил и Абдул сблизились, пытаясь понять и принять смерть Калу и Санджая. Нет, друзьями они не стали. Скорее это общение казалось вынужденным. Трудно дать определение таким отношениям. Наверное, двое живых мальчишек чувствовали свою связь с двумя покинувшими этот мир, а потому тянулись друг к другу. Сунил и Абдул теперь чаще, чем раньше, сидели по вечерам вдвоем. Но говорили они на удивление мало и, как правило, о посторонних вещах. Оба понимали: предмет их обсуждения малозначителен, а то, что стоило бы обсудить, невозможно выразить словами.

Сунил был уверен, что Калу убили охранники Air India, когда поймали его возле своих мусорных контейнеров. Абдул же полагал, что его прикончили наркодилеры, на которых он доносил полиции.

– Так или иначе, это была собачья смерть, – часто вздыхал Абдул.

А Сунил почему-то в этот момент всегда вспоминал задуманную героем Уилла Смита овчарку в том фильме, который они с Калу смотрели в кинотеатре Pinky Talkie Town.

Мирчи считал, что надо прекратить рассуждения на эту тему.

– Да, то, что крал, было всего лишь мусором. Но этот мусор принадлежал другим. Так что рано или поздно его все равно постигла бы такая участь.

Уличные мальчишки считали, что с Калу разделались такие же, как они, бродяги. «Я уверен, что это Махмуд!». «Наверное, это Каран. Он ведь сбежал сразу после убийства». Все друг друга подозревали, яд недоверия разъедал души трущобных жителей. Кто-то считал, что все это месть призрака Фатимы; другие не верили в такие рассказы.

Отец Калу почему-то ополчился на женщину, которая готовила острый рис с курицей и продавала его в ларьке рядом с трассой. Калу часто покупал у нее еду, и вообще она была в курсе того, что происходит в районе, поэтому отец рассчитывал, что она хоть как-то прояснит обстоятельства неожиданной смерти его сына. Но хозяйка лавки даже не подняла на него глаза:

– Калу? Какой такой Калу? – только и произнесла она, уставившись в казан с рисом. Полиция и морг больницы не давали никаких объяснений, а поэтому отец решил, что корень зла – продавщица риса.

А вот мать Санджая не знала, кого винить. Еще несколько недель после самоубийства сына она бродила по улицам Аннавади, спрашивая всех, кто попадался ей на пути, отчего ее мальчик решился на самоубийство.

– Я не смогу спать, пока не узнаю этого, – говорила она дочери. – Голова моя полна разных предположений, но ни одно из них не объясняет, почему это произошло.

Сунил и другие уличные мальчишки с горечью смотрели, как она ходит по улицам трущобного района. Они знали мать Санджая до того, как та перебралась в Дхарави. Но сейчас она очень изменилась и выглядела почти старухой. Она постарела от горя: видимо, очень сильно любила сына. Но как объяснить ей, что привело к гибели подростка, не упоминая при этом Калу и роль во всем этом деле полицейских из участка Сахар? Даже тамил, хозяин игрового салона, известный своими тесными связями с полицией, боялся произносить имя Калу. Матери Санджая ничего не удалось узнать. Лишь один раз ей ответили на ее вопрос. Многодетная женщина, жившая на улице, как-то осмелилась прошептать несчастной на ухо: «Твой сын умер со страхом в сердце!»

Почва рядом с воротами Air India была черной и жирной. Примятые

телом Калу цветы быстро выросли снова благодаря заботам штатных садовников аэропорта. Как-то днем Сунил пришел сюда, чтобы тщательно обследовать это место. Он пригнулся и осмотрел клумбу. Никаких улик найти не удалось.

Часть четвертая

Вверх и в стороны

*Не забивай себе голову размышлениями о том,
насколько ужасной бывает человеческая
жизнь.*

Зеруниза Хусейн, мать Абдула

Глава 12

Девять ночей танца

К концу сентября 2008 года Айша полностью взяла под контроль Аннавади. При этом никакой официальной церемонии вступления в должность старосты не было. Никто не короновал новую владычицу трущобного квартала. Она продвигалась к своей цели постепенно, шаг за шагом, а тем временем очередь просителей у ее дома все росла. Полицейские начали исправно отвечать на ее звонки, а глава округа Субхаш Савант, когда приехал выступить перед жителями, предложил ей занять пластиковое кресло рядом с его собственным. Покровитель Айши снова обрел уверенность в себе, потому что дело о сфабрикованных документах, подтверждающих кастовую принадлежность, похоже, увязло в суде. Айша сидела рядом с ним на выстроенной у сточного пруда сцене, и казалась почти ровней высокому чиновнику. Во всяком случае, золотая цепь на ее шее была почти такой же массивной, как у главы округа. Покупку этого украшения она смогла себе позволить благодаря доходам от кассы взаимопомощи, деньги из которой раздавались под высокие проценты беднякам.

Айша почувствовала, что прочно держит нити власти в своих руках, и немного расслабилась. Она перестала придумывать изощренные оправдания, чтобы объяснить семье свои вечерние встречи с чужими мужчинами. Когда муж пригрозил ей самоубийством, она ласково утешила его, но исправиться не обещала. Она поправилась на пять килограммов, и это ей шло: глубокие складки под глазами, последний след тяжелой юности, стали мягче.

Айша сожалела лишь о том, что у нее нет близких друзей, перед которыми приятно было бы похвастаться успехом. Ей приходилось хранить многое в секрете, поэтому посплетничать с другими женщинами она не могла. Общение с некоторыми людьми пришлось прекратить из прагматичных соображений.

– Разве у меня есть здесь друзья? – часто жаловалась она Манджу.

Но теперь и дочь как-то отдалилась. А когда девушка все же решалась прямо посмотреть в глаза матери и заговорить с нею, то затронула самую неприятную для Айши тему – о гибели одноногой Фатимы.

Смерть Калу и Санджая стала шоком для многих, но больше всего она

потрясла уличных мальчишек. Что до самосожжения Фатимы, то оно стало любимым предметом обсуждения для женщин. Воспоминание о нем то стиралось, то снова всплывало в разговорах соседок. Спустя два месяца после устроенного Одноногой трагического шоу эта история обросла множеством слухов и фантастических подробностей. Все как-то упустили из виду, что сама жертва сожалела о том, что учинила над собой. Теперь ее поступок воспринимали как отчаянную акцию протеста.

Но против чего, собственно, протестовала Фатима? На этот счет существовали разные версии. С точки зрения самых бедных, ее довела до иступления нищета. Больные и инвалиды полагали, что всему виной презрительное отношение окружающих к физической неполноценности. А несчастливые в семейной жизни, коих было множество, считали, что таким образом она выступила против браков по сговору, заключаемых без согласия невесты. Почти никто не вспоминал о том, с чего начался конфликт: о зависти, новой столешнице, шаткой стене и падающем в рис щепне.

В один из вечеров жена владельца борделя вышла на майдан, облила себя керосином, провозгласила имя Фатимы и пригрозила всем, что сейчас зажжет спичку. В другой раз избитая мужем женщина и вправду подожгла себя. Но она выжила и почти не получила травм и ожогов. После этого Манджу и ее подруга Мина во время своих тайных встреч у туалета стали обсуждать более надежные способы сведения счетов с жизнью.

Манджу поведала своей пятнадцатилетней наперснице, что впервые подумала о самоубийстве в тот самый день, когда Айша сбежала с празднования своего сорокалетия. После этого подобная мысль посещала ее не раз. Девушку мучили стыд и тоска, когда она думала о любовных похождениях матери. Чем подруга могла помочь ей? Она предлагала посмотреть на это дело с другой стороны. Родители и братья регулярно и жестоко избивали Мину. Целыми днями она выполняла разные хозяйственные поручения, а «прогулки» к колонке или в туалет были для нее единственными выходами в свет. Поэтому, по ее мнению, можно было многое простить матери, которая оплачивала учебу дочери в колледже, лишь изредка давала ее затрещины и не пыталась выдать девушку замуж в пятнадцать лет.

Мина убеждала Манджу, что нужно выплескивать черные мысли, рассказывая обо всем, что тяготит душу. Говорят, это правильный, современный способ преодоления проблем.

— Вот ты часто замечаешь, что цветы, которые я прикалываю к волосам, долго не вянут, — сказала она как-то раз во время их встречи в туалете. —

Это потому, что я не держу зла в сердце. Я даю волю гневу и горечи, и от этого мне легче.

Манджу поморщилась. Она не хотела обсуждать поведение матери. Об этом и так слишком много судачат на каждом углу.

– Да, наверное, мое сердце совсем почернело от невысказанной боли, – вздохнула она, опуская голову. – Цветы у меня в волосах увядают через два часа.

Манджу считала, что разумнее будет попробовать практику отрицания, которую они проходили на лекциях по психологии. Надо просто прекратить думать о матери. «Если я не сумею блокировать эти мысли, у меня не будет сил заниматься», – думала она. А экзамены, после которых она по праву сможет считаться первой в Аннавади девушкой с высшим образованием, должны состояться уже через несколько месяцев.

Основываясь на теории бессознательного, Фрейд дает определение фантазиям: это неудовлетворенные желания, реализуемые в воображении. Он разделяет фантазии на два основных типа:

- а) амбициозные,
- б) эротические.

В основе желаний молодых мужчин обычно лежат амбиции. Молодые женщины реализуют в фантазиях в основном эротические желания. Среднестатистический человек стыдится своих фантазий и скрывает их от окружающих.

Заучивая конспекты по психологии, Манджу поняла, что придется стереть из памяти еще одно болезненное воспоминание. **Виджай, парень, принадлежащий к среднему классу, герой из отряда гражданской обороны и первый мужчина, взявший ее за руку, недавно сказал ей: «В следующей жизни ты сможешь стать моей женой, но не в этой».**

Многие девушки в Аннавади с нетерпением ждали конца сентября. В это время проходил ежегодный веселый и романтичный праздник Навратри^[93], время флирта и игр.

Мальчишки больше всего любили другие праздники – Холи^[94] и Хаанди^[95]. На Холи они устраивали озорные потасовки, колотя друг друга воздушными шариками с подкрашенной водой, а на Хаанди люди вставали друг другу на плечи, образуя высокие пирамиды, а потом все вместе падали животами в грязь.

Девочкам не разрешали валяться в грязи. Но во время девяти ночей танца, устраиваемых на Навратри, они могли веселиться наравне

с мужчинами. И вообще это был их праздник. Считалось, что именно в это время, по окончании сезона дождей, богиня Дурга побеждает силы зла во всей вселенной, а люди радостно приветствуют ее триумф. Все преклонялись перед этим женским божеством, поэтому даже Мине родители разрешили принарядиться и пойти потанцевать.

В прошлом году накануне Навратри Мина и Манджу потратили много часов на приготовления к празднику. Было решено, что Манджу наденет темно-синее сари. Теперь ей не стоит туго его затягивать, ведь у нее оформились грудь и бедра, почти как у матери. А тоненькой Мине, которая не толстеет, сколько бы печенья Good Day она ни поглощала, очень пойдет стильный красный шальвар-камиз^[96].

Мина понимала, что ей трудно конкурировать с подругой, у которой была потрясающая фигура, точеные черты лица и прекрасные волосы. Чего стоило одно только умение Манджу стоять абсолютно прямо, не шелохнувшись – ровная спина, втянутые ягодицы! Мина, напротив, была очень подвижной и беспокойной, егозой и ни минуты не могла устоять на месте. **Но когда она откидывала назад голову и смеялась, так что белоснежные зубы сверкали на смуглом лице, ее можно было счесть еще более ослепительной красавицей, чем Манджу.** В такие мгновения казалось, что эта яркая девушка на многое способна, и ей все подвластно. И все же ничего чудесного с ней не происходило, во всяком случае, во время Навратри 2007 года. В первый же вечер, когда женщины вышли на майдан танцевать, их накрыл последний ливень сезона дождей. Все вымокли и увязли в грязи. Относительно чистым остался лишь подиум у сточного пруда. Но вокруг копошились питавшиеся отбросами свиньи, издававшие после долгого периода сырой непогоды особенно сильное зловоние.

Все ждали, что в 2008 году праздник пройдет несравнимо лучше, тем более, что за его подготовку взялась сама Айша. Она знала, насколько значимы эти девять дней для девушек, поэтому решила постараться – пригласить «живую» музыку, ди-джея с мощными усилителями, соорудить большой навес, чтобы поместить туда статую богини Дурги, развесить цветные лампочки над майданом, где будут проходить танцы. Руководители Шив сены и их соперники из партии Индийского национального конгресса дали денег на всю эту роскошь. Приближались выборы, и нужно было привлечь голоса избирателей из трущобных районов, поэтому политики и проявили такую щедрость.

Обитателей Аннавади надо было повеселить и приободрить. Ведь рецессия, начавшаяся на Западе, уже добралась и до Индии. Если раньше

доходы беднейших слоев населения страны росли вслед за мировым рынком, то теперь, согласно той же логике, глобальный спад привел к снижению уровня жизни самых обездоленных индийцев. Цены на утилизируемый мусор упали. Количество рабочих мест на строительстве сокращалось, так как многие проекты, приостановленные на период дождей, так и остались замороженными. Поток иностранных инвестиций почти иссяк. А инфляция тем временем набирала обороты. Цены на продукты взлетели отчасти еще и из-за засухи и неурожая в Видарбхе^[97] и других сельскохозяйственных районах штата.

Политики отреагировали на эту ситуацию так, как издавна было принято в Мумбаи: отправили к беднякам ди-джеев и зажгли иллюминацию. В дни праздника трущобы сияли такими же яркими красками, как и фешенебельные кварталы с их элегантными высотными зданиями. А музыка гремела здесь в десять раз громче, чем в других районах города. Мина с особым нетерпением ждала приезда музыкантов и включения огней. Это ведь ее последний Навратри в городе. В следующем году должно было произойти то, чего она так боялась: ее отправят в далекую деревню в штате Тамилнад, чтобы выдать там замуж за просватанного с детства жениха.

Когда-то Мина гордилась тем, что она – первая девочка, родившаяся в Аннавади. Но теперь, когда она готовилась покинуть Мумбаи, то с горечью думала, что за свои пятнадцать лет мало что повидала и почти ничему не научилась в большом городе. Целыми днями она занималась домашним хозяйством. При этом все, что она с таким рвением отмывала, вскоре снова становилось грязным. Почему именно ее все винили в этом? Почему мать так ругала ее за то, что она теряет по два часа в день, стоя в очереди к едва работающей колонке? Все остальные хозяйки ежедневно точно так же подолгу ждут воды.

По телевидению только и твердили о том, что сейчас в Индии открывается множество новых возможностей для женщин. Героиней любимого тамильского сериала Миной была одинокая самостоятельная девушка, работающая в офисе. А в ее любимом рекламном ролике апельсинового напитка «Миринда» южноиндийская кинозвезда по имени Асин обещала всем безудержное веселье и капельку безумия.

Где найти эту новую Индию с ее современными, эмансипированными, бросающими вызов всем условностям женщинами, Мина не знала. Может, Манджу когда-нибудь доведется увидеть все это, когда та получит диплом об окончании колледжа. Но и в этом Мина была не уверена, ведь она

никогда не встречала женщин с высшим образованием и не представляла себе, как складывается их жизнь. Так или иначе, после сериалов и рекламы «Миринды» ей казалось, что она ведет крайне примитивное существование. Никакой свободы, сплошное принуждение – постоянное домашнее насилие, вынужденное замужество. Когда же она наконец сможет сама что-то решать?

Недавно в нее влюбился парень. Не ее жених, а другой. В любом сериале эта история стала бы гвоздем сюжета. Но в строго регламентированной и контролируемой родственниками жизни Мины это было всего лишь эпизодом, правда, приятным. Молодой человек, друг ее старшего брата, жил в соседнем трущобном квартале и работал на фабрике. Он собирался вскоре покинуть родину и отправиться в одну из стран Персидского залива, где ему предложили работу уборщика. Только так он мог заработать достаточно денег, чтобы жениться и прокормить супругу и будущих детей. Однажды вечером, придя в гости в дом Мины, он незаметно передал ей бумажку со своим номером телефона. Следующим вечером она потихоньку выскользнула за дверь, добежала до телефона-автомата и позвонила своему поклоннику. Вот так тайком они разговаривали раз шесть или семь. Из этих бесед Мина и узнала, что на заработки он едет ради нее, потому что именно ее он видит в роли своей будущей жены.

Их флирт зашел слишком далеко. Она решила, что надо внести ясность и дать достойный скромной и послушной девушки ответ.

– Если любишь меня – люби, – сказала она молодому человеку. – Я ничего не имею против и даже рада этому. Но ты должен понимать, что меня выдадут замуж за другого, поэтому между нами возможна только дружба.

Такое проявление здравого смысла порадовало Манджу. Она знала, что ее подруга очень честна, прямолинейна, и если бы она завела тайную интрижку с парнем, родные быстро бы ее раскусили. Братья и так несколько раз ловили ее у телефона-автомата, и каждый раз ей за это сильно доставалось.

– Но ведь ты месяц назад говорила, что тебе понравился твой суженый из деревни, – сказала как-то Манджу.

Мине действительно был симпатичен ее жених, который звонил каждое воскресенье. Он даже сам мыл за собой тарелку после ужина! Неслыханное чудо, поражавшее и его невесту, и Манджу. Ведь он мог запросто приказать сестре, чтобы она убрала за ним. Дело было не в нем, а в том, что девочка не была готова выйти замуж в пятнадцать лет.

Отец Мины с восторгом описывал ей будущую семейную идиллию:

– Достаточно вам один раз остаться вдвоем, и ты забудешь все свои сомнения!

Отец Манджу смотрел на ситуацию более трезво и цинично:

– Жизнь в семье не бывает счастливой. Ты счастлив только пока предвкушаешь брак.

Но Мина не испытывала никакой эйфории от ожидания замужества. Каково ей будет в новой роли? Что, придется так же, как и сейчас, выполнять все домашние обязанности? А что, если взрослая жизнь в браке окажется такой же беспросветной и однообразной, как ее детство?

Для Мины, как и для Манджу, вхождение в сельскую семью было равноценно путешествию во времени, возвращению в прошлое. В родной деревне Айши жили люди, принадлежащие касте кунби. Далитов, к которым относилась Мина, они сторонились, как прокаженных. Они считались грязными, неприкасаемыми, должны были селиться компактно в специально отведенных для них пригородах. **Далита в доме кунби терпели только тогда, когда нанимали его убирать мусор или чистить сточные канавы. Если такой человек нечаянно прикоснется к чашке хозяев, ее придется выкинуть.** Сельчане с подобными предрассудками с ужасом бы посмотрели на то, как Мина и Манджу сидят, прислонившись друг к другу. А то, что девушки по очереди пользовались одним и тем же небесно-голубым сари, повергло бы их в шок.

Манджу надевала это сари прошлой весной на Новый год по календарю Махараштры. А Мина заимствовала его на Новый год по календарю тамиллов. При этом она более туго обматывала его вокруг своей фигуры, закладывая более глубокие складки.

– Когда я свободно драпирую его, как ты, то кажусь себе очень большой и мягкой, как плюшевая игрушка, – говорила она Манджу.

Подруги решили, что справедливо будет, если на Навратри оно достанется Мине. Это ведь последний праздник танца, который она встречает в Мумбаи.

– Боюсь, что мать все же решит выдать меня за того военного из деревни, – пожаловалась как-то Манджу во время очередной беседы в туалете, где они регулярно встречались, поворачивались спиной к трущобам и обсуждали свои проблемы.

С тех пор, как семейство съездило в Видарбху, Раул часто дразнил сестру, рисуя «веселые» картины ее будущей сельской жизни:

– Тебе придется покрывать голову, а еще готовить для свекрови и убирать за ней. Муж все время будет на службе, так что тебе будет очень

одинок.

– И что ты будешь делать, если мама все же решит выдать тебя за него? – спросила Мина.

– Думаю, сбегу к тете. Она меня спрячет. Как я могу согласиться на такую жизнь?

– Может, лучше тогда последовать примеру Фатимы? – задумчиво произнесла Мина. – Разом покончить со всем этим, если ты знаешь, что все равно будешь несчастна. Но я, чтобы расстаться с жизнью приняла бы яд, а поджигать себя не стала. Если сгоришь, люди запомнят тебя почерневшей, обугленной и некрасивой.

– Зачем ты об этом думаешь? – покачала головой Манджу. – Тебя неделю тошнило после того, как ты увидела ожоги Фатимы. И опять будет тошнить, если ты не прогонишь эти мысли, как это делаю я.

Разговаривая, они невольно время от времени оглядывались, чтобы удостовериться, не подслушивает ли их дух одноногой соседки. Ее проклетия разносились когда-то по всему Аннавади, и во многих семьях было принято винить ее во всех нынешних бедах. При этом жители почему-то считали, что обитает привидение именно в этом туалете. Все помнили, как она ковыляла сюда, разукрасив лицо помадой. «Стук-стук-стук», – слышалось тогда позвякивание костылей. С тех пор многие не решались заходить в уборную, полагая, что безопаснее справить нужду снаружи.

– Не волнуйтесь, – утешал девушек Раул. – Когда Одноногая умерла, она не взяла с собой костыли, так что ее призрак вас не догонит.

Манджу была склонна согласиться с братом. К тому же она знала, что люди из высшего общества в привидения не верят.

А вот Мина была ужасно суеверной. Недавно ее мать рассказала, что видела, как вокруг испачканных кровью тряпок, которыми девушка пользовалась во время месячных и часто выбрасывала, где попало, крутилась змея. Мать была в ужасе и заявила, что это дурное предзнаменование. Чрево ее дочери может оказаться бесплодным.

Манджу подозревала, что ничего такого не было, и женщина выдумала всю эту историю, чтобы запугать дочь и сделать ее более покладистой.

Но Мину предсказание потрясло.

– Это значит, что внутри меня все засохнет, и я умру, – сказала она как-то, рыдая, Манджу.

Даже в Мумбаи к замужним женщинам, не имеющим детей, относились с подозрением. Что уж говорить о деревне, где бесплодные жены становились изгоями^[98].

С недавних пор во время встреч в туалете Мина все чаще рассуждала об опасных вещах. С одной стороны, только здесь, рядом с подругой, она чувствовала себе более или менее свободной. С другой – «змеиное проклятие» и постоянные разговоры о призраке Фатимы привели к тому, что она все время думала о смерти. И все же что-то продолжало удерживать ее от последнего шага.

За день до того, как начался первый Навратри, срежессированный Айшой, майдан решили привести в порядок. Абдула с его кучами мусора сослал подальше, с глаз долой. Женщины тщательно вымели двор. Один из мальчишек забрался на флагшток и закрепил на нем конец гирлянды лампочек, а другие схватили противоположные концы проводов и растащили их в разные стороны, прицепив к карнизам обрамлявших майдан домов. Вечером Манджу и Айша должны были привезти статую божества из соседнего района, и на этом приготовления к празднику будут закончены.

Около полудня Манджу бежала из колледжа домой и думала, как же она успеет провести занятия своей домашней школы, выучить сюжет очередной пьесы из курса английской литературы и сделать все хозяйственные дела. При этом надо еще выкроить не менее часа на то, чтобы съездить за статуей.

– Я зайду перед ужином, – крикнула она Мине, которая с порога своей хижины махала рукой подруге. Манджу не хотелось, чтобы ее лишили удовольствия танцевать вместе со всеми из-за того, что она не успела закончить стирку.

Через четыре часа белье было развешано, а занятие с детьми, закончившееся традиционной зарядкой «руки в стороны, вверх, в стороны, вниз», успешно проведено. И Манджу наконец отправилась к Мине. Подруга сидела у дверей дома и смотрела на блистающий чистотой майдан. Это было странно. Обычно родители не разрешали ей сидеть на ступеньках: они считали, что это подпортит ей репутацию, потому что так ведут себя только легкомысленные девушки.

Манджу пристроилась рядом с ней. Во второй половине дня многие женщины в Аннавади позволяли себе немного отдохнуть от домашних дел перед тем, как взяться за приготовление ужина. Несколько лет назад девочки любили в эти редкие свободные минуты поиграть в классики перед домом. Но теперь они повзрослели; Мина была «невестой на выданье», так что прыгать по двору было несолидно. И вообще сейчас она выглядела какой-то усталой. В ней не было ее обычной неумной

энергии и живости. Может, это потому, что перед каждым Навратри она строго постилась, чтобы умиловить богиню Дургу.

Время от времени девушка сплевывала на землю.

– Тебя что, тошнит? – спросила Манджу через некоторое время.

Мина покачала голова и снова сплюнула.

– Так что же ты делаешь? – снова стала пытаться подружка, на этот раз полушепотом. – Ты что, жуешь табак? – громко говорить нельзя было. Где-то рядом была мать Мины.

– Нет, просто сплевываю, – ответила девушка, пожав плечами.

Манджу немного обиделась, потому что подружка явно не желала поддерживать беседу, и встала, чтобы вернуться к себе и снова взяться за домашние дела.

– погоди, – сказала вдруг Мина и протянула к ней руку. В кулаке была зажата пустая баночка от крысиного яда.

Их взгляды встретились, и Манджу стремглав бросилась в хижину, где мать Мины толкла рис, чтобы приготовить идлисы^[99]. Манджу на одном дыхании выпалила:

– Крысиный яд! Мина-дурочка отравилась! Теперь она умрет!

Мать продолжала толочь рис:

– Успокойся, – сказала она Манджу. – Она прикидывается. Несколько недель назад она тоже заявляла, что приняла яд, но ничего не произошло.

Мать Мины страшно устала от вызывающих выходок своей строптивой дочери. В преддверии многодневных танцев та совсем потеряла голову. Ее застали в два часа ночи говорящей по телефону с одним из городских парней и как следует побили за это. А днем она отказалась готовить омлет младшему брату. Сказала, чтобы ее не искушали едой во время поста. За это ее тоже поколотили. Сейчас брат собирался в третий раз за день задать ей трепку за то, что она расслаживается на пороге. Но тут она сочинила басню про крысиный яд.

Манджу с легкостью поверила тому, что сказала мать Мины. Но все же, если ее подружка сознательно устроила этот спектакль, она бы не скрывала от Манджу своих истинных намерений.

Манджу вышла на крыльцо, наклонилась поближе к Мине и принялась.

Тут ей почему-то вспомнились драконы из мультфильмов, изрыгающие огонь и дым. Позже ей казалось, что она даже видела пламя, вырывающееся изо рта Мины и из ее носа, будто у той все внутри горело. Нет, только не это! Неужели крысиный яд? Мысли роились в голове, и она никак не могла решить, что делать. Если закричать и позвать на помощь,

все узнают, что Мина совершила попытку самоубийства, и о ней будут плохо думать. Надо действовать тихо. Она побежала к телефону-автомату и позвонила Айше:

– Мамочка, – быстрым шепотом затараторила она в трубку. – Мина приняла крысиный яд, но ее мать не верит. Я не знаю, что делать.

– О, черт! Ты должна немедленно заставить ее проглотить табачные листья, чтобы ее стошнило, – ответила Айша.

Но что же люди скажут о Манджу, если увидят, как она покупает табак? Она быстро отыскала женщин-тамилок, живших на той же улице, что и Мина, и попросила совета у них.

– Моя подруга отравилась, – тихо сообщила им Манджу. – Помогите, я не знаю, что предпринять!

Те лишь покачали головами:

– Последнее время в этой семье постоянные драки, – сказала одна из них.

– Нет! – закричала Манджу, забыв о том, что нужно все держать в секрете. – Да не будьте же такими равнодушными! Надо что-то делать!

Мина подошла к ним и стояла у нее за спиной.

– Ты действительно проглотила крысиный яд? – обратилась к ней одна из соседок.

– Да, – еле слышно ответила девушка.

– Ты съела все, что было в этой банке? – допытывалась Манджу. Некая женщина с этой же улицы недавно приняла половину баночки такого же средства, «Ратола», и ее удалось спасти.

– Все, – и Мина сложилась пополам от рвотного спазма. Темные локоны закрыли ее лицо. Рвоты не было, она снова выпрямилась и заговорила каким-то странным голосом, очень быстро произнося все слова. «Ратол» стоил сорок рупий на рынке Марол. Она выкрала мелочь у отца и братьев, чтобы купить его. Еще она упоминала, что ее все время избивают. А потом бросила что-то про младшего брата и оmlет. А еще она успела рассказать, что решила свести счеты с жизнью не в припадке гнева, как Фатима. Мина все тщательно обдумала. **Она уже дважды пробовала принимать крысиный яд некоторое время назад, но всякий раз у нее начиналась рвота, и все выходило, не причинив ей существенного вреда. Но теперь она смешала яд с молоком и надеялась, что благодаря этому отравы сможет усвоиться в желудке и уж наверняка убьет ее.**

Она сознательно приняла это решение. Но поделиться этим планом с лучшей подругой заранее было невозможно.

Мина, тонкая, как тростинка, тяжело опустилась на землю. Одна

из соседок вскоре принесла миску с соленой водой.

– Это должно вызвать у нее рвоту, – сказала она, оттянула назад голову девушки и влила в ее рот жидкость. Мина сглотнула. Все сидели и ждали. Начались рвотные спазмы, до желудка ее не пробрало.

– Может, попробовать воду с мылом? – предложила другая соседка. Она пошла в дом, чтобы натереть брусок скверно пахнущего хозяйственного мыла «Мадхумати».

Мина зажала нос, когда в нее вливали этот напиток. Наконец она извергла из себя струю ярко-зеленой вспененной жижи.

– Мне уже лучше, – сказала она вскоре. – Все вышло.

На ее лице выступили крупные капли пота. Стоять она не могла, ее пошатывало. Мать увела ее домой, чтобы она могла поспать и набраться сил после того, что случилось. Дверь их хижины затворилась, и все соседки выдохнули. Благодаря их своевременному вмешательству и разумным действиям удалось спасти девушку. Возможно, скоро она выйдет замуж. Есть надежда, что до родственников жениха не дойдут слухи, что им досталась невеста с таким бурным темпераментом.

Лавочник через два дома от Миной, как ни в чем не бывало, продавал молоко и сахар. Рабочие, возвращавшиеся со стройплощадок, перешагивали через зеленое пенное озерцо, которое разлилось посреди улицы. Усталость навалилась на Манджу. Она, как сквозь сон, заметила, что уже вечер. Не стоит ей стоять, растерянной и растрепанной, у дверей подружки. Надо умыться и отправляться за статуей Дурги.

Они с матерью уехали в соседний квартал. А тем временем с работы вернулся старший брат Миной. Он узнал, что та приняла крысиный яд, и снова избил ее. Мина поплакала и заснула. Незадолго до полуночи снова слышались ее рыдания. Вскоре отец понял, что так плачут вовсе не от горя, а от боли.

В первый вечер Навратри вся молодежь Аннавади, за исключением Манджу, танцевала на майдане под праздничной иллюминацией. А Мина тем временем лежала в палате больницы Купер и отвечала на вопросы полиции.

– Кто-нибудь принуждал тебя к самоубийству?

– Нет, я никого виню. Я сама приняла решение расстаться с жизнью.

На третью ночь Навратри Мина перестала разговаривать. Тогда медики запросили у семьи пять тысяч рупий на то, чтобы сделать какие-то «инъекции импортного препарата».

На шестой день Мина умерла.

– Допекла ее вся эта жизнь, – заключили соседки-тамилки.

Родственники Мины подумали и решили, что всему виной дурное влияние чересчур современной и не в меру образованной Манджу.

Навратри прошел, цветные лампочки погасли. Раул тщетно пытался заставить Манджу снова улыбаться. В какой-то момент ему показалось, что усмешка все же скользнула по ее губам после того, как он сказал, что младший брат Мины тоже пострадал.

– Этот парень больше никогда не захочет есть омлет.

Когда утренние лучи солнца скользили по улицам квартала, на одном из растрескавшихся бетонных блоков рядом с туалетом можно было заметить бледные следы букв, складывавшихся в слово «Мина». «Их видно только утром, да и то еле-еле», – говорила Манджу.

Другая Мина жила когда-то в Аннавади, и любивший ее человек вытатуировал ее имя на тыльной стороне своего плеча. Наверное, он же начертил эти буквы. Но все равно это не случайно. Манджу хотелось верить, что ее подруга когда-то проложила линии на свежем цементе собственной рукой. Первая девочка, родившая в Аннавади, оставила здесь свой след.

Глава 13

Блестящие побрякушки

В ноябре рынок утилизируемых отходов рухнул. Тамил, владевший салоном игровых автоматов, пытался объяснить мусорщикам, почему их товар вдруг так упал в цене.

– Банки в Америке понесли большие убытки. Богатые люди потеряли много денег, а затем и металлолом подешевел.

Таково было его собственное объяснение механизмов, движущих мировым экономическим кризисом. Раньше килограмм пустых бутылок из-под воды стоил двадцать пять рупий, а теперь – десять; за килограмм газет давали пять рупий, а теперь – две. Так отреагировали приемщики отходов на глобальную рецессию.

В газетах, которые собирал Сунил, говорилось, что многие американцы теперь живут в машинах или в палатках под мостами. Самый богатый человек Индии Мукеш Амбани^[100], тоже потерял миллионы. И все же это не помешало ему продолжать строительство своего знаменитого «особняка» в двадцать семь этажей в южной части Мумбаи. На нижних этажах должны были размещаться автомобили и штат прислуги – шестьсот человек, обслуживающих пятерых членов семьи олигарха. Но эти детали не удивляли жителей трущоб. Гораздо интереснее им было обсуждать, например, то, что на крыше будет специальная площадка для личного вертолета Амбани.

– Скоро дела пойдут на лад, – заявил Абдул Сунилу и другим мусорщикам. Так сказал его отец. Мировые рынки ведут себя непредсказуемо, но поведение туристов вполне поддается прогнозированию. Каждый год они валом валили в Мумбаи. В ноябре во время праздника Дивали^[101] навещают родину индийцы, живущие за границей. Европейцы и американцы приезжают в декабре, а вскоре после них появляются группы китайцев и японцев. Туристы наводняли зону аэропорта и гостиницы, и этот бум продолжался до конца января. В Аннавади решили, что наплыв туристов оживит экономику и поможет обитателям трущоб компенсировать то, что они потеряли за период сезона дождей и за время пришедшегося на осень пика рецессии.

Как-то вечером в конце ноября Сунил после бесплодно потраченного в поисках мусора дня зашел в игровой зал. Он стоял и смотрел, как двое мальчишек играют в Metal Slang 3. На экране вооруженные люди бегали

по переулкам разбомбленного города, вели перестрелку с полицейскими и чудовищами-мутантами. Вдруг с улицы донеслись громкие крики. Вскоре Сунил понял, что там происходит вовсе не банальная потасовка, вызванная чрезмерным употреблением замазки Eraz-ex. Люди прильнули к окну хижины, где жил тамил. В тот момент он смотрел выпуск новостей, который и вызвал всеобщее возбуждение. Оказывается, **группа террористов из Пакистана по морю добралась на надувных лодках до Мумбаи. Боевики высадились на берегу и сейчас рассеялись по всему городу.**

Воины джихада захватили две дорогие гостиницы, «Тадж» и «Оберой», причем среди обслуживающего персонала и постояльцев были жертвы. Много людей было убито и ранено в кафе «Леопольд», а также на железнодорожном вокзале. На экране появилась фотография одного из террористов. Черная футболка, рюкзачок, кеды. Можно было бы принять его за обычного студента, если бы не висевший на груди автомат.

Все это происходило почти в тридцати километрах от Аннавади, в фешенебельных районах южной части города. Это немного успокоило Сунилу. Он с еще большим интересом стал прислушиваться к новостям. Один из корреспондентов сказал, что боевики вооружены взрывчаткой. Вот здорово! Сунилу очень нравилась видеоигра Bomberman: там люди метали забавные круглые черные бомбочки с длинными горящими шнурами. Они взрывались под веселую музыку, как в цирке.

Тут выяснилось, что на аэропортовом шоссе взорвалось такси. Мальчишки предположили, что и воздушные ворота города вполне могут стать мишенью для боевиков, а Манджу высказала мнение, что если бандиты захватили пятизвездочные отели на юге города, то вполне могут добраться и до роскошных гостиниц рядом с аэропортом. А по пути к ним они вполне могут пройти через Аннавади. К счастью, то подразделение сил гражданской обороны, к которому она принадлежала, сейчас никто не мобилизовал. Девушка вернулась к себе в хижину и закрыла за собой дверь.

А вот родители Абдула боялись запирались в собственной хижине. Что, если соседи-индуисты решат, будто мусульмане из трущобного квартала заодно с террористами? Поэтому Карам распахнул все двери и включил телевизор. Абдул от страха забрался под простыню, а его младшие братья сели поближе к экрану. Здания в колониальном стиле, которыми была застроена часть южного Мумбаи, показались им очень красивыми. За головами корреспондентов, вещавших от захваченного «Таджа», виднелись симпатичные красноватые башенки и богато украшенные

фасады вокзала. В Аннавади каждая семья строила свой дом согласно собственному разумению и вкусу, а там все казалось частью единого, тщательно продуманного ансамбля и выглядело величественно, несмотря на чрезвычайную ситуацию и страшные сцены, разыгрывавшиеся среди этих архитектурных шедевров.

Следующим утром, очень рано, Сунил и косоглазый Сону отправились на сбор мусора. Но им не удалось даже приступить к работе. Аэропорт был оцеплен, к трассе стянули отряды спецназа. У каждого бойца висел на груди большой черный автомат с длинным стволом. Мальчишки побежали обратно в Аннавади и ринулись к дому владельца игровых автоматов, к включенному телевизору. На экране показался объятый пламенем отель «Тадж». При этом в здании оставались как террористы, так и туристы. Диктор сказал, что весь мир напряженно следит за тем, как разворачивается эта трагедия. Рядом с гостиницей хорошо одетые люди со слезами на глазах рассказывали журналистам, как много для них значил «Тадж».

Сунил понял, почему богатые люди так сокрушаются. Они плачут от того, что разрушено здание, где они приятно проводили время и чувствовали себя в безопасности. И у него было такое место – игровой салон площадью 9 квадратных метров. Но здесь никто не беспокоился о том, что происходит сейчас в южной части города, не горевал о сотнях убитых и раненых. Жители трущоб волновались только за себя. Все отдавали себе отчет в том, чем чревата эта атака террористов. Через шестьдесят часов, когда все закончилось, в Аннавади уже прекрасно понимали, каких экономических последствий следует ждать.

Никто не захочет провести зимние каникулы в городе, где убивают туристов прямо в гостиницах. Наплыва иностранцев в ближайшее время не будет. Затихнет аэропорт, опустеют отели. В ночь на 1 января в «Интерконтинентале» не будет шумных вечеринок и мало кто под бой часов закричит «С Новым годом!».

Наступающий 2009-й принесет Аннавади новые проблемы. Жителей трущоб снова ждет нищенское существование. Крайняя бедность – вот плоды глобальной рецессии, помноженной на страх новых террористических вылазок. Многим в обитателям трущоб опять придется есть крыс. Сону отправит Сунила ловить лягушек в квартал Наупада, потому что там они вкуснее тех, что живут в сточном пруде. Безумный мусорщик, беседовавший с гостиницами, перестанет обвинять «Хайат» в том, что тот собирается убить его. Он встанет напротив отливающего голубым светом стеклянного фасада, и горько пожалуется:

– Я так много работаю, «Хайат». И так мало зарабатываю. Почему же тебе нет до меня дела?

Однажды днем Сунил решил искупаться в заброшенном карьере на территории цементного завода. Он отогнал руками водоросли, чтобы как следует рассмотреть свое отражение в воде. Недавно он заделался вором, и Сону сказал, что это написано на его лице.

Сунил понимал, что имеет в виду его друг. Он видел, как менялись лица других мальчишек, которые начинали красть лом. Охранники умели быстро «считывать» особое выражение, характерное для юных «джентльменов удачи». Но Сунил пришел к выводу, что его внешность не изменилась: все тот же большой детский рот, широкий нос, впалая грудь. И так же торчащие во все стороны густые волосы. На эти непослушные вихры он уже не сетовал, особенно после того, что произошло с Сунитой. **Недавно девочка абсолютно облысела. И все из-за крысиных укусов. Вообще крысы нападали во время сна на них обоих. Пораненные места, в том числе на голове, нарывали. В болячках у Суниты завелись черви, от этого все волосы у нее выпали.**

Сону твердил, что Сунил должен оставить свое противозаконное занятие и по этому поводу даже раза четыре надавал ему крепких оплеух. Сунил сдачи не дал, но и с выбранного пути не свернул. Сону, вероятно, был самым честным и правильным парнем во всем Аннавади. Но у него была мать и младшие братья и сестры, которые тоже работали на благо семьи. Общими усилиями им было проще прокормиться. А Сунил последнее время не мог заработать на хлеб себе и своей лысой сестре одним лишь сбором мусора. Поэтому ему пришлось искать новые источники дохода. При этом местные старожилы воровского бизнеса и скупщики краденого с удовольствием помогали ему осваивать азы нового ремесла. Для первой его самостоятельной вылазки ему даже дали велосипед, чтобы легче было уйти от возможной погони. К утру пожарная команда аэропорта лишилась медных вентелей от гидрантов.

После этого владелец игрового зала охотно одолжил ему специальные инструменты для резки металла, и вскоре были срезаны десятки рам, на которые опирались крышки канализационных люков. Пока сотни рабочих усердно готовились к скорому открытию многоуровневой парковки, Сунил стащил с места строительства сотни гаек и болтов.

Он очень подходил для такого рода разбойничьих рейдов по новым высокотехнологичным объектам. Мальчик еще несколько лет назад

отработал навыки верхолаза на растущих вдоль аэропортовой трассы кокосовых пальмах и теперь легко вскарабкивался на любую стену. Сунил был низкого роста, совсем как малый ребенок, что тоже отводило подозрения. К тому же он был готов рисковать, как тогда, когда прыгал с заграждения у стоянки такси на выступ над рекой, чтобы собрать скопившийся там мусор. Единственной проблемой было то, что руки и ноги у него почему-то начинали страшно трястись, когда он касался любого куска металла. Этот странный тик казался его коллегам по воровскому цеху смешным и нелепым.

Один из его новых товарищей, Тофик, спрашивал его каждый день в течение целого месяца: «Ну что, пойдём сегодня в «Тадж»? Речь шла не о разоренной террористами гостинице. Имелась в виду фирма Taj Catering Services. Она размещалась в приземистом здании на территории аэропорта. Владела ею та же компания, что и пятизвездочным отелем в южной части города. За высокими каменными стенами, увенчанными несколькими рядами колючей проволоки, готовили еду для пассажиров авиарейсов. Недавно Сунил заметил, что за стеной появилась оранжевая строительная сетка и леса. Это означало, что там начали что-то возводить или ремонтировать. Не исключено, что на стройке можно будет разжиться каким-то ломом.

В свое время Калу легко преодолевал любую колючую проволоку на пути к вожделенным контейнерам. Но Сунил знал, как проникнуть в Taj гораздо проще: он нашел небольшую дыру в стене у самого ее основания. Лаз прикрывали кусты. Он располагался в самом конце не освещаемой по ночам гравийной дорожки, которая вела к офису фирмы. В таких условиях выкрасть металл будет очень просто. И все же Сунил медлил.

Его напарник, Тофик, все время жаловался: если долго тянуть, другие мальчишки обнаружат дыру. Но Taj Catering почему-то напоминала Сунилу о Калу и заставляла думать о смерти. На эти мысли его наводило теперь многое: и спецназовцы в голубых беретах, засевшие в специально вырытых траншеях и наблюдавшие за происходившим вокруг; и полицейские из участка Сахар, которые, казалось, после терактов стали лютовать еще больше. **Недавно охранник Indian Oil поймал Сунилу, когда тот рыскал по двору компании в надежде найти лом, и доставил его в участок к пьяному констеблю по имени Савант. Тот жестоко избил мальчика и оттоптал ему всю спину ногами. Это было настолько ужасно, что другой полицейский потом даже извинялся перед Сунилом и принес одеяло, чтобы укрыть его.**

Учитывая то, что риск снова попасть в подобную переделку был велик,

Сунил предпочитал несколько ночей понаблюдать за охранниками Тај через дыру в стене. Чтобы не быть схваченным, надо выяснить, каков график патрулирования. А пока маленький мусорщик готовился к этой вылазке, он зарабатывал себе на пропитание «визитами» на недостроенную четырехуровневую автостоянку неподалеку от международного терминала.

К этому времени он уже знал, как правильно к ней подобраться. Надо пройти мимо ярко раскрашенных красно-желтых заграждений; мимо бульдозеров и генератора, укрываемого на ночь чехлом; мимо контрольно-пропускного пункта, где служба безопасности с фонариками осматривает багажники машин; мимо великолепной кучи гравия; мимо миндального дерева с его горькими плодами (сейчас его листья покраснели – верный знак, что орехи созрели и стали слаще); мимо двух бункеров охраны.

Однажды январской ночью он пришел на эту окутанную тьмой парковку. Под ногами сновали какие-то зверьки, но он не мог их разглядеть: наверное, это были крысы. Но раньше он здесь их не встречал. А вот на охрану он наткался нередко, однако сейчас здесь было пустынно. Сунил не мог понять, куда делись сторожа. Он еле слышно пробрался к находившейся сбоку лестничной шахте. Ее внешняя стена была сквозной, сделанной из горизонтальных металлических перекладин. На нее падал бледный голубоватый отсвет огней международного терминала. С одной стороны, подсветка могла его выдать. С другой – благодаря ей он мог лучше осмотреть местность.

Сунил искал то, что в Аннавади именовали «мельхиором»^[102] – алюминий, гальванизированный металл, никель. В последнее время в трущобах говорили о нем с особым придыханием. Нет, конечно, цветные металлы тоже упали в цене – со ста рупий за килограмм до шестидесяти. Но обвал цен на другие утилизируемые отходы был гораздо более значительным.

Медленно поднимаясь по лестнице, Сунил останавливался в конце каждого пролета и глядел вниз через оставленные в полу дырки. Он предположил, что вскоре через них пропустят водопроводную трубу, но пока что эти отверстия давали возможность следить, не крадется ли по его следу охрана. Особенно он боялся сторожей-непальцев, поскольку считал, что они чем-то похожи на китайцев и владеют боевыми искусствами, как Брюс Ли.

На третьем этаже в углу лестничной площадки он увидел две стоящие в углу узкие алюминиевые панели. Оглянувшись, он боязливо подошел и схватил их, удивляясь, что никто не забрал их до его прихода. Наверное, это части каких-то оконных рам. Хотя, с другой стороны, на парковке ведь

нет окон. Для него было несущественно, какие именно детали попали к нему в руки, но все же он задумался об их предназначении.

Сунил потащил алюминий с собой на верхний этаж. Там он знал единственное место, где можно отыскать «мельхиор». Из него был сделан держатель для огнетушителя, хранившегося в закрытом ящике с надписью: «Пожарный кран». Эта деталь была маленькой и легкой и стоила недорого. При этом находиться рядом с крышей было опасно, потому что возрастала вероятность наткнуться на охранников, которые выходили туда покурить. И все же каждый раз, приходя на эту автостоянку, он забирался на самый верх. Сунил никогда не бывал в таких высоких зданиях. Больше его поражал простор и вид, который открывался с последнего, четвертого уровня.

Сейчас крыша была абсолютно пустой, поэтому можно было встать посередине, раскинуть руки в стороны и кружиться, зная, что никого и ничего не заденешь. Потом, по завершении строительства, когда здесь будут рядами стоять машины, это пространство изменится, и перемещение по нему будет сильно ограничено. Оно станет более обыденным, имеющим, как все в повседневной жизни, строгие рамки и границы.

Сунил любил стоять на этой крыше и смотреть, как взлетают самолеты Air India с оранжевыми хвостами. Он с удовольствием разглядывал водонапорную башню с похожей на луковицу верхней частью, наблюдал за возведением нового обширного терминала. В сторону труб крематория Парсивада, где сожгли тело Калу, он предпочитал не поворачиваться. Лучше уж развернуться к сияющей надписи «Хайат» над стеклянным фасадом гостиницы или отыскать теснящиеся друг к другу лачуги Аннавади. Но самое занятное – следить, как состоятельные пассажиры подъезжают и отъезжают от международного терминала.

Другие мальчишки, приходившие на эту крышу, тоже любили наблюдать за людьми внизу, потому что те казались им маленькими, будто игрушечными. Но когда Сунил смотрел на них сверху, то странным образом становился ближе к ним, словно вдруг ему удалось сравняться с ними в статусе. Отсюда можно было свободно глядеть на них, а внизу этого ему никто бы не позволил. Они не знали, что мальчик за ними наблюдает, и не могли возражать против этого.

С течением времени, с каждым проходившим месяцем, Сунила все больше терзали сомнения, к какой же категории жителей расстилавшегося внизу города он принадлежит. Раньше он думал, что достаточно умен, чтобы стать «кем-то» – нет, не важной персоной, как те, что спуют возле аэропорта, а кем-то поменьше. На крыше он чувствовал себя в большей

степени человеком, чем в Аннавади, даже при условии, что он пробрался сюда, как вор.

Ну, хватит терять время. Надо отправляться домой, прихватив, конечно, «мельхиор». Мальчик спустился по лестнице и перед тем, как выйти из здания, расстегнул штаны и сунул полоски металла в трусы. От их соприкосновения с телом возникало неприятное ощущение, но просто положить их в штанину он не мог: оттуда они выпадали.

Ковыляя и прихрамывая, Сунил благополучно миновал КПП, участок Сахар и вскоре вернулся в Аннавади. В эту ночь он спал, свернувшись калачиком в кузове грузовика. На следующий день он снова отправился воровать, и, используя инструменты, одолженные тамилем из игрового салона, срезал несколько металлических замков, которые навешивала на колеса провинившихся авторикш парковочная полиция аэропорта.

Когда Сунил в сумерках явился в игровой зал, все обсуждали, как одна из женщин сегодня пыталась повеситься. Ее удалось спасти. Муж несчастной из-за долгов вынужден был продать хижину, а жить на улице она не хотела.

«Что-то уж слишком много женщин в Аннавади мечтает покончить с собой», – подумал Сунил. Особенно его опечалила смерть Мины, которая всегда была добра к нему. Когда кругом столько потенциальных самоубийц, сам поневоле задумываешься о сведении счетов с жизнью. Так, во всяком случае, говорили люди.

Абдул же считал, что поступок Мины был смелым и дерзким. Калу тоже нередко звали отчаянным храбрецом. А теперь тамил, скупщик краденого, стал величать так Сунилу: «Храбрец из Аннавади!» «Первый среди воровской братии!» Но Сунилу было ясно, что за этой лестью стоят корыстные цели. Хозяин игровых автоматов пытался подбодрить мальчика, чтобы тот скорее пробрался в «Тадж», стащил лом и продал именно ему. Но пока что Сунилу не хватало уверенности в себе, чтобы совершить эту вылазку.

Мимо салона проковылял, кренясь и шатаясь, его отец. Неподалеку стоял Абдул и оживленно что-то говорил мальчишке, который его совсем не слушал. Абдул, вещая, смешно мотал головой вправо-влево, точно как водяной буйвол за его спиной. Видимо, оба таким образом отгоняли назойливых комаров. Сунилу это рассмешило. Калу наверняка принялся бы пародировать эту забавную сцену.

– Ты когда-нибудь задумывался, глядя на какого-нибудь человека или слушая его, живет ли он по-настоящему? – спрашивал Абдул у собеседника, который пропускал все это мимо ушей. Похоже,

на сортировщика мусора сейчас снова нашло вдохновение. Такого рода «одержимость» иногда нападала на него с тех пор, как он вернулся из колонии в Донгри.

– Вот, например, женщина, которая пыталась повеситься. Или ее муж, вероятно, избивший ее перед тем, как она решила покончиться с собой. Что за жизнь была у них? – продолжал Абдул. – Мне больно на них смотреть. Но это тоже жизнь. Даже совсем уж собачье существование – тоже существование. Однажды мама поколотила меня, и мне пришла в голову эта мысль. Я тогда сказал ей: «Ужасно, если это будет продолжаться до конца моих дней. И все же я останусь живым». Мать тогда очень удивилась таким рассуждениям и ответила: «Не забивай себе голову размышлениями о том, насколько ужасной бывает человеческая жизнь».

Сунил считал себя живым. Существование его было жалким и, конечно, оно могло оборваться в любой момент, как это произошло с Калу. И тогда никто не вспомнит о нем. Потому что для людей, населяющих этот город, он абсолютно незначим. Но там, на крыше парковки, он осознал одну важную вещь. **Как-то он попытался перегнуться через край заграждения и задумался, что же случится, если он перегнется еще больше. В тот момент мальчик понял, для кого его жалкая жизнь остается ценной и значимой. Прежде всего для него самого.**

В феврале сгоравший от нетерпения Тофик поколотил своего менее решительного коллегу и взял операцию по проникновению в Taj Catering Services в свои руки. Статус Сунила сильно упал, но он с облегчением признал себя рядовым вором и стал одним из четверки, которая отправилась на дело. Три раза за три недели мальчишки пробирались через дыру в каменной стене и добыли двадцать два небольших куска металла. В одну из ночей за ними погнались охранники, но ребята закидали их камнями. Теперь Сунил почти каждый день ел досыта, плюс ему удалось скопить десять рупий и купить посеребренную сережку в виде черепа. Он присмотрел ее в магазинчике рядом с железнодорожной станцией Андхери, так как давно мечтал занять какую-нибудь блестящую штуковину.

Мальчик набрал еще немного «мельхиора» на строящейся парковке, а также на промышленных складах за рекой. Одна только стремянка, которую юный вор уволок из какой-то сторожки, стоила тысячу рупий. Он разобрал ее на пять частей и продал по отдельности. На долгие недели он почти забыл, что такое голод. И вот, наконец, сбылось самое заветное его желание; мечта, которая была ему намного дороже, чем покупка блестящей побрякушки.

Поначалу он даже не поверил своим глазам. Решил, что это обман зрения и списал все на игру света и тени на стенах хижины. Но потом позвал Суниту; они встали спинами друг к другу, и Сунил с радостью удостоверился, что он действительно выше сестры! Став вором, он начал расти.

Глава 14

Суд

Отец Абдула в глубине души считал, что до суда в Индии доходят только дела самых неимущих. Все остальные откупаются от полицейских на этапе расследования. И все же в своих детях Карам воспитал уважение к индийской Фемиде. Именно суды, по его мнению, более, чем другие государственные учреждения, были склонны принимать во внимание интересы и права мусульман и других меньшинств. В феврале должны были состояться слушания по его делу, и в преддверии этого господин Хусейн начал следить по газетным публикациям за громкими судебными процессами, проходившими в разных частях страны. Он ждал очередной заметки с таким же нетерпением, как некоторые жители Аннавади ждут следующей серии какой-нибудь мыльной оперы. Некоторые вердикты казались ему сомнительными; он понимал, что встречаются коррумпированные судьи, и все же в целом его вера в судебную систему росла и крепла.

– В участке нам никто не давал и рта раскрыть, – говорил Карам Абдулу, хотя тому вовсе не надо было об этом напоминать, и так все было свежо в памяти. – Но не исключено, что в суде нас все-таки выслушают.

Еще больше господин Хусейн воодушевился, когда узнал, что его дело будет рассматривать городской суд упрощенного производства.

В обычных судах разбирательства шли крайне медленно. С момента оглашения обвинения слушания могли длиться пять, восемь, одиннадцать лет. Для людей с поденной работой, а таких в Индии было большинство, каждая явка на заседание означала потерю дневного заработка. Так что долгие процессы были крайне разорительными для семей. Но вот правительство взялось за решение проблемы массового затяжного судопроизводства и создало тысячу четырехста «быстрых» судов по всей стране. В Мумбаи эти инстанции рассматривали дела и выносили решения с такой скоростью, что за три года общее количество «долгоиграющих» процессов в городе сократилось на треть. Очень часто такие суды разбирали громкие дела, например, связанные с деятельностью организованной преступности. Власти считали, что по ним особенно важно получить вердикт оперативно, поскольку общественность хочет видеть, что они движутся, а не застревают на полпути. Подобные заседания активно освещали телевидение и пресса. Но помимо резонансных преступлений

«быстрые» суды рассматривали и множество мелких, менее интересных широкой публике, в том числе и такие, как дело Хусейнов.

Судье по имени П. М. Чоан предстояло решить, действительно ли Карам и Кекашан довели свою соседку до самоубийства. Виновность Абдула должен установить позже отдельный суд, разбиравший преступления несовершеннолетних. К судье Чоан, заседавшей в южном предместье Сюри, младшего Хусейна даже не вызывали. Поэтому ему казалось, что все эти слушания проходят очень далеко от Аннавади, как будто где-то на другом краю земли. Кекашан рассказывала, что туда можно добраться за час – сначала на автобусе, потом на электричке, – но он не принимал этого во внимание. На процесс он никак не мог повлиять, а потому мало думал о нем. Абдул во всем полагался на разумную и сдержанную Кекашан, которая лучше отца сумеет разобраться в любом вопросе. Она будет держать брата в курсе происходящего и скажет, стоит ли ему беспокоиться или там все идет хорошо.

Здание суда в Сюри когда-то принадлежало фармацевтической компании.

– Это вообще не похоже на государственное учреждение, – озабоченно говорила Кекашан отцу в день первого слушания. Ни тебе деревянных панелей на стенах, ни тиковых перил и балясин – ни вида, ни величия. В коридорах прямо на полу сидели родственники подсудимых. Они здесь ели, пили, молились, спали. Люди отдыхали, прислонившись к облицованной плиткой засаленной стене, а над их головами красовались предупреждающие надписи: штраф в тысячу двести рупий тем, кто плюет на пол. Здесь явно не хватало бригады мусорщиков: прямо в зале заседаний валялись пустые пластиковые бутылки и алюминиевые банки от напитков, а над всем этим возвышался подиум, на котором находилось кресло госпожи Чоан.

– Эта судья ужасно строгая, – сказал один из полицейских. – Никого не оправдывает.

А Кекашан сразу заметила, что она еще и очень нервная и нетерпеливая. Теребя темно-красную губу, дама сразу закричала на господина Хусейна:

– Что же вы явились без адвоката?! Дело очень серьезное, *бхаари*, с летальным исходом. Не задерживайте меня, шевелитесь!

Она была просто вынуждена торопить всех и каждого. Как и большинство судей, специализирующихся на ускоренных процессах, госпожа Чоан вела до тридцати пяти дел одновременно. Причем каждое дело не рассматривалось разом от начала до конца, как это показывали

в телесериалах, которые видела Кекашан. Его разбивали на десятки коротких слушаний проводившихся раз в неделю или два раза в месяц. В обычный день слушалось около девяти дел. Поэтому скамья подсудимых, на которой разместились Кекашан и Карам под полицейским конвоем, была переполнена. Рядом с ними сидели люди, обвиняемые в убийстве, вооруженном разбое, незаконном подключении к электрическим кабелям. Многие были закованы в наручники. Карам был самым старшим из мужчин, а Кекашан – единственной женщиной. Скамья расположилась у дальней стены зала заседаний, а в центре были расставлены пластиковые стулья для свидетелей и других приглашенных. Здесь же стояли два длинных стола с металлическими столешницами. За ними сидели многочисленные судебные чиновники, а также прокуроры и адвокаты, без конца просматривающие какие-то документы в толстых папках. Кекашан с ее места казалось, что деревянная кафедра, к которой должны выходить свидетели, и судья с ее накрашенным темной помадой ртом, находятся очень далеко.

Второе слушание было таким же коротким и динамичным, как предыдущее. Но на этот раз в зале суда появился адвокат Хусейнов, а также был вызван свидетель – патологоанатом из морга больницы Купер. Он подтвердил подлинность документа, который на самом деле был сфабрикован медиками: в заключении было написано, что у Фатимы было обожжено 95 процентов тела.

Все! На этом слушание закончилось.

– Так! Что у нас дальше? – вскричала судья, подвигая к себе новую папку и переходя к следующему делу.

Через неделю полицейский из участка Сахар доложил о результатах расследования: Хусейны избили Фатиму и довели ее до самоубийства. И опять:

– Так! Что у нас дальше?

Следующего этапа разбирательства Хусейны ждали со страхом. Он должен был начаться в первых числах марта, а сколько продлится, неизвестно. Суд будет заслушивать показания соседей из Аннавади – тех, которых сочли необходимым выбрать полицейские и прокурор для подкрепления своего обвинения.

Абсурдность ситуации состояла в том, что большинство этих «очевидцев», например, муж Одноногой, а также две ее ближайшие подруги, не присутствовали при самом конфликте, предшествовавшем самосожжению Фатимы.

Кекашан, сидевшая на скамье подсудимых, порадовалась, что на голове

и плечах у нее покрывало: оно скрыло от глаз окружающих пот, который тек с нее рекой. В тюрьме она подхватила желтуху, и как раз сейчас наступило одно из обострений. Температура резко поднималась и падала. Но девушка не поняла, что это проявление болезни, а списала все на волнение. Ей было стыдно, и она горько сожалела о том, как она и ее родные вели себя в тот страшный день. Не надо было говорить, что она оторвет Фатиме вторую ногу. И отец зря, очень зря угрожал соседке, что побьет ее. И все же за одни лишь угрозы их вряд ли отправят в тюрьму. Суровый приговор грозит им лишь в том случае, если свидетельские показания подтвердят истинность состряпанного уже в больнице второго заявления потерпевшей, в котором она говорила, что ее душили и избивали.

Пурмина Пайкрао, следователь по особо важным делам при правительстве штата, помогала Фатиме составить ложное обвинение, после чего заявила Зерунизе, что соберет свидетельства против Хусейнов, если те не заплатят ей. Сегодня утром прямо рядом со зданием суда госпожа Пайкрао предприняла новую попытку вытянуть из них деньги.

Следователь сказала Караму, что обитатели Аннавади могут припомнить новые неприятные подробности той ссоры. Она сама будет свидетельствовать, что Фатима перед смертью рассказала ей всю правду. В этом случае обвинительный приговор практически гарантирован. Но она, Пурмина, не хочет так поступать. Напротив, она желает помочь Хусейнам.

– Ну что же мне делать? – снова развела она руками, как делала всегда. – Подумайте о последствиях. Вы и ваши дети отправитесь в тюрьму. Что вы можете предложить в такой ситуации?

– Я вам платить не стану, – заявил Карам. – Мы с сыном и дочерью уже побывали в заключении. То, чем вы нам грозите, уже фактически произошло. Но мы наняли адвоката: он, а не вы, будет защищать нас. Он поможет судье разобраться, кто прав. А если она не разберется, – добавил отец семейства торжественно, – я дойду до верховного суда!

Отец и дочь сидели в заваленном мусором зале заседаний и ждали вызова свидетелей. У обоих в душе теплилась надежда, что их вера в правосудие не пустая фантазия.

Первой к деревянной кафедре в центре зала вызвали чуть ли не самого близкого Фатиме человека – бедную девушку по имени Прийя. С этим несчастным, одиноким и всеми презираемым существом Кекашан была знакома давно. В это утро девушки вместе наняли авторикшу, чтобы доехать от трущобного квартала до железнодорожной станции. Они сидели очень близко друг от друга, и каждая была погружена в свои грустные

мысли. Прийя старалась не смотреть в глаза соседке. Она лишь покачивалась на сиденье, и, обхватив себя руками, причитала: «Нет, не буду! Не буду!» Она вообще ни с кем не общалась с тех пор, как погибла Одноногая.

— Фатима была единственной, кто знал все тайны моей многострадальной души, — сказала она как-то.

Более черствая натура могла бы уже забыть, как ее одноногая подруга звала на помощь, как кляла соседей. Но Прийя по-прежнему хранила боль в своем сердце, и страдание было написано у нее на лице.

При этом лгать она не стала. Дрожа всем телом, она заявила обвинителю, что ее не было на майдане, когда между соседями произошла ссора. Она видела Фатиму уже после того, как та подожгла себя. Потом она ответила на вопрос защиты и подтвердила, что действительно, одноногая женщина-инвалид часто становилась инициатором конфликтов. После этого ей разрешили сесть.

Вслед за ней отвечать вышел симпатичный мужчина по имени Динеш, умеющий складно говорить. Он работал грузчиком в аэропорту. Кекашан не была с ним знакома, но слышала, что его показания будут не в их пользу. Ей стало дурно, когда она посмотрела на его бледное и злое лицо и плотно сжатые губы. Он говорил на маратхи, поэтому она не сразу поняла, что его возмущение направлено не против Хусейнов. Он был вне себя из-за совершенного полицейскими из участка Сахар подлога.

Вскоре после самосожжения женщины один из инспекторов записал чьи-то показания, поставив под ними его, Динеша, именем. Мужчина ответственно заявил судье, что с полицией в тот день не беседовал. Во время ссоры он был у себя дома на другой улице и ничего не видел. Он не понимал, с какой статьи его сделали главным свидетелем обвинения. Судьба Хусейнов его не интересовала. Динешу было абсолютно все равно, окажутся они за решеткой или нет. Но его страшно раздосадовало, что он должен потратить день и лишиться части дохода из-за бестолковой работы полиции.

Обескураженный прокурор быстро свернул все вопросы, и на этом слушание закончилось. Кекашан и Карам вернулись в Аннавади почти в приподнятом настроении.

Несмотря на инсинуации следователя по особо важным делам, первые свидетели не солгали только ради того, чтобы насолить соседям. Кекашан впервые с некоторым оптимизмом подумала о будущем. Но вскоре им пришлось столкнуться с многочисленными несовершенствами хваленного ускоренного судопроизводства.

В апреле на кратких, «фрагментарных» слушаниях по делу выступали в основном свидетели. Судья Чоан пребывала в раздражении, так как ее стенографист хорошо понимал только язык маратхи, а жители трущоб говорили в основном на ломаном хинди, который тот разбирала плохо. В результате на перевод сказанного на английский, а именно на нем согласно правилам велись официальные записи, уходило очень много времени. Чтобы не затягивать слушания, теряющая терпение судья стала сама указывать стенографисту, что писать. Поэтому **ответы свидетелей Аннавади на вопросы обвинителя, нередко развернутые и содержащие важные детали, в бумагах оказывались односложными и однозначными. Чиновников это не волновало: главное, что разбирательство пошло динамичнее.** Как-то перед перерывом на обед во время одного особо утомительного и нудного заседания судья поднялась со своего места, вздохнула, и обратилась к прокурору и адвокату:

– Ох уж эти *женщины*! Ссорятся из-за каких-то глупостей. Но их пустяковые бытовые конфликты доходят до такого накала, что приходится разбирать их в суде.

Тут стало понятно, что весь этот судебный процесс важен только для жителей Аннавади, остальные же считали его абсолютно незначительным.

Вообще-то для Кекашан и ее отца на кону были десять лет тюремного заключения. Но в ходе разбирательства они все меньше понимали, какие факты выдвигаются против них или в их защиту. Апрель был жарким, и все окно открыли. Вместо выступлений свидетелей, от которых зависела их свобода, подсудимые слышали лишь какофонию звуков, наполнявших улицу промышленного района. Клаксоны машин, гудки поездов, рычание двигателей, предупредительные сигналы паркующихся фур. На все это накладывался еще и шум потолочного вентилятора с деформированными лопастями. Слушание окончено! Следующее дело!

Потом что-то сломалось в вентиляторе, и при вращении он начал издавать громкий стук.

Что говорил полицейский судье? С чем та обратилась к обвинителю? У последнего была рыжая челка, уложенная волной и зафиксированная гелем для волос, но когда он энергично кивал, волосы растрепывались и поднимались вверх. Еще пара движений головы – и они уже стоят торчком.

Слушание закончено! Очередное заседание – через неделю.

Кекашан перестала наклоняться вперед, чтобы хоть что-то расслышать. Она устало сидела на скамье. В таком унынии она пребывала до того

самого дня, когда вызвали одного из ключевых свидетелей – мужа Фатимы.

За несколько месяцев до суда вдовец, которого звали Абдул Шейх, забрал дочерей из приюта и вместе с ними пришел к Хусейнам отмечать праздник Ид, самый священный для мусульман день в году. Молодой Абдул зарезал козленка на майдане, а его пожилой тезка помог разделять мясо. Они трудились бок о бок, снимая с костей самые вкусные куски. Соседи всегда вместе встречали этот праздник. В этом году козленок был хорош, и они хорошо посидели за столом. И все же муж Фатимы свидетельствовал в суде против Карама и Кекашан. Это было для него делом чести, равно как для Хусейнов было делом чести получить публичное оправдание.

Пожилый сортировщик мусора сидел в центре зала заседаний и слышал больше, чем обвиняемые на скамье подсудимых. По ходу дела он понял, что предсмертное заявление его жены постепенно теряет вес. Все очевидцы утверждали, что спорящие вели лишь словесную перепалку. Абдул Шейха тоже беспокоило некоторое противоречие между первым и вторым официальными обвинениями, выдвинутыми Фатимой.

Они с женой не были счастливы в браке. Теплыми их отношения были только в первый год совместной жизни. Супруги часто ссорились из-за многочисленных любовников Фатимы, из-за того, что она отчаянно лупила детей, а также потому, что муж слишком сильно ее избивал, будучи пьян. Он не собирался идеализировать этот брак. Но после смерти жены он продолжал жить рядом с Хусейнами и слышал, как Зеруниза поет колыбельные дочерям, как Мирчи всех смешит. Самоубийство Фатимы лишило его надежды хоть когда-нибудь наслаждаться такими же семейными радостями. Не исключено, что мирное сосуществование с ней было бы временами возможно; его любимые дочери жили бы дома, и все были бы счастливы.

Ему хотелось найти виновника краха этого счастливого будущего – теоретически достижимого, но все же маловероятного. А считать источником всех бед одну лишь самоубийцу он не желал. Поэтому Абдул Шейх мечтал, чтобы суд признал Хусейнов виновными в ее смерти. Проблема была в том, что он не был уверен, как именно они обидели его дорогую половину. Он честно признался в этом во время допросов в полиции. Он был на работе, а когда вернулся, то нашел ее обгоревшей на полу хижины. Его дочери, правда, присутствовали во время конфликта. И они утверждали, что никто никого не бил. Однако отец считал, что

девочкам это знание не на пользу. Разве хорошо, если они будут расти, понимая, что их мать сама подожгла себя, а перед смертью оклеветала других?

Нури и Хина теперь снова жили в Аннавади. Он забрал их от сестры Полетт, заметив синяки на их руках и ногах. Они с радостью покинули приют.

– Нас каждый день заставляли обращаться к изображению белого человека и говорить «Спасибо, Иисус», – рассказала младшая. – Нам все это так надоело!

После возвращения домой девочки ни разу не вспомнили о матери. **Но Нури, которая видела через окно, как та полила себя керосином и чиркнула спичкой, сильно изменилась. Иногда она сознательно становилась посреди дороги, будто ждала, чтобы ее сбила машина.** К тому же у нее появилась невротическая привычка жевать концы надеваемого на голову шарфа.

Но в тот день она была в отличном расположении духа, потому что ей было интересно прокатиться на поезде через весь город и побывать в зале суда. А когда она увидела телекамеры у здания, то пришла в восторг.

– Наверное, сегодня здесь будут слушать какое-то громкое дело, – объяснил Абдул Шейх дочерям, которые подбежали к одной из камер, чтобы улыбнуться в объектив и помахать рукой. В Аннавади говорили, что младшая, Хина, улыбается точно, как мать. Их отец считал, что здесь есть доля истины, хотя не мог толком припомнить, чтобы Фатима когда-нибудь одаривала его улыбкой.

– А что, нас покажут по телевизору? – спросила Нури, когда все трое проходили через низкую рамку металлоискателя. Отец повернулся, чтобы ответить ей, и больно ударился лбом об угол рамки. Через час, когда его вызвали для дачи показаний, он все еще чувствовал легкое головокружение.

В руках он сжимал мятый пакет, в котором лежали документы – свидетельство о смерти его жены, две ее фотографии (на них она была красиво одета – на одной в розовом, на другой – в голубом наряде) и удостоверение, подтверждавшее ее инвалидность, по которому она получила бесплатную помощь от государства – пару металлических костылей. Все эти бумаги, доказывавшие, что покинувшая этот мир женщина все же когда-то жила на свете, были покрыты плесенью, распространяли несвежий запах и содержали слова, которые вдовец не мог прочесть. И все же он хотел, чтобы они были под рукой, когда он будет обвинять Хусейнов, в надежде, что их посадят за решетку.

Судья приветливо улыбнулась ему, хотя мысленно кляла его на чем свет стоит. Но когда прокурор откашлялся и приготовился задавать вопросы, колени у Абдул Шейха дрогнули.

Ему пришлось схватиться за бортики кафедры, чтобы не упасть. Он никогда не бывал в подобном учреждении и не выступал перед такими серьезными и суровыми людьми. Даже самый первый, совсем простой вопрос обвинителя, который, как понял муж Фатимы, целиком на его стороне, поставил старика в тупик.

– С кем вы живете?

– С женой, – ответил вдовец так, будто она была жива.

А когда его спросили, сколько ему лет, он почему-то стал настаивать, что тридцать пять. Имена дочерей он вспомнил верно, а вот свой адрес назвать так и не смог. Он не понимал, куда надо смотреть. То ли на судью, которая спокойно взирала на все происходящее с высоты своего подиума, то ли на прокурора, стоявшего напротив свидетеля, на том же уровне, что и он. Потом Абдул Шейх зачем-то повернулся к адвокату, и это совсем сбilo его с толку: защитник по какой-то непонятной причине широко улыбался судье.

В результате Абдул Шейх решил обращаться только к госпоже Чоан. Именно ей он стал рассказывать о том, как вернулся домой и повез жену в больницу.

– Была ли ваша супруга в состоянии говорить в тот вечер?

Это был первый важный вопрос, на который должен был ответить вдовец. Надо было собраться с мыслями и что-то сказать.

– Да, она могла разговаривать, – произнес он, сделав над собой усилие. Хорошо хоть, что все слова выговорил правильно.

– И что она вам рассказала по дороге в больницу Купер?

– Она сказала, что ее обозвали проституткой и пообещали оторвать вторую ногу, – начал он. Именно такие показания дал он полиции девять месяцев назад. Однако в суде этого было недостаточно: ничего особенного, обычные для повседневной жизни в Аннавади ругательства. Затем, после долгой паузы, муж Фатимы продолжил:

– Жена сказал, что соседи ее избили, – снова долгая пауза. Он поразмыслил, и добавил: – Ее схватили за шею и стали душить, а также били большим булыжником.

Вот они, ключевые слова. Свидетельство умирающей должны принять во внимание. Теперь дело предстанет в другом свете.

Обвинитель был доволен, и полицейские из участка Сахар тоже заулыбались.

Тут начал задавать свои вопросы защитник Хусейнов, всклокоченный и вертлявый человек. К этому времени Абдул Шейх обрел прежнюю уверенность в себе. Нет, его жена не пребывала в депрессии с тех пор, как их дочь Медина утонула в ведре. Нет, она не поливала себя керосином дважды ранее. Наконец ему разрешили вернуться на свое место. Он практически упал на свой пластиковый стул, но при этом был удовлетворен: вот теперь он оплатил соседям за то, что они лишили его детей нормальной семьи.

– Кто следующий? – провозгласила судья Чоан. Пришло время заслушать последнего свидетеля из Аннавади.

Синтия Али, лучшая подруга Фатимы, люто ненавидела Хусейнов с тех самых пор, как мусорный бизнес ее мужа пошел ко дну. В ночь, когда Одноногая совершила самосожжение, а Абдул спрятался на складе, именно она пришла на майдан, чтобы призвать всех окрестных жителей пожаловаться на Хусейнов в полицию и обратиться к стражам порядка с требованием арестовать всю их семью.

Во время конфликта соседей Синтии не было рядом, но на следующий день она объявила следователям, что присутствовала на майдане. Затем через жену владельца борделя она передала Зерунизе угрозу: если ей не заплатят двадцать тысяч рупий, она даст такие показания, что всех ее родственников точно упрячут в тюрьму. Хусейны отказались платить и все эти месяцы со страхом ждали ее мести.

– У меня голова идет кругом, – сказала Зеруниза Абдулу вечером накануне очередных слушаний, когда они вместе стояли у весов и ждали, когда мусорщики принесут свой товар. Глаза у госпожи Хусейн были, и правда, безумные. Такое выражение на ее лице Абдул видел последний раз тогда, когда она приходила к окну неофициальной камеры в участке Сахар, чтобы навестить мужа и сына. – Как Синтия будет смотреть в глаза людям, если солжет в суде? – вопрошала Зеруниза. – Она потеряет лицо, лишится чести. Как после этого вернуться в Аннавади?

Абдул считал такую постановку вопроса просто абсурдной.

Перед явкой в суд Синтия вымыла голову и надела свое лучшее сари – лиловое с красивой, голубой с золотом, каймой. Привести в порядок гнилые зубы было невозможно.

Женщина представляла, что ее выступление в суде будет решающим и станет кульминацией всего процесса. Нечто подобное она видела в индийских фильмах.

Ей было очень горько смотреть, как растут доходы конкурентов, в то время как ее семья бедствует. Синтия считала, что Зерунизе просто

повезло: она произвела на свет «сортировальную машину», то есть Абдула. Но Зеруниза, по мнению завистницы, вела себя высокомерно, будто считала себя самой умной. Кроме того, госпожа Хусейн любила пошептаться с другими женщинами о темных страницах биографии Синтии, которая некогда была танцовщицей в баре. Но та давным-давно оставила это занятие и приняла христианство. С недавнего времени Синтия стала именовать себя социальным работником: она пыталась пристроиться к какой-нибудь программе по борьбе с бедностью, наподобие тех, что курировала Айша. Правительство и иностранные инвесторы охотно вливали деньги в подобные проекты.

Когда госпожа Чоан вызвала ее к кафедре, Синтия вышла вперед и встала перед судьей, прямая, как струна. Она громко и уверенно назвала свое имя и недавно придуманный род занятий – координация социальных программ. Забеспокоилась она лишь тогда, когда обвинитель начал задавать вопросы.

Этот прокурор совсем не был похож на тех, которых она видела в кино. Он не пронзал ее горящим взглядом; вид у него был усталый и скучающий. Он вообще не поднимал глаз на свидетельницу, несмотря на то, что она облачилась в такое эффектное сари. Ему, как и судье, явно ужасно надоело дело, которое сейчас слушали.

Недовольная Синтия насупила брови. Зачем обвинитель торопит ее? Разве судья не хочет узнать все детали той ссоры, при которой свидетельница якобы присутствовала? Она сейчас поведает всем, как пыталась выломать дверь, чтобы спасти горящую подругу. Не успела она произнести несколько фраз, как прокурор закончил задавать вопросы и предоставил слово адвокату.

Тот подскочил со своего стула. Этот человек действительно был похож на юриста из фильмов. Он отнесся к лжесвидетельнице, последней на скучном слушании, внимательно и настороженно.

Да, призналась она в ответ на его вопросы, бизнес ее семьи потерпел крах, в то время как Хусейны благоденствовали.

Да, действительно, ее хижина находится на некотором расстоянии от дома обвиняемых, в другом переулке.

Да, ее дом довольно далеко от того места, где произошла ссора. Да, во время конфликта она готовила ужин, резала овощи.

– Так как же вы могли видеть, что произошло между соседями? – поинтересовался адвокат.

– Но я это видела! – заупрямилась Синтия. Ее лицо исказила гримаса. – Она же моя соседка!

– Не согласен, – возразил адвокат. – Это раньше вы говорили, что были свидетельницей ссоры. Но это не соответствует действительности. Вы тогда солгали.

В итоге судья продиктовала вечно отстающему от событий стенографисту некую несуразную комбинацию, соединив часть вопроса и ответа. Получилось: «Я солгала, и я видела ссору».

Глаза у Синтии вылезли из орбит. Ее сын ходил в католическую школу и учил там английский. Мать, помогая ему делать домашние задания, и сама запомнила кое-что. Она поняла, что судья велела стенографисту зафиксировать, что свидетельница призналась во лжи. Но это не так, надо все исправить! Ей нужно было время, чтобы подумать, собраться с мыслями.

– Подождите! – крикнула она так громко, что Кекашан и Карам услышали ее голос, перекрывший уличный шум. **Но это было «ускоренное судопроизводство», да и дело с точки зрения чиновников было ничтожным. Никто никого здесь не ждал.**

Свидетельница может занять свое место. Судья Чоан собралась рассматривать следующее дело. Полицейские показали приглашенным на дверь. Но как же Синтия может взять и уйти, когда ее неверно поняли? Как же теперь изъять из компьютерной стенограммы неправильную интерпретацию ее ложного свидетельства? Она вся тряслась от ярости. Но на кого ее выплеснуть? На судью? На адвоката? На систему правосудия? Она решили валить все на Хусейнов, сидящих в конце зала на скамье подсудимых.

– Я вам еще покажу, – закричала она, покидая помещение, и картинно потрясла кулаком, как в кино. Но ее выступление было окончено, а фильмов здесь никто не снимал. Неверно понятые свидетели и заинтригованные, не разобравшие, что произошло, обвиняемые, сели в одну электричку и отправились домой. Надо было возвращаться в Аннавади к повседневным заботам. Все они еще долго будут судачить между собой о сегодняшнем слушании, но так до конца и не разберутся в том, что случилось. Точку в этом деле поставят после прений, которые состоятся через две недели.

Глава 15

Лед

Абдул, Мирчи и родители стояли, заложив руки за спину, перед складом, забитым разнообразным годным для сдачи на переработку мусором, и раздумывали, что делать со всеми этими запасами. Они хотели по возможности отсрочить поездку на утилизационное предприятие, так как цены на их товар предельно упали. Но ехать надо было. Семья продала склад, чтобы заплатить адвокату. И, хотя в дни, свободные от поездок в Донгри, Абдул работал как проклятый, его труды приносили очень мало денег. Полицейским из участка Сахар удалось выполнить свою угрозу и пустить Хусейнов по миру.

В семье было решено, что все ее члены будут стараться придерживаться строгих этических принципов, усвоенных Абдулом в Донгри от учителя. Во всяком случае, пока дело рассматривается в суде, никакого краденого товара они покупать не будут. Доход семьи из-за этого уменьшился на 15 процентов, но при этом полиция продолжала проявлять к ним повышенное внимание. Стражи порядка теперь приходили каждый день, чтобы вымогать деньги.

– Они терзают нас, как собаки, всю кровь высосали, – жаловалась как-то Зеруниза. Найти у Хусейнов какой-либо незаконно приобретенный товар полицейские не могли, поэтому теперь они угрожали, что арестуют Абдула за сортировку мусора посреди майдана. Как он смеет занимать общественную территорию? Это же снижает качество жизни в Аннавади!

Полицейские намекали, что, выдвинув новое обвинение, они продемонстрируют судье, что семья склонна к систематическому нарушению закона. Зеруниза давала одну взятку за другой, а ее муж тем временем подыскивал место в соседнем районе, где можно было бы устроить склад. Возможно, местные блюстители порядка, ничего не знающие об уголовном деле, будут более покладистыми.

Карам хотел верить, что продажа нынешних запасов принесет им неплохой барыш.

– Там, наверное, наберется около пяти килограммов «мельхиора», – говорил он. – И, может, два килограмма меди...

– Не наберется там столько, там одно дерьмо, – окорачивала его жена. – Ты прямо как Мирчи – яблочко от яблони недалеко падает. Оба не хотите работать, только есть, и ждете, что вам все достанется даром.

Мирчи поморщился. Раньше он сам с охотой признавал себя ленивым. Он часто показывал друзьям старую выцветшую фотографию, на которой они с Абдулом были изображены совсем маленькими.

– Видите, Абдул куда-то ползет, а я сижу себе спокойно? Мы всегда были такими разными!

Но с тех пор, как семья попала в сложную ситуацию, он очень изменился. Мальчик научился быстро и хорошо сортировать мусор и вообще брался за любую подработку.

Недавно они вместе с его лучшим другом Раулом подвизались на строительстве новой роскошной гостиницы рядом с аэропортом. Там они помогали соорудить два бассейна. Потом ему удалось устроиться на работу своей мечты: в «Интерконтинентале» он должен был готовить помещения к вечеринкам. Менеджеру фирмы, специализировавшейся на организации праздников, Мирчи понравился, ему выдали форменный пиджак и галстук-бабочку на прищепке. Пиджак был из гладкой, черной, как вороново крыло ткани, отливавший матовым блеском. Зеруниза лишилась дара речи от восторга, когда провела по ней рукой. Но в конце рабочей недели менеджер потребовал, чтобы униформу вернули. К тому же он заплатил Мирчи в пять раз меньше, чем обещал. Тогда парень отправился через весь город в офис работодателя, в надежде получить оставшуюся часть жалованья. Но охрана его даже на порог не пустила.

После этого его временно приняли в компанию Skygourmet, где готовили еду для авиарейсов. Утром мальчика первым делом отправляли в специальную комнату, где компрессор мощным воздушным потоком сдувал с него всю городскую пыль и грязь. Затем он отправлялся загружать поддоны с едой в огромные холодильные камеры с многочисленными отсеками. Труд был нелегким: он без конца таскал тяжести в помещении, где было очень холодно. От мороза у него немели руки и ноги, а в носу образовывалась ледяная крошка. Его пальцы, касаясь металлических поверхностей, примерзали к ним. Зато он зарабатывал по двести рупий в день. Но вскоре весь временный персонал на этом предприятии сократили.

Многие фирмы, чей бизнес был связан с обеспечением аэропорта и авиакомпаний, сейчас сворачивали свою деятельность. Отрицательные последствия экономического спада и террористических актов все еще давали о себе знать. Шив сена, политическая партия, к которой принадлежала Айша, протестовала против сокращения рабочих мест. Организуемые ею акции не всегда были мирными. После массовых

увольнений в «Интерконтинентале» спровоцированные Шив сеной молодчики явились в гостиницу и разгромили фешенебельный холл, требуя, чтобы жителям Махараштры предоставили работу. Эта наглая выходка заставила менеджмент отеля пойти на уступки, и в результате выиграл Раул, получивший по окончании беспорядков временное место. С ним заключили полугодовой договор на очистку вентиляционных шахт.

Как-то вечером Мирчи явился домой и гордо заявил:

– Сторож с парковки говорит, что я очень способный парень.

Мальчику так хотелось найти наконец хоть что-то, что приблизит его к цели – обретению постоянной работы. Но в этом городе было слишком много таких же молодых, умных, симпатичных, но неопытных ребят, жаждавших получить хоть какой-то стабильный доход.

Хусейны ожидали прений, которые должны завершить рассмотрение их дела, и одновременно вместе с остальными жителями Мумбаи следили еще за одним процессом, также проходившем в ускоренном режиме. Из всех боевиков, участвовавших в недавней террористической атаке, в живых остался только один, двадцатиоднолетний пакистанец по имени Аджмал Касаб. Его содержали в тюрьме на Артур-роуд. Именно там, в специально отведенном зале при повышенных мерах безопасности слушалось его дело.

Отец Абдула осуждал боевиков, в том числе и Касаба. Он говорил, что Коран не призывает мусульман убивать мирных жителей, среди которых, кстати, есть и их единоверцы. А Абдул считал, что Касабу все-таки в некотором роде повезло.

– Наверное, его жестоко избивают там, в тюрьме, – как-то сказал он. – Но этот парень хотя бы знает, что действительно совершил то, в чем его обвиняют. Если ты невиновен, побои сносить труднее.

Общественное возмущение и ненависть к Касабу все же не распространилась на других мусульман. Абдул с облегчением отметил это, когда в электричке по пути в Донгри наблюдал за окружающими его людьми. Никто из пассажиров душного, переполненного вагона не обращал на него особого внимания. Индуисты ехали по своим делам и думали о чем-то своем, как обычно. Кто-то покашливал, кто-то ел, кто-то разглядывал проплывавшие в окне рекламные щиты, на которых звезды Болливуда нахваливали цемент или «Кока-колу». Как и Абдул, другие люди бережно придерживали пакеты с важными документами. На пакете у мальчика красовалась надпись: «Сделай паузу, скушай «Твикс». Ничего вокруг не изменилось, и это вселяло надежду и некоторый оптимизм.

Новые надежды питали также и состоятельные жители города. После терактов многие из тех, кто ранее не участвовал в политической жизни страны, решили занять более активную общественную позицию. Они вынашивали идеи реформирования власти. До этого богатые люди, как правило, предпочитали действовать в обход системы: они просто игнорировали неэффективные государственные институты. Полиция не обеспечивала безопасность – нанимали частную охрану. Государственная система образования не позволяла получить знания – отсылали детей в платные частные школы. Вода из водопровода была непригодна для употребления – покупали и устанавливали фильтры. **Многие годы руководствуясь таким принципом, элита пришла к выводу, что лучшая власть – это та, которая не мешает тебе жить своей жизнью.**

Однако после атак на «Тадж» и «Оберой», где погибли как представители «высших сословий», так и простые мумбайцы, стало ясно, что позиция правящего класса нуждается в пересмотре. Люди с деньгами поняли, что одними лишь частными мерами ограничиваться нельзя. Невозможно самому защитить себя от всех угроз, возникающих в мегаполисе. Представители элиты оказались столь же уязвимыми и зависимыми от насквозь прогнившей, не способной никого защитить системы общественной безопасности, как и их беднейшие сограждане.

В конце апреля должны были пройти парламентские выборы, на которые собиралось прийти рекордное количество избирателей из числа представителей среднего класса и богатых людей. Талантливые, хорошо образованные индийцы выдвигали различные политические программы и предлагали радикальные реформы. В центре их внимания оказались такие понятия, как общественный контроль, прозрачность, открытость власти и электронное правительство. Когда-то основоположниками независимой государственности в Индии стали представители высших каст, получившие европейское образование. Но в двадцать первом веке подобные кандидаты почти не баллотировались и даже не принимали участие в голосовании. Демократические процедуры были им ни к чему; они знали другие способы отстаивания своих общественных и экономических интересов. Сейчас во всей Индии беднейшие слои населения ждали выборов с надеждой и с серьезными намерениями повлиять на то, что происходит в стране. Для них это был единственный способ изъять свою волю и продемонстрировать свою силу.

Новый сортировщик мусора пришел в Аннавади и открыл здесь свою

лавочку. Он заполнил ту нишу, которую освободили фактически выдавленные отсюда Хусейны. Абдул теперь целыми днями сидел перед маленькой хибаркой на окраине трущобного квартала Саки-Нака. Этот сарай его семья недавно арендовала под склад. Торговля шла плохо. Местные мусорщики привыкли сдавать товар другим посредникам и не спешили менять свои предпочтения. Однако Абдулу стало легче и спокойнее: проводя время в вынужденном безделье на пороге нового склада, он глядел на незнакомый ему майдан и понимал, что Аннавади со всеми его трагедиями остался где-то далеко. Никто здесь не знал Фатиму и не ведал, что семья Абдула находится под судом. Местные жители не слышали об убийстве Калу, а также об отравившихся крысиным ядом Мине и Санджае.

По вечерам некий человек за одну рупию катал детей на небольшом «чертовом колесе», которое вращал вручную специальным рычагом. Полиция, как всегда, являлась чтобы требовать деньги, но не к Абдулу, а к другим предпринимателям. Ведь и дураку было ясно, что Абдул практически не получает дохода.

У него было много времени на размышления – почти столько же, сколько в Донгри. Он грелся в лучах горячего апрельского солнца и думал о воде и льде.

Одно и то же вещество может принимать форму как воды, так и льда. Точно так же и люди: разные на первый взгляд, они, по мнению Абдула, на поверку оказываются сделанными из одного и того же материала. Впрочем, он сам, вероятно, все-таки немного отличается от многих других – жадных и беспринципных. Например, от полицейских, от следователя по особо важным делам, от врача из морга, сфабриковавшего заключение о смерти Калу. Если Абдулу нужно было бы рассортировать людей в зависимости от того, кто из какого материала сделан, большинство, наверное, попало бы в одну гигантскую кучу. Но вот что интересно: лед, состоящий из того же вещества, что и вода, все же отличается от нее по виду, и, как считал Абдул, обладает лучшими качествами.

Абдул хотел стать более совершенным, чем тот материал, из которого он слеплен. Вода в Мумбаи грязная, но можно стать льдом. У него будут идеалы, высокие цели. Первым среди тех моральных ориентиров, которые он стремился в себе сформировать, была вера в справедливость. Хотя понятно, что здесь у него был свой, личный интерес.

При этом именно сейчас ему особенно непросто было верить в правосудие. Адвокат Карама и Кекашан был убежден, что его

подзащитных обязательно оправдают, особенно после шумного разоблачения Синтии, одной из главных свидетельниц обвинения. Однако незадолго до последнего заседания судью Чоан перевели в другое учреждение в далеком городке. Вскоре должны назначить нового судью, которому придется заново вникать в дело и разбираться во всех его тонкостях, читая убогую стенограмму всех предыдущих слушаний.

Хусейны были убиты этой новостью. А следователь по особо важным делам в золотых очках не преминула воспользоваться ситуацией. Она в третий раз явилась к Караму и Зерунизе, чтобы потребовать у них денег. На этот раз ее сопровождал муж Фатимы.

Госпожа Пайкрао заявила, что у нового судьи крутой нрав, и он уж точно вынесет обвинительный приговор отцу семейства и Кекашан. Но, к счастью, вдовец готов ходатайствовать о прекращении дела. Он изменит свои показания и показания своей жены. Тогда дело закроют. Цена вопроса – два лаха, то есть более четырех тысяч долларов.

Пурмина Пайкрао блефовала. Она решила сыграть на невежестве обитателей трущоб. Женщина полагала, что Хусейны не поймут, что их дело не гражданское, а уголовное, и инициировано оно штатом Махараштра. Муж Фатимы не может повлиять на его прекращение, сколько бы ему ни заплатили.

Перед тем как снова дать следователю по особо важным делам от ворот поворот, отец Абдула все же решил проконсультироваться с адвокатом. Карам черпал знания о юридических процедурах из газет на урду, которые читал в большом количестве, и хотел удостовериться, что правильно понимает характер того процесса, по которому проходит подсудимый. Да, он все правильно понимает. Это была маленькая победа информации над коррупцией.

В каждой стране есть свои любимые мифы. Благополучные индийцы склонны романтизировать нестабильность и хаос, свойственные обществу, в котором они живут. Не будь повседневная жизнь страны столь непредсказуемой и беспорядочной, говорят они, невозможен был бы и ее нынешний динамичный рост. Вот, к примеру, в Америке и Европе всякий знает, что будет, если открыть водопроводный кран или нажать клавишу выключателя. Но в Индии почти ни в чем нельзя быть уверенным. Хроническая неопределенность, согласно этой теории, стимулирует развитие творческих способностей, заставляет людей искать нестандартные пути решения задач, проявлять смекалку, предприимчивость.

Представители социальных низов охотно верили, что нестабильность порождает гениев. Одно плохо: бедняки уж очень уставали от постоянной несоразмерности усилий, затрачиваемых для решения проблем, и получаемых результатов. Как сказала одна девочка в Аннавади: «Что мы только не пробовали, но мир по-прежнему враждебен к нам».

Три раза в неделю Абдул проходил через крошечную калитку в стене колонии Донгри. И каждый раз он искал глазами Наставника. Ему так хотелось поведать учителю о чиновнице, которая пыталась обмануть его родителей, и о том, как хорошо шел судебный процесс, пока не заменили судью; а также рассказать, как полиция разорила их семейный бизнес. В Аннавади Абдул так часто врал о своих особых отношениях с Наставником, что сам поверил, будто тому интересно следить, как продвигаются дела у его подопечного.

Однако встретиться с учителем мальчику все не удавалось. Он расписывался в журнале и снова выходил на улицу, думая, как бы потянуть время и не возвращаться сразу в Саки-Нака, где его ждали одни разочарования. У него не получалось заработать на жизнь себе и своей семье. Однажды, чтобы взбодриться, он решил пройти пешком от детской колонии до легендарной мумбайской мечети Хаджи Али^[103]. Идти до нее было примерно час.

– Я сильно не задержусь, – уверил он мать. – Мне просто нужно побольше двигаться, чтобы лучше работало сердце.

Мечеть, а также мавзолей Хаджи Али, находились на островке в Аравийском море, связанном с материком длинной каменной дамбой. Перед Абдулом двигалась толпа паломников. В воздухе стоял туман от взметаемых морем соленых брызг, и оттого мальчику мерещилось, что головы женщин в темных покрывалах впереди – это сотни черных воздушных шаров, медленно плывущих через перешеек навстречу сверкающему куполу мечети. По обе стороны дороги сидели за раскладными столиками торговцы, продававшие крашения из соленого теста и пластмассовые водяные пистолеты. Небеса были покрыты легкими перистыми облаками, похожими на крылья чаек. Вид был прекрасен, как на картинке в календаре на урду, некогда висевшем у Хусейнов в доме.

И тут Абдул заметил то, чего никогда не увидишь в красивых фотокалендарях.

Площадь у самой мечети была запружена одноногими попрошайками. Впрочем, безногие здесь тоже были. Они заполонили все пространство: одни стояли на коленях, другие простерлись на земле, третьи голосили,

причитали и рвали на себе одежду. Казалось, будто вместе собралась добрая сотня безумных клонов Фатимы.

Абдул бросился прочь, подальше от Хаджи Али. Дело не в том, что ему неприятно было смотреть на всех этих увечных. Смятение в его душе имело совсем иную природу. Он вдруг понял, что не сможет жить спокойно, пока суд не объявит его невиновным. Правосудие должно признать, что он не нападал на женщину-инвалида, не душил ее и не вынуждал покончить с собой жестоким и страшным способом.

Абдул мог взять себя в руки и подавить любые свои желания и стремления, но не это. Он хотел, чтобы все знали: он лучше и чище, чем та грязная вода, в которой он обитает. Приговор должен был подтвердить всем, что он кристально чист, как лед.

Глава 16

Черное и белое

Айша мечтала уехать из Аннавади и для осуществления своего плана испробовала много разных способов. Но в начале 2009 года она поняла, что все придуманные ею пути бегства вели в тупик. Она почувствовала тоску и опустошенность. Может, силы покинули ее, потому что недавно ее ударило током? Или радость жизни ушла оттого, что умерший недавно, так и не собрав денег на операцию, господин Камбл мог перед смертью послать проклятие в ее адрес? Вскоре после кремации его вдова, симпатичная женщина, которой покойный супруг оставил только долги, увела у Айши одного из ее самых полезных и ловких любовников.

Конечно, такое с Айшой уже случалось. Бывало, что мужчины бросали ее ни с того ни с сего. Но раньше ей как-то легче было справляться с обидой: она загоняла чувства глубоко внутрь, старалась не давать им воли и тут же бралась за какое-то новое дело, так что суэта отвлекала от мрачных мыслей. Ей даже нравилось снова и снова искать ответы на вечные вопросы: «Что бы еще попробовать? Кого бы еще попробовать? Что же будет дальше?» Но сейчас они лишь служили напоминанием, что все предыдущие ответы были неверными. Золотые мечты растаяли, а за ними оказалась одна мерзость.

Главной причиной провала было то, что она так неразумно делала ставку на Субхаш Саванту. Вскоре после пышного праздника Навратри, устроенного ею в Аннавади, главу округа с позором прогнали с должности. Суд признал документы о его принадлежности к низшей касте поддельными. Но это было не единственным разочарованием. Список неудач был длинным. Затея с бакалейной лавкой, на которую она получила правительственную ссуду, надеясь, что муж будет торговать прямо у дома, не удалась. Да, она добилась статуса старосты, но это лишь прибавило ей утомительных обязанностей, а никакой особой прибыли от своего положения она пока не получала. Манджу так и не стала страховым агентом, продающим полисы представителям элиты. И выгодный жених тоже пока не нашелся. Поиск квартир для «левого» бизнеса полицейских из участка Сахар не принес существенных комиссионных. А сколько еще было придумано схем и сколько времени потрачено на их реализацию? Но все они в конце концов завершались крахом.

Сейчас в стране полным ходом шла избирательная кампания перед

парламентскими выборами, и Айша должна была активно заниматься агитацией в трущобах. Руководство Шив сены звонило по пять раз на дню, чтобы напомнить ей об этом. Новый глава округа, представитель партии Национального конгресса, тоже связался с ней по телефону. Чтобы привлечь симпатии обитателей трущоб, он вымостил майдан красивым камнем, а также установил здесь мемориал из черного мрамора в честь своего политического движения. Теперь ему нужна была помощь Айши: ее влияние в Аннавади было довольно большим, и это для него было важнее, чем узкие рамки политической лояльности.

Но она не желала связываться с очередным политиком, особенно с учетом того, что он принадлежал к конкурирующей партии. Делать ничего не хотелось: сидеть бы дома и плакать. Возвращаясь после уроков в начальных классах, она укутывалась в плед и бормотала себе под нос стихотворение на маратхи, которое увидела недавно на доске объявлений в Манхурде^[104]. Оно так ей понравилось, что она переписала его на листок:

То, чего не желаешь, всегда при тебе,
А чего жаждет душа, не поймает в сети.
Путь лежит лишь туда, куда не хочешь идти;
Только подумает: жизнь удалась,
Есть счастье на свете! —
Смерть стучит в твою дверь.

Манджу с беспокойством смотрела, как мать целыми днями лежит, свернувшись калачиком. Но о причинах ее тоски она не спрашивала — и так догадывалась. Вначале девушка качала головой:

— Мама, мне не нравится, когда ты такая тихая.

На следующий день, протягивая Айше чашку горячего чая, Манджу заметила:

— Я тоже устала от этих экзаменов.

И еще через день:

— Дай-ка, я красиво перепишу это стихотворение.

К тому времени чернила на листке расплылись от слез ее матери.

В тот же вечер Айша, высунув голову из-под пледа, обнаружила, что «ода несбывшимся надеждам» висит на гвоздике над кроватью — распечатанная и заламинированная.

Манджу думала, что мать страдает из-за неудачного тайного романа. Но сердце сорокалетней женщины было не настолько чувствительным: оно давно приобрело житейский опыт и очерствело. Айша страдала не от душевной боли, а от черных мыслей: она то мучительно раздумывала

о причинах крушения ее предприятий, то начинала копаться в мелочах: почему этот полицейский не перезванивает? Почему ее не пригласила к себе Рина, коллега из Шив сены, которая проводила недавно особую пуджу^[105]. Раньше Айша только порадовалась бы тому, что не надо идти к Рине, зануде с коровьей физиономией. Но сейчас ей казалось, что все отвернулись от нее и игнорируют ее даже по мелочам. И все это вместе неопровержимо свидетельствовало о том, что она потерпела житейское фиаско. Что-то важное внутри ее сломалось.

Айша всегда считала амбициозность и целеустремленность своими главными достоинствами, которых не унаследовали ее дети. Может, еще и оттого, что в сыновьях и дочери этих качеств не было, она была склонна переоценивать их в себе. **Но со временем стремление побеждать любой ценой превратилось в постоянный самообман. Вместо того чтобы признать, что ей что-то не удалось, она предпочитала именовать любой полученный результат победой и для этого специально придумывала новые критерии успеха.** Всякий раз, когда кто-то рядом терпел неудачу, ей казалось, что она продвинулась на шаг ближе к своей цели. Безусловно, дела у нее шли лучше, чем у Хусейнов, и в каком-то смысле ей повезло больше, чем господину Камблу. И все же жизнь ее мало изменилась: она по-прежнему жила с мужем-алкоголиком в тесной лачуге рядом с прудом, куда сливали отбросы. Это ее сильно угнетало. Кстати, все дети Айши были так же самолюбивы, как она: некоторое тщеславие им как раз удалось перенять от матери. Так или иначе, но ей не удалось подняться на новый социальный уровень, перебраться из трущоб в благополучный район города и сменить окружение. А в Аннавади тем временем соседи начали тихо ненавидеть ее. Отношение к ней изменилось, когда она попробовала нажиться на их страхе, ведь все в глубине души понимали, к 2010 или 2011 году квартал все-таки обязательно снесут.

Сначала соседи уважительно держали дистанцию, но после того случая стали проявлять к старосте почти открытую неприязнь.

В предвыборную пору все политики понимали, что голоса тысяч обитателей трущоб им не помешают, поэтому многие из них продолжали уверять жителей Аннавади и окрестных беднейших кварталов, что не допустят уничтожения их домов властями аэропорта. А тем временем полным ходом шла подготовка к воплощению в жизнь плана по «зачистке» территории. Часть освободившейся земли должна отойти аэропорту, а остальное будет свободно обращаться на рынке недвижимости. На месте более чем тридцати трущобных районов застройщики возведут новые гостиницы, торговые центры, офисные комплексы, и, возможно, даже

устроят здесь парк развлечений.

Параллельно была запущена правительственная программа по улучшению жилищных условий обитателей трущоб. Согласно ей, частным девелоперам будет позволено строить на этой земле интересные их объекты только в том случае, если они, помимо прочего, возведут здесь многоквартирные дома. В них смогут переехать те, кто докажет, что приобрели или построили свою хижину в период с 1995 до 2000 года (срок устанавливался в зависимости от того, в каком квартале жили люди) и все это время обитали в них. Естественно, программа имела коррупционный потенциал. Преступные синдикаты вели с правительством свои хитрые игры. Но даже если бы все делалось честно, из-за несовершенства законодательства и прочих процедурных нюансов у населяющих трущобы людей практически не было шансов получить новые квартиры. Две трети обитателей этих мест переехали в Мумбаи не так давно, а потому срок их пребывания в городе не соответствовал условиям предоставления муниципального жилья. К тому же многие старые дома были снесены во время предыдущих «бульдозерных рейдов». Тогда спецтехника сровняла с землей 122 000 хижин. Их обитатели перебирались в другие бедные кварталы или строили из подручного материала новые лачуги вдоль границ города.

Муниципальные чиновники были не в состоянии бороться с трущобами в целом как с социальным явлением, поэтому для них было особенно важно уничтожить конкретные кварталы возле аэропорта. Вполне посильная задача, к тому же эта акция получит должный резонанс. Весь мир увидит, что индийские власти предпринимают шаги на пути к цели – избавить город от жалких и уродующих его лицо сооружений.

«Для чиновников трущобы не более чем символ экономической отсталости, – раздраженно думала Айша. – И вообще, если аэропорту не хватает места, почему бы им не снести гостиницы?» Но отели не создавали проблем для официальных лиц. Поэтому бассейны и лужайки останутся там, и где были.

Но что же делать ей, старосте одного из этих «отсталых», мозолящих глаза поселений, мешающих всей нации двигаться по пути прогресса? Что она может? Сколотить оппозицию, призвав в ее ряды всех соседей? Бесплодная затея. Уж лучше блюсти свои частные интересы и попробовать на всем этом заработать.

Новые выгоды открывали спекуляции с участками земли, на которых располагался квартал Аннавади. На этом месте когда-нибудь вырастут

высотные дома, и в них некоторым трущобным жителям выделяют маленькие квартиры (по 25 квадратных метров каждая) с водопроводом и канализацией. В городе, где недорогого жилья катастрофически не хватало, подобная квартира была солидным капиталом. Поэтому **многие состоятельные горожане начали скупать за бесценок местные развалюхи. Одновременно с этим они обзаводились поддельными документами, подтверждающими, что именно они, а не кто-либо другой, много лет прожили в Аннавади.**

Большинство из таких покупателей собирались использовать социальное жилье, которое они получают в будущем, для сдачи в аренду или просто для перепродажи по более высокой цене. Так, некий бизнесмен, который приобрел склад у Хусейнов, говорил:

– Квартира, которую я потом получу, будет стоит в десять раз больше той суммы, что я сейчас заплатил за сарай.

Мелкий политик по имени Папа Панчал скупил сразу несколько хижин неподалеку от сточного пруда. Формально он действовал не как частное лицо, а как представитель крупной компании-застройщика. При этом он нанял бандитов, чтобы те запугали владельцев и вынудили их продать свои дома.

Айша взялась за посредничество в подобных сделках. Одному из своих знакомых, мужчине средних лет, владельцу фирмы-поставщика, работавшей с отелями, она помогла договориться с малограмотной женщиной Гитой, матерью троих детей, о покупке ее лачуги. Вскоре предприниматель состряпал себе бумаги, удостоверяющие, что он трущобный житель с большим стажем. Но тут Гита пошла на попятный и устроила настоящий скандал.

Она бегала по всему кварталу и кричала, что Айша обманула ее. Ее детям теперь придется жить на улице. Гита отказывалась выезжать из своего дома и пыталась написать заявление в полицию. Конечно, все проблемы с полицией Айша уладила быстро. Но вскоре возникли новые: купивший хижину бизнесмен прислал команду подвыпивших головорезов, чтобы те вышвырнули Гиту вон. Все это происходило в воскресенье днем на глазах у всех соседей.

Айша отправила Раула посмотреть, что там происходит. Мужчины за волосы выволокли из дома худенькую, но яростно отбивавшуюся женщину, протащили ее по улицам, утопили ее вещи в сточном пруду, обозвали ее шлюхой и облили керосином ее последний мешок риса. Рыдающие дети Гиты на коленях собирали просыпавшие рисинки с земли.

Некрасивая картина, подрывающая доверие к старосте! Особенно при

условии, что все знали: она сидит у себя дома с каменным лицом и не желает вмешиваться в этот конфликт. А ведь на ее территории чужаки совершают насилие. С тех пор Айша почувствовала, что соседки провожают ее недобрым взглядом и все время шепчутся у нее за спиной.

– Ну, просто животная алчность! – говорила непалка, прикрывая рот рукой.

– Она всегда была себе на уме, но теперь мы точно знаем, что за деньги Айша раздавит кого угодно, – отозвалась тамилка.

– На этой сделке она, наверное, заработала десять тысяч рупий, – предположила Зеруниза.

Когда эти слова передали Айше, ей стало особенно горько. Десять тысяч! Огромная сумма, ради которой не жалко было бы пожертвовать репутацией. На деле же бизнесмен заплатил ей ничтожные комиссионные.

Эта история настолько выбила ее из колеи, что когда к ней обратился за помощью в подобном же вопросе новый клиент – высокопоставленный и коррумпированный чиновник, – она отказала ему. И это несмотря на то, что он предлагал не просто фиксированную сумму вознаграждения за услугу, а процент от дохода от будущей квартиры. Но Айша отнеслась к этому обещанию скептически.

«Только подумаешь: жизнь удалась – смерть стучит в твои двери». Пессимизм этой строчки был глубоко созвучен ее настроению. Но тут судьба преподнесла ей новый подарок в виде свалившихся откуда ни возмись государственных денег. И Айша снова поверила, что жизнь продолжается.

Идея аферы, которая обеспечила будущее Айше и ее близким, пришла в голову не ей, а чиновнику по имени Бхимрао Гайквад, работавшему в Департаменте образования штата Махараштра. Он отвечал за реализацию в Мумбаи масштабной правительственной программы Sarva Shikva Abhiyan, финансируемой за счет средств иностранных благотворителей. Цель ее состояла в том, чтобы сделать начальное образование всеобщим и доступным для всех детей, включая тех, кому приходится подрабатывать, а также девочек и инвалидов. Миллионы юных мумбайцев должны были получить возможность прийти в школу, чтобы научиться читать, писать, считать.

Давая интервью корреспондентам из газет, Гайквад подчеркивал, что будет специально отыскивать и набирать в классы детей из беднейших семей и постарается сделать так, чтобы полученные знания помогли им выбраться из нищеты. Однако его подлинной, впрочем, никак

не афишируемой целью, было присвоить как можно больше выделенных на программу денег. Он тесно общался с городскими и окружными чиновниками, отвечавшими за общественную и социальную работу, и нашел среди них себе подельника, который готов был разработать схему получения средств и создать видимость активной деятельности по организации начальных школ. Получаемые гранты партнеры будут делить между собой и другими задействованными в этом предприятии людьми.

Айше очень хотелось, чтобы Гайквад оценил ее ум или хотя бы красоту, и потому пригласил бы участвовать в этом деле. Но он остановил свой выбор на ней по гораздо более прозаической причине: на ее имя была зарегистрирована некоммерческая организация (НКО). Давно, еще в 2003 году другой человек помог Айше создать НКО для одного перспективного проекта. Он пообещал тогда, что организация получит выгодный контракт на уборку городских улиц. Но этой затее не суждено было воплотиться в жизнь.

– И что, ваша НКО зарегистрирована по всем правилам? – поинтересовался Гайквад во время их первой встречи.

– Да, все по закону.

И тогда чиновник решил, что именно Айша ему нужна, чтобы проверить мошенническую схему с выделенными государством на просветительский проект деньгами.

Его помощники подготовили документы о том, что возглавляемая Айшой организация уже несколько лет курирует работу двадцати четырех начальных школ для учеников из бедных семей. На продолжение этой мифической деятельности правительство ассигнует 4,7 лаха, то есть более десяти тысяч долларов, которые будут переведены на счет НКО. Позже поступят дополнительные транши – на создание девяти «промежуточных школ» в трущобных районах для детей, вынужденных работать. Из этих денег Айша будет выписывать зарплату неким личностям в соответствии с предоставленным Гайквадом списком. Теоретически это должны быть учителя и другой школьный персонал. Она, естественно, не уточняла, кто все эти люди. Какое ей дело? Ей нужно только привезти двадцать тысяч рупий наличными самому Бхимрао да еще пять тысяч содействовавшему ему окружному чиновнику, руководившему социальной работой в районе.

В первый год Айша получит не такой уж большой процент от прошедших через ее руки средств. Слишком много взяток поначалу придется раздать за предоставление этого контракта. Но Гайквад уверял, что в будущем ее ждут куда более щедрые комиссионные.

После поступления на «полумертвый», давно никем не использованный счет НКО первого гранта в 429 000 рупий, возникла небольшая заминка. Чтобы распоряжаться деньгами со счета, кроме подписи Айши необходима была вторая подпись, которую, как правило, ставил секретарь организации. Формально на этой должности числилась соседка, которую Айша давным-давно не информировала о своих делах. Та поначалу не разобралась в ситуации и заволновалась: «Ой, да мы разбогатели!». А потом заплакала: «А что, если нас уличат в мошенничестве?» Она боялась подписывать чеки, поэтому Айше пришлось ее уволить и нанять более сговорчивую сотрудницу. Дальше все пошло благополучно, и высокопоставленные посредники получили свои откаты.

Торжествующая Айша решила, что наконец удача улыбнулась ей. На склоне лет ей удалось создать устойчивое, многопрофильное и чрезвычайно доходное предприятие. Теперь она сможет проложить себе дорогу в лучшее общество. Там столько разных людей, столько настоящего и ложного успеха. Ей будет нетрудно пустить пыль в глаза своему новому окружению. Особого ума для этого не надо. Это проще, чем ежедневно тратить силы на борьбу за выживание в трущобах. **Главное, что нужно – немного везения, а также твердые убеждения. Первое из них гласило: «То, что я делаю, не так уж дурно». Второе: «Скорее всего, меня никто не поймает за руку».**

– Конечно, все это махинации, – оправдывалась она перед смиренно внимающим ей новым секретарем НКО. – Но разве я их организовала? Разве это все одних лишь моих рук дело? Кто обвинит меня в том, что я делаю что-то нехорошее, если все документы подготовили и подписали такие большие люди? Значит, они считают, что здесь все законно.

Новый секретарь послушно кивала, слушая эти рассуждения. Однако с тех пор, как она подписала чеки, в глазах ее потух огонь, а губы плотно сжались. Но разве она могла спорить? Ведь Айша была ее матерью.

– Теперь тебе не нужно искать работу по окончании колледжа, – говорила она Манджу. Действительно, у них же теперь было полно мифических школ, которыми они символически управляли. – Я тебе передам все дела. Да и в любом случае тебе придется руководить этим проектом, потому что им должен заниматься человек с профильным образованием.

Манджу несколько не прельщала перспектива получить такое «наследство». Но когда в дом принесли подержанный компьютер, приобретенный с новых доходов, она не отказалась им пользоваться. Это Мина всегда была строптивой дочерью и перечила родителям, а у Манджу

был покладистый характер. Айша оплатила подключение Интернета, что очень обрадовало Раула. Он тут же зарегистрировался в «Фейсбуке». Но вскоре его интерес к социальным сетям немного угас, потому что ему купили красный мотоцикл Honda.

Манджу любила сидеть за компьютером. И дети, с которыми она некогда занималась дома, тоже были от него в восторге. Они часто заходили, чтобы полюбоваться на новую технику учительницы – так они по-прежнему именовали Манджу и смотрели на нее выжидательно. Им не хотелось верить, что занятий больше не будет. Однако выдуманные школы приносили такой доход, что преподавать в реальной уже не было необходимости.

Манджу не так давно заучивала содержание пьесы о докторе Фаусте. Там говорилось о суровой расплате за сделку с совестью. Ей запомнилось, как герой, мечтавший стать сверхчеловеком, понял, что ему придется дорого заплатить за хорошую жизнь, которую он добыл нечестным путем. И хотя девушка не вполне могла себе представить каков он, описываемый христианами ад, она все же чувствовала, что последствия ее нравственного падения могут быть ужасными.

Однажды вечером, вскоре после завершения экзаменов, она сидела за клавиатурой компьютера, как вдруг услышала на улице какой-то шум. Она встревоженно обернулась к дверям и с ужасом увидела стоящих на пороге двоих, нет, пятерых евнухов! Они не были похожи на того гибкого и красивого юношу, который некогда поразил ее своим страстным танцем в розовом храме. Нет, это были уродливые трансвеститы в женской одежде, но с волосатыми ручищами и плохо выбритыми усами. Такие евнухи приходили в благополучный дом, чтобы принести в него несчастье.

Манджу задрожала от ужаса, но и гости смутились, потому что не ожидали подобной реакции. Никого проклинать они не собирались. Они пришли к Айше, самой авторитетной фигуре среди жителей Аннавади, чтобы та помогла им зарегистрироваться на избирательном участке и принять участие в голосовании, которое состоится через неделю. Как и другие жители трущоб, они не хотели остаться в стороне от политических процессов, а желали вершить судьбы государства, пусть в течение одного лишь дня. Ведь только во время выборов политика перестает быть кулуарным занятием, а становится общенародным делом.

Эти парламентские выборы должны были стать историческим событием и явить торжество демократии в невиданных масштабах: около полумиллиарда человек по всей стране выстроились в очереди

к избирательным урнам. Они выбирали представителей, которые, в свою очередь, на заседании в Дели назначат премьер-министра. Всем было заранее известно, кто получит мандат от Аннавади. Фаворитом давно считалась выдвинутая партией Индийского национального конгресса Прийя Датт, добрая и скромная женщина. Она соединяла в себе качества, любезные сердцу всех индийцев: была связана с миром кинематографа, и в то же время представляла семейный клан, в котором полномочия передаются по наследству. Ее родители были звездами Болливуда, а кроме того, отец Прийи до последнего времени занимал парламентское кресло, в которое сейчас готовилась сесть его дочь.

За неделю до выборов в Аннавади приехал грузовик с символикой ИНК. Рабочие выгрузили крышки для канализационных люков, сложив их в восемь штабелей. На улицу вывалила толпа местных жителей, радовавшихся такому щедрому предвыборному подарку. Благодаря партии Прийи Датт в Аннавади не будет больше открытых коллекторов!

Но через несколько дней грузовик подъехал снова. Бригада вместо того, чтобы монтировать навесы, снова загрузила их в кузов и увезла в другой, более крупный трущобный район. Там они были нужнее; партия могла выиграть больше голосов. Пожилые обитатели Аннавади только посмеялись, глядя вслед удаляющейся машине. Забавная вышла история.

Евнухи, мигранты из штата Тамилнад, не особо разбирались, чем разные политические движения отличаются друг от друга. Но все равно они очень хотели голосовать. Проблема состояла в том, что избирательные комиссии часто не принимали регистрационные документы, предоставляемые мигрантами и некоторыми ограниченными в правах меньшинствами. У Айши и ее мужа были карточки для голосования, а также идентификационные номера, позволяющие каждому из них голосовать дважды на одних выборах в разных округах. И в то же время у многих обитателей Аннавади, не являвшихся коренными жителями Махараштры, не было возможности даже один раз отдать свой голос. Например, Зеруниза и Карам давно получили временную регистрацию, но она не давала им избирательного права. Семь лет они пытались добиться его, но все тщетно.

Для обитателей Аннавади, не значившихся в списках комиссии, возможность отдать свой голос была важна вовсе не потому, что им так уж хотелось повлиять на политический расклад сил. Для них ключевым был сам момент, когда они опустят бюллетень в урну. В эти минуты обездоленные, живущие в антисанитарии, в криминальной среде, занятые на нелегальной работе люди почувствуют себя равными всем остальным

гражданам страны.

Самый высокий из евнухов склонился перед Айшой, а затем упал к ее ногам.

– Учительница, – обратился к ней он. – Год назад мы подали свои регистрационные документы в округ, но до сих пор не получили избирательных карт. Мы вроде бы сделали все, что требовалось – и никаких результатов. Но скоро выборы. Не смогла бы ты подать наши бумаги еще раз, обратившись к нужным людям, чтобы нам дали право проголосовать?

Айша взяла со стола зеркальце.

Евнух кашлянул.

– Учительница! Ты сможешь нам помочь?

Манджу подняла бровь. Ее мать вела себя так, как будто бы евнухов вообще не было рядом. Она взяла тюбик с увлажняющим кремом и медленно стала наносить его на лицо. Потом она вытряхнула на ладони немного пудры и похлопала по щекам. Она явно собиралась куда-то уходить.

– Что она делает? Красится? – громким шепотом спросил один из евнухов у всех остальных. Но Айша его не слышала, она мысленно была уже где-то в другом месте.

Она больше не староста. С политикой покончено. К черту незарегистрированных евнухов и всех других жителей Аннавади. «Довольно с меня беготни и волнений из-за всех этих мелких делишек», – думала Айша. Ей наплевать, сядут ли Хусейны в тюрьму. Она не обратит внимания, если вдруг половина квартала вымрет от туберкулеза или дух Фатимы устанет празднично витать в своем любимом убежище и возьмется за чистку туалетов (которая, между прочим, им крайне необходима). Наверное, Айше придется еще некоторое время жить здесь. Но теперь она не принадлежит этому кругу. Она директор благотворительного фонда, образовательной организации с официальным регистрационным номером. Возможно, вскоре у нее будут даже зарубежные спонсоры. Айша теперь – респектабельная дама, живущая в стране больших возможностей. И, кстати, она опаздывает на свидание.

– Встретимся у автозаправки, – сказал ей по телефону мужчина. – И надень то розовое домашнее платье, которое мне так нравится.

Женщина с улыбкой зашла за кружевную занавеску и обмотала вокруг себя шелковое сари с изящным черно-белым рисунком. Она стала теперь другой и наденет то, что ей нравится.

Манджу с любопытством оглядела мать.

– Ты хорошо выглядишь. Этот наряд больше тебе идет, чем тот розовый.

– Да уж, хорошо, – мрачно буркнул один из евнухов, когда сияющая Айша шагнула из дому в темноту ночи.

Глава 17

Школа, больница, поле для крикета

В середине мая были объявлены результаты выборов. Жаждающей реформ элите не удалось переломить ситуацию. Большинство парламентариев были переизбраны и вновь сели в свои кресла. Прежний премьер-министр занял свой пост^[106]. Обещания радикально изменить подходы к управлению страной, щедро раздававшиеся политиками до общенародного голосования, были благополучно забыты. Через несколько недель после оглашения итогов выборов на окраину Аннавади прибыли посланные властями аэропорта бульдозеры.

Стена с «Вечной красотой» была разрушена, а через два дня засыпали сточный пруд, рассадник тропической лихорадки и малярии. Образовавшуюся площадку старательно разровняли, видимо, готовили к строительству какого-то здания. В Аннавади люди утешали друг друга: «Ничего, нас пока не трогают, все работы ведутся вокруг квартала». Уничтожение трущоб на территории аэропорта пройдет в несколько этапов в течение нескольких лет, так что жители еще успеют собраться вместе, все обсудить и понять, что на программе по их переселению наживутся очень многие – далеко не одни лишь политики и предприниматели, скупавшие местные лачуги.

Тем временем дети с интересом следили за техникой, разравнивающей участок для будущей стройки. Они восхищенно смотрели, как у бывшего пруда ярко-желтые бульдозеры сдвигают скребками огромные кучи земли. На поверхности показался ценный мусор, остатки жизнедеятельности предыдущих поколений, пригодный для переработки: старый замшевый ботинок (некогда он был белым), ржавые болты и гайки, а также куски пластика и металла. Все это можно было пустить на утилизацию и что-то заработать.

Однажды субботним днем младшие дети Хусейнов вместе с дочерьми Фатимы и другим ребятами отправились поглядеть на работы в окрестностях Аннавади. Провожая взглядом мощные машины, они рассуждали о том, что возведут на этой территории:

- Школу, – сказал кто-то.
- Нет, я слышал, что здесь будет больница.
- Точнее, роддом.
- Да нет же, дурачина. Земля принадлежит аэропорту. Тут устроят

стоянку такси, а может, сюда будут даже садиться самолеты.

– Для взлетной полосы маловато места. Нам тут построят площадку для игры в крикет.

Младшая дочь Фатимы прищурилась. Что-то сверкнуло в только что отваленном пласте земли. Она бросилась прямо навстречу бульдозеру, рискуя попасть под скребок.

– Назад! – крикнула ей проходящая мимо женщина. Но девочка потянулась к своей находке и отпрыгнула в сторону в последний момент: бульдозер чуть не сбил ее с ног. После того как он проехал, малышка присела и принялась копать. Какая удача: абсолютно целая тяжелая стальная кастрюля! Хина схватила ее и, поднимая клубы дорожной пыли босыми пятками, радостно понеслась в Аннавади.

За эту старую кастрюлю дадут как минимум пятнадцать рупий. Увидев девочку с ее трофеем, две женщины на майдане рассмеялись. Хотя кто-то в Аннавади выиграл от грядущей модернизации аэропорта. Дочь Фатимы держала свое сокровище высоко над головой, чтобы все друзья смотрели и завидовали.

Еще через несколько недель детям пришлось стать свидетелями новых ярких событий. В Аннавади явились журналисты и телевизионщики с огромными черными камерами. Квартал вдруг попал в новостной выпуск. Поводом для такого внимания стали традиционные гонки лошадей с повозками на великолепном многополосном Западном скоростном шоссе. Эти бега, обычно устраиваемые в июне, всегда превращались в веселое и красочное шоу, хотя их проведение и не было санкционировано властями. Множество людей стекалось к шоссе, чтобы посмотреть на соревнования. Зрители даже делали небольшие ставки.

Бывший староста Роберт, владелец зебр, выставил двух своих лошадей. Он запряг их в старую полуразвалившуюся колымагу, впрочем, свежевыкрашенную, сверкающую красной и синей краской. В самом конце забега, когда нарядная повозка проносились по самому высокому месту эстакады, у нее на полном ходу отвалилось колесо. **Повозка перевернулась, упряжь порвалась, лошади заметались и свалились с эстакады. Животные разбились об асфальт проходившей внизу трассы, а один из газетных фотографов успел зафиксировать момент их ужасного падения.**

И тут развернулась целая кампания против нерадивого владельца животных. Общество требовало отыскать и наказать его. Но Роберт исчез из толпы прямо во время происшествия, а где он прячется, никто

не знал.

Граждане возмущались, газеты пестрели заголовками, один хлеще другого: «Новости в деле о погибших лошадях: эксклюзивное расследование корреспондентов». «Полиция знала о смерти лошадей через минуту после несчастного случая, но дело до сих пор не заведено!» «Сенсационная информация: где жили лошади до своей трагической гибели».

Однажды Сунил, Мирчи и другие ребята наблюдали, как активисты из организации «Борцы за гуманное обращение с растениями и животными» явились в сарай, где Роберт держал своих питомцев. Они привели с собой журналистов и деятелей из Общества защиты животных. Осмотрев оставшихся в живых лошадей, правозащитники установили, что некоторые из них не получали достаточного питания. Люди из Общества решили перевести тех, кто, по их мнению, пребывает в наиболее плачевном состоянии, на специальную реабилитационную ферму. На следующий день газеты сообщали: «Лошади спасены!»

После этого активисты взялись за Роберта. Полицейские из участка Сахар, долго и выгодно сотрудничавшие с бывшим старостой, не желали заводить против своего партнера дело о жестоком обращении с животными, и в газетах появились новые обличения: «Преступник по-прежнему остается безнаказанным!» Представители возмущенной общественности понесли фотографии страшного происшествия на бегах начальнику всей мумбайской полиции. И вот уже бывшему старосте и его жене предъявили обвинение: они не обеспечили должный уход и питание своим четвероногим питомцам и тем нарушили Закон о предотвращении жестокости к животным.

Наконец правосудие пришло в Аннавади. Сунил и уличные мальчишки были поражены тем, как много сделано для того, чтобы разобраться в причинах смерти двух лошадей.

При этом они не задавались вопросом, почему же власти не взялись с тем же рвением за расследование смерти Калу и Санджая. Ребята из Аннавади давно усвоили печальную истину: никого в этом современном, бурно развивающемся, богатом и благополучном городе не интересует их судьба. Они позор мегаполиса, а потому лучше им спрятаться подальше, в каком-нибудь грязном углу, где ни жизнь их, ни смерть не будет никем замечена. **Поднявшаяся после гонок шумиха удивила их лишь потому, что считалось, что лошади Роберта – одни из самых благополучных и сытых, всеми обихаживаемых существ в трущобном квартале.**

Защитников животных было не так уж много, но они действовали слаженно, поэтому их голос был услышан всеми. В Аннавади людям тоже было против чего протестовать. Одни были недовольны общественным водопроводом, работавшим из рук вон плохо, особенно последние три месяца; других возмущало, что их во время выборов не хотела регистрировать избирательная комиссия; третьи указывали, что государственные школы не дают детям никаких знаний; четвертые жаловались, что при поиске работы их систематически обманывают сомнительные посредники: берут плату за трудоустройство, а потом бесследно исчезают. Абдул, как и многие местные жители, был зол на полицию. По ночам он с наслаждением представлял, как взорвал бы ко всем чертям участок Сахар. Однако трущобные обитатели редко объединялись, чтобы высказать свое недовольство. Даже против властей аэропорта они не смогли выступить сообща.

Вместо этого они все время ссорились между собой: одни нищие и бесправные обвиняли других нищих и бесправных во всех своих бедах. Иногда они даже пытались уничтожить друг друга. Нередко человек, старавшийся насолить соседу, на деле причинял страшный вред самому себе, как это, например, случилось с Фатимой. А те, кому везло, как Айше, не стеснялись поправлять свое материальное положение, обирая себе подобных и отнимая последний шанс на лучшую жизнь у самых обездоленных.

Положение, сложившееся в трущобах Мумбаи, не уникально. Нечто подобное происходит во многих городах, в разных странах мира. Однако, несмотря на активно разворачивавшуюся глобализацию, каждый воспринимает свои беды и чаяния очень лично, не поднимаясь для обобщений. Поэтому находящиеся на дне общества люди и не могут в полной мере понять, что их объединяет. **Вместо того, чтобы сплотиться, представители беднейших слоев населения без конца воюют между собой за скудные и временные блага.** В масштабах большого города все эти трущобные склоки кажутся мелкой и бессмысленной мышиной возней. Богатые и знаменитые крайне редко принимают в свой круг новых членов. Это сословие остается замкнутым, недостижимым для людей вне его. Политики делают ставку на растущий средний класс. А самые бедные без устали враждуют друг с другом. На том и держится современный мегаполис: власти, поддерживая статус-кво, тем самым обеспечивают ему относительно мирную жизнь, спокойствие и равновесие.

В июне, с началом сезона дождей, в Сюри явился новый судья. Он начал снова вызывать свидетелей по делу Кекашан и ее отца. Судью звали С. К. Дхиран. У него были костлявые руки, очки с толстыми стеклами и вечно сонные глаза. Он разбирал дела еще быстрее, чем его предшественница.

Кекашан, поднимаясь в зал заседаний, расположенный на верхнем этаже здания, выглянула с лестничной площадки в маленькое окошко. Вдалеке, поверх мокрых черепичных крыш виднелось Аравийское море.

Девушка была по-прежнему слаба после перенесенной желтухи, а также от всех выпавших на ее долю волнений. Зачем снова пытаться угадать, что у судьи на уме? Проходили недели, и она понимала: не стоит прикладывать усилия, чтобы разобрать произносимые судебными чиновниками слова. Все равно невозможно предсказать, чем все это кончится и отправят ли их с отцом за решетку. За них обоих волновалась мать. Зерунизу мучили ночные кошмары, а еще она начала ходить во сне, как лунатик, и даже иногда среди ночи выбегала на майдан.

Кекашан во время слушаний тихо сидела на скамье рядом с другими обвиняемыми и бормотала молитвы, пока ей не объявляли, что можно ехать к домой. И она возвращалась к семье, где все судорожно решали, как бы свести концы с концами. Как говорил Мирчи: «Мы скатились до того, что трудимся только ради пропитания».

Хусейны оставили идею снова начать посреднический бизнес в сфере утилизации отходов. В Саки-Нака дело совсем не шло: арендная плата за новый сарай была больше, чем месячный заработок Абдула. Поэтому в последнее время он целыми днями разъезжал по разным кварталам на дребезжащем трехколесном грузовичке и предлагал другим людям услуги по перевозке мусора на утилизационные предприятия. Мирчи брался за любую временную работу, иногда, когда полицейские не видели, скупал товар у мусорщиков в Аннавади. Атахар, третий по старшинству сын Хусейнов, бросил школу, купил себе поддельное свидетельство о рождении, подтверждавшее, что он совершеннолетний, и устроился на дорожные работы. Парень сказал, что он не имеет ничего против того, чтобы отказаться от учебы. Главное – помочь семье. Но Кекашан это беспокоило и даже очень.

В последний день июля состоялись прения: прокурор и адвокат произнесли свои финальные речи. Судья взглянул на Кекашан (как ей показалось, в первый раз за все время) и даже пошутил по поводу ее покрывала:

– А мы вообще уверены, что это именно та женщина, которая проходит по делу? Разве можно узнать человека, когда он так одет? Это может быть кто угодно.

Судья долго смеялся, а прокурор и адвокат что-то говорили ему по-английски, после чего Кекашан и ее отцу велели выйти из зала и вернуться через полтора часа. Тогда будет оглашен приговор.

Почти все полтора часа совещания судья жаловался на жизнь:

– Мне уже совсем немного осталось до пенсии. Досижу последние годы, чтобы получить максимальные выплаты, и сразу уйду на покой. В штате Махараштра поступают так неразумно – требуют, чтобы судьи без конца предоставляли какие-то чеки и квитанции. Вот в Андхра-Прадеше и Гуджарате деньги на бензин выдают судьям вместе с зарплатой, и никаких чеков никому носить не надо...

А на улице в это время городской мусоровоз задавил собаку. Пес завизжал и издох. Кекашан с отцом, наблюдавшие эту сцену, решили, что лучше все-таки посидеть в столовой суда. Девушка села на пол и уставилась на свои пластиковые тапочки. Они были новыми и натерли ноги. В зал заседаний она вернулась босиком и чуть прихрамывая.

– Чем вы занимаетесь? – спросил судья Кекашан.

– Я домохозяйка.

Это был первый и единственный вопрос, который ей задал судья. Она не собиралась рассказывать ему, что ушла от мужа и что нашла в его телефоне фотографии других женщин.

– А какой у вас бизнес? – обратился судья к Караму, который сцепил пальцы, чтобы руки не так тряслись.

– Сэр, я занимаюсь пластиком.

Он решил, что это прозвучит солиднее, чем «покупаю и продаю пустые бутылки от воды и бывшие в употреблении пакеты».

– Из-за вас оборвалась жизнь женщины, – сказал судья.

– Сахиб, это не так! – вскричал Карам. – Она поступила так по собственному почину.

Судья помолчал, а потом посмотрел на обвинителя с рыжей челкой, зачесанной высокой волной.

– Ну что нам делать с этими людьми? Мне что, приговорить их двум-трем годам тюрьмы?

Кекашан похолодела. Но судья улыбнулся и поднял вверх обе руки.

– Отпустим их, – обратился он ко всем присутствующим. – «Джао, чод до».

Суд признал Хусейнов невиновным. Процесс окончен.

Письменно заключение судьи было кратким: «Обвинение не представило веских доказательств того, что подсудимые каким-либо образом вынуждали покойную к самоубийству. Вина этих лиц ни в одном из пунктов не подтвердилась, они освобождены из-под стражи».

Надо быстрее уходить, освобождать зал. Здесь сейчас будет слушаться следующее дело. Но Кекашан с Карамом будто приросли к свидетельской кафедре.

– Можете идти – два раза повторил им адвокат, причем во второй раз ему пришлось возвысить голос. И тогда Карам с дочерью бросились прочь из здания суда.

Теперь оставалось только дожидаться оправдания Абдула в суде для несовершеннолетних. Это было *дело его чести*. В сентябре 2009 года служащий суда сказал:

– Процесс, скорее всего, начнется в следующем месяце. Но в октябре он заявил: «Может, месяца через три».

Единственным, кто давал по поводу этого дела один и тот же комментарий, был полицейский из участка Сахар, с которым Абдул время от времени сталкивался в Донгри.

– Признай, что ты избил одноногую, – уговаривал он. – И все тут же решится. А иначе разбирательство будет длиться вечно. Если ты признаешься, все закончится и от тебя отстанут.

В конце 2009 года Зеруниза решила принять особые меры, чтобы ускорить начало судебного процесса, на котором ее сын должен быть оправдан. Она пошла к суфийскому^[107] мудрецу. Этот человек вел прием на Ризй-роуд и обещал, что сделает будущее своих клиентов безоблачным, поспособствует решению всех их проблем, снимет сглаз, отведит злых духов. Последнее было очень важно для Зерунизы, потому что она считала, что вся эта судебная волокита инспирирована призраком Фатимы. Мудрец повязал красную веревочку на запястье госпожи Хусейн и велел ей повязать такую же вокруг ствола дерева во дворе. На улице находилось много таких же жаждущих чуда паломников, как и она. Люди пели и кружились под звуки ритуального барабана^[108]. Когда Зеруниза передавала суфию деньги, он уверил, что духи будут теперь более дружелюбны к ее сыну. И все же она решила, что не худо будет сходить также в мечеть и заказать на семь пятниц подряд маннат^[109] на имя Абдула.

В начале 2010 года дело по-прежнему не сдвинулось с мертвой точки. Все усилия Зерунизы, пытавшейся хоть что-то предпринять, были бесплодными. И тут снова в их дверь постучала следователь по особо важным делам. Она сказала, что взятка ускоряет судебный процесс лучше, чем молитвы. Зеруниза ответила на это предложение самой отборной бранью, на которую только была способна.

К концу 2010 года Абдул и его мать пришли к выводу, что им придется смириться с гнетущей неопределенностью: мальчика никто не признал виновным, но и не оправдал.

Абдул по-прежнему искал Наставника всякий раз, когда приезжал в Донгри. Ему хотелось поговорить с ним о том, что в эти последние годы своего детства он изо всех сил старался вести добродетельную жизнь. Но теперь, почти став мужчиной, он не уверен, сможет ли дальше следовать пути праведности. По его наблюдением, благоразумные мужчины предпочитали не проводить уж слишком четких границ между добром и злом, правдой и ложью, справедливостью и тем, что ей противостоит.

«Некоторое время я старался удержать внутри себя лед, не дать ему растаять, – думал он. – Но сейчас я постепенно превращаюсь в грязную воду и становлюсь таким же, как все. Я часто говорю Аллаху о том, что безмерно, безмерно люблю его. Но стать лучше я не могу, потому что мир не дает мне этого сделать».

Трое старших сыновей Хусейнов работали, и постепенно дела у семьи пошли на лад. Карам и Зеруниза надеялись, что когда Аннавади сотрут с лица земли, им все же удастся получить по программе переселения трущобных жителей небольшую квартирку, пусть и не в этом районе. Да, 25 квадратных метров для одиннадцати человек – это совсем немного. Да, они уедут далеко от аэропорта и мусорных потоков, на которых кое-как удастся зарабатывать. И все же жить в квартире намного лучше, чем на улице. Абдул мрачнел, как туча, стоило ему только вспомнить о том, как все было хорошо в начале 2008 года: процветающий бизнес, первый взнос за участок в одном из предместий города... Землю в Васаи давно продали другой семье, а заплаченный Хусейнами залог, конечно, не вернули.

У отца Абдула появилась неприятная привычка разглагольствовать о будущем так, будто это был рейсовый автобус:

– Вот он проезжает мимо, и тебе кажется, что все, ты опоздал. А потом начинаешь думать: нет, я все-таки на него успею, надо просто ускорить шаг. Нужно бежать быстрее, чем когда-либо в жизни бежал. Но мы ведь так устали от всей этой суеты, и уже нет прежних сил. Как же нам догнать

его? Надо постараться, даже если уверен, что это тебе не удастся; даже когда понимаешь, что лучше дать ему уйти...

Абдул не желал все это слушать. К счастью, ему было чем заняться. Каждый день рано утром он отправлялся в рейд по крупным трущобным кварталам, где работает много небольших предприятий. Он стучался в двери цехов, складов, вызывал управляющих и смиренно спрашивал, не нужно ли вывезти какой-то мусор. Парень изучил разные объездные дороги и короткие маршруты, открыл для себя множество маленьких переулков, позволяющих быстро добираться из одного места в другое, потому что на новые скоростные трассы такие колымаги, как его, не допускали.

Да, в некоторые неудачные дни он тратил во время поисков клиентов больше бензина, чем ему удавалось заработать. Но были и хорошие периоды, когда его полный мусора грузовичок, подсакивая на ухабах дороги, делал по несколько вполне прибыльных ездов в сутки. Он был готов ехать куда угодно, и заказы вдали от Аннавади его не смущали. Лишь бы деньги платили. Иногда он даже делал вылазки за пределы штата – в Вапи^[110], что в Гуджарате. Бывал он в Кальяне^[111], в Тане. Но больше всего заказов у него, конечно, было в самом Мумбаи.

Иногда поздно вечером, направляясь домой, он воображал, что вот сейчас возьмет, да и не вернется к семье в трущобы, которые он теперь воспринимал как тоже своего рода тюрьму. Ему представлялось, как он жмет на газ и исчезает вдали, где его ждет пока не известная, но, вероятно, лучшая судьба. Однако вскоре звуки большого города возвращали его к реальности. Автобусы и машины громко сигналили. Они вынуждены были тормозить или объезжать его. Водители ругали Абдула на чем свет стоит. Или вдруг к нему под колеса ни с того ни с сего бросались дети, из шалости или по забывчивости сходявшие с тротуара на проезжую часть, как это часто делала дочь Фатимы. Все они будто бы совсем не ценили свою жизнь.

Возвращение в Аннавади было неизбежным. Абдул жаловался матери:

– Стоит допустить одну лишь ошибку за рулем, и все, тебе конец. На дороге я все время в напряжении. Нельзя терять бдительность; невозможно и на секунду задуматься о чем-то своем!

На самом же деле он любил дорогу. Прокладывая себе путь в ночи, он чувствовал себя сильным и удачливым. Щуря усталые глаза, Абдул думал: «Да, пока не удалось покорить весь этот огромный, сияющий огнями город. Но многие его кривые, неровные улочки и переулки я уже покорил».

Однажды рано утром Абдул сидел на большом черном мусорном мешке рядом с игровым салоном и размышлял о предстоящем рабочем дне. Ему нужно будет совершить еще одну бесполезную поездку в Донгри, а потом до вечера рыскать по окрестностям в поисках заказов на вывоз отходов. Тут на мешок рядом с ним взобрался Сунил. Они некоторое время не виделись, потому что Абдул все время был в разъездах. Маленький мусорщик наклонился, максимально приблизив к нему свое лицо, как это делают «почти что друзья», и попросил:

– Не одолжишь пару рупий? А то очень есть хочется.

Абдул отпрянул:

– Ух, не дыши на меня! Ты же еще не чистил зубы. Ужасный запах! А лицо какое грязное! Иди умойся скорее, а то на тебя страшно смотреть.

– Хорошо, хорошо, – засмеялся Сунил. – Сейчас умоюсь. Я только встал.

– Рановато для вора.

– А я больше этим не занимаюсь.

Во-первых, цены на утилизируемый мусор снова поползли вверх. Во-вторых, полиция уж больно зверствует. Да и охранники в аэропорту недавно поймали его, раздели почти догола, обрили ему голову и отпустили в таком виде восвояси. Поэтому Сунил решил вернуться к сбору отходов. Кстати, именно поэтому он вынужден сидеть сейчас здесь, на мешке рядом с Абдулом, а не в своем любимом игровом зале. Хозяин разозлился, что Сунил больше не сдает ему краденые товары, и теперь не пускает мальчика на порог.

Косоглазый Сону почти простил Сунилу за то, что тот некоторое время занимался воровским ремеслом. Но привычку поздно вставать он считал непростительной. Сунил собирался снова работать в паре с Сону и теперь старался вставать пораньше, на заре. Также он пытался найти пути примирения с самим собой и перестать ненавидеть себя за то, что вернулся к презренному труду мусорщика, который все считают таким грязным и ничтожным. Сунил выяснил, что канцелярская замазка помогает обрести внутреннюю гармонию, но очень ненадолго.

– Я так много думал о том, как сделать свою жизнь лучше и чище, но у меня все никак не получалось, – признался он Абдулу. – Сейчас я попробую подойти к этой проблеме с другой стороны. Я больше вообще не буду думать о ней. Просто перестану размышлять, и все тут. Может, что-то из этого выйдет? Вдруг тут-то что-то хорошее и произойдет...

Абдул дал ему легкий подзатыльник:

– С ума можно сойти, слушая тебя, – сказал он.

Он чувствовал себя таким старым и усталым рядом с кем-то, кто еще строил планы, высказывал идеи, выдвигал предположения. Когда трущобы снесут, они с Сунилом, наверное, больше никогда не увидятся. Бывший воришка собирался начать новую жизнь где-то далеко за городом, среди цветов и деревьев. Но Абдул подозревал, что, скорее всего, мальчик останется в городе и превратится в бродягу, вечно скитающегося по улицам и спящего под забором. Он, наверное, и не понимает: последние дни в Аннавади – это лучшее, что у него осталось в жизни.

Большой и гладкий зеленый лист, планируя на ветру, перелетел через дорогу и упал на землю у ног Абдула. Утренний воздух был свеж; пыль и грязь почти не коснулись этого листа. Парень подобрал его, достал из кармана старое и заржавленное раскладное лезвие и раскромсал зеленую плоть на мелкие-мелкие кусочки, положил их на ладонь и сдул с нее. Зеленое конфетти закружилось и осело на бровях и ресницах Сунила, а также на его чуть отросших и торчащих ежиком волосах.

– Ну и что же дальше? – спросил Сунил через минуту-другую.

– Что? Чисти зубы и иди работать! И так уже поздно. Ничего уже не останется, все до тебя подберут.

– Ладно, пока. – Сунил спрыгнул с мешка, стряхнул с себя кусочки листа и побежал прочь. Абдул смотрел ему вслед. Станный, но славный парнишка. Он мысленно пожелал Сунилу удачи. И она вскоре улыбнулась маленькому мусорщику: буквально через полчаса на том самом выступе стены над рекой Митхи он нашел много ценного.

Скоро здесь уже не будет такси и водителей, выбрасывающих мусор за ограждение. Новый аэропорт станет настоящим, полноценным символом новой Индии: красивыми воротами в современный город. **Но сейчас пока одиннадцать банок, семь бутылок из-под воды и большой комок смятой фольги мирно лежат на длинном бетонном выступе. Они ждут, пока явится смелый и отчаянный мальчишка, который предъявит свои права на все эти сокровища.**

От автора

Десять лет назад я влюбилась в индийца и в его страну. Но он предупредил меня, чтобы я не судила о ней по первому впечатлению.

Когда мы встретились с моим будущим мужем^[112], у меня уже был большой опыт репортерской работы. В основном я писала о жизни беднейших кварталов разных городов Соединенных Штатов и пыталась понять, какие в нашем государстве, одном из богатейших в мире, существуют пути для того, чтобы человек мог выбраться из нищеты.

И вот я приехала в Индию, познакомилась с этой великой цивилизацией, и передо мной встали почти те же вопросы. Как получается, что в этой мощной державе, продолжающей динамично расти и развиваться, по-прежнему живет треть беднейшего населения планеты и четверть всех голодающих на Земле?

Меня быстро начали раздражать все эти набившие оскомину, жалкие и ужасающие картины крайней нищеты, которые в первые пять минут приводят в состояние шока любого посетителя трущоб: тощие ребятишки с облепившими их глаза мухами и прочее, и прочее. Но гораздо важнее увидеть и понять другое, то, что открывается после шока и вообще не лежит на поверхности. Какие возможности и перспективы есть у людей в этом обществе? Каковы механизмы реализации этих возможностей? Кто может добиться успеха на рынке; кого призваны поддерживать меры, предусмотренные государственной экономической и социальной политикой? Кого обошли вниманием, оставили за бортом? Каким образом тощее дитя, живущее за чертой бедности, может вырасти полноценным взрослым человеком и преодолеть эту самую бедность?

Вскоре я задумалась еще об одном – о проблеме ужасающего неравенства между социальными группами. Как им удастся сосуществовать, живя бок о бок друг с другом? Надо сказать, что подобное явление довольно универсально и характерно для очень многих современных мегаполисов. (Исследователи, оценивающие разрыв между состоятельными и беднейшими членами городских сообществ, подчеркивают, что социальное неравенство в Нью-Йорке и Вашингтоне достигает таких же показателей, что в Найроби или Сантьяго.) Некоторые считают, что это не столько экономическая, сколько нравственная проблема. Может, и так, но меня поражает, почему столь редко задумываются над чисто практическими вопросами сосуществования богатых и бедных. Ведь вторая из этих категорий в крупных городах,

подобных Мумбаи, гораздо многочисленнее, чем первая. Почему в таких районах, как территория мумбайского аэропорта, где тесно соседствуют пятизвездочные гостиницы и жалкие трущобы, не происходит социального взрыва? Почему обездоленные, доведенные до отчаяния люди не превратили роскошные здания в груды развалин, как в известной видеоигре Metal Slung 3?

Мне хотелось прочитать книгу, дающую ответы хотя бы на некоторые из этих вопросов, так как я сознавала, что написать подобного рода работу для меня было бы непосильной задачей. Я не родилась в Индии и не знаю ее языков. Мне потребовалась бы целая вечность, чтобы разобраться, как устроена жизнь в этой стране. К тому же я не была уверена, что смогу проводить в ней достаточно времени, а нужно было бы собрать обширный материал. У меня слабое здоровье, и я боялась, что сезон дождей и другие опасности, подстерегающие белых людей в трущобах, окончательно подорвут его. И все же я решила попробовать отправиться туда и провести свое исследование. Это решение пришло ко мне как-то долгой бессонной ночью.

Я была одна в своем доме в Вашингтоне, потянулась к стоявшему на верхней полке большому словарю и упала. У меня было повреждено легкое и сломано три ребра. Я лежала в растекшейся луже напитка Dr. Pepper без сахара и никак не могла доползти до телефона. Прошло несколько часов, и за это время мне удалось кое-что для себя уяснить. Если я подвергаюсь таким опасностям, когда беру с полки словарь у себя дома, то, скорее всего, мне нечего терять. Хуже уже не будет. Я вполне могу рискнуть и отправиться на поиски истины в совершенно новое, незнакомое место. Да, есть вероятность того, что из моей затеи ничего не выйдет, но даже само продвижение к цели обещает быть очень увлекательным.

Мне показалось, что публицистической литературы, достоверно рассказывающей о современной Индии, не хватает. Мало кто подробно изучает и описывает, как людям с небольшими доходами, особенно женщинам и детям, удастся адаптироваться к реалиям эпохи глобализации. Я читала много рассказов об индийцах, которые успешно перестроились и покорили мир компьютерных технологий. Но часто умалчивалось, что триумфаторы обладали солидными преимуществами на самом старте карьеры: они принадлежали к высокой касте, происходили из состоятельных семей и получали образование в частных учебных заведениях. Читала я и другие истории: о наивных и простодушных обитателях трущоб, попавших в безвыходное и страшное положение, правда, описанное необъективно, одними лишь черными красками. И тут

вдруг к ним чудесным образом являлся некто и спасал из беды (очень часто в роли спасителей оказывались белые люди из далеких западных стран). Встречались мне также исповеди гангстеров и наркобаронов, излагавших свои мысли таким языком, которому позавидовал бы Салман Рушди.

К тому времени я была уже знакома с некоторыми трущобными жителями. Ничего фантастического и героического в них не было. И, конечно, они не были склонны пассивно ждать помощи извне. Беднейших кварталов много по всей стране, и «чудесные спасители» в большинство из них никогда не добираются. Поэтому их жители привыкли полагаться на себя, действовать самостоятельно, импровизировать и соображать на ходу. Иногда у них в головах возникают просто гениальные экономические схемы, позволяющие использовать себе на пользу открывшиеся в новом веке возможности. Официальная статистика предоставляет некоторые данные о том, как меняется уровень жизни у таких семей. Но в Индии, как и в других государствах, в том числе у меня на родине, статистика, касающаяся жизни беднейшего слоя населения, часто оказывается далекой от реальности. Она не в состоянии описать, через что на самом деле приходится проходить людям.

Чтобы понять страну, я часто вынуждена задавать много неудобных вопросов. В частности, в какой мере судебная система в состоянии защитить самых слабых и обездоленных и предоставляет ли им социальная система возможности для развития. Я не претендую на то, чтобы делать общие выводы на основании частных случаев. И все же мне казалось, что будет полезно в течение нескольких лет понаблюдать за жителями одного самого заурядного трущобного района и проследить, кому в нынешней процветающей Индии удалось «подняться», кому нет и почему так произошло. Я по-прежнему остаюсь сторонним наблюдателем, иностранцем, а не индийцем. Но ведь почти в такой же ситуации я оказывалась и в США, когда приезжала в незнакомое место. Да, здесь я чужая, но могу преодолеть минусы своего положения, постепенно знакомясь с людьми и входя к ним в доверие, внимательно следя за всем происходящим, собирая документы и свидетельства, проверяя данные, сопоставляя мнения.

Все приведенные в книге события реальны, равно как и имена их участников. Впервые я приехала в Аннавади в 2007 году и познакомилась там с Айшой и Манджу. А закончился сбор материала для книги в 2011-м. Документировалось все, что рассказывали мне жители этого квартала: я вела дневники, записывала видеорепортажи, аудиоинтервью, делала фотографии. Некоторые дети быстро научились пользоваться моей

камерой Flip Video и фиксировали некоторые события и без меня. Особенно фанатичным документалистом стал Дево Кадам, один из бывших учеников Манджу.

Также в работе я использовала более трех тысяч официальных документов. Доступа к некоторым из них мне пришлось добиваться годами. Я писала письма в государственные инстанции, обеспечивающие действие принципиально важного для развития индийской демократии Закона о праве на информацию. Мне нужно было получить документы из множества государственных учреждений, в том числе из мумбайской полиции, Департамента здравоохранения и образования, избирательных комиссий, муниципальных и окружных институтов власти, конкретных больниц, моргов, судов. Все это было очень важно по двум причинам. Во-первых, эти справки подтверждали рассказанные очевидцами истории и добавляли к ним много важных деталей. Во-вторых, даже отсутствие каких-то сведений было примечательным. Можно было проследить, как действуют коррупционные механизмы и каким образом из-за равнодушия чиновников то, что происходит с жителями бедных кварталов, не попадает в поле зрения более высоких властей и общественности.

Когда на страницах книги, которую вы только что прочитали, я описываю мысли и чувства ее героев, это означает, что они поделились ими со мной и моими переводчиками или – обязательно при мне – еще с кем-нибудь. При обработке материалов у меня иногда возникали сомнения (а это неудивительно, учитывая сложность и неоднозначность человеческих взглядов), и тогда приходилось снова беседовать с будущими героями книги, чтобы уточнить некоторые детали. Если же это было невозможно, я не использовала прямую речь, а пересказывала своими словами то, что, как мне казалось, должен был думать или ощущать человек.

Например, Абдул и Сунил до встречи со мной практически не имели опыта подобного общения: ни с кем, даже с близкими, они никогда так много не рассуждали о своей жизни и отношении к ней. Во время долгих бесед, казавшихся им, наверное, бесконечными, я заставляла этих ребят снова и снова повторять какие-то мысли и так постепенно проникала в их мироощущение. Иногда я отрывала их от работы, уточняя факты и разбираясь в деталях.

С одной стороны, я понимала, что велик риск исказить картину, когда строишь повествование на рассказах людей столь замкнутых и косноязычных. И в то же время мне не хотелось помещать в центр этой истории более красноречивых, умеющих ярко и цветисто

разглагольствовать персонажей, хотя такие имелись в Аннавади. Те, кто трудится день и ночь, в основном молча корпя над мусором, обычно используют лишь небольшое количество сугубо прикладной, связанной с работой и повседневным бытом лексики. Понять всю глубину и своеобразие их ума за один «сеанс общения» невозможно. Эти их качества открывались мне постепенно, после того, как я почти четыре года терзала их расспросами.

Когда я приезжаю в незнакомое место, чтобы понаблюдать за тем, что там происходит, я стараюсь критически относиться к каждой конкретной истории. Частный случай сам по себе ничего не доказывает. Однако я полагаю, что подробное изучение жизненных реалий отдельной личности, обычного человека, дает материал для обобщений и может даже послужить аргументом для того, чтобы власти изменили свою политику.

Я посетила разные трущобные районы, чтобы лучше представлять себе общую ситуацию, сравнивать и делать выводы. И все же в основу сюжета книги легла жизнь одного квартала. Тому было две причины. Мне показалось, что в Аннавади у людей есть особенно много возможностей для социального и экономического роста. Ведь этот маленький островок бедности находится среди моря благополучия и даже роскоши. К тому же район был невелик, и это позволяло проводить подробнейшие опросы, стучась в каждый дом. Мне такой социологический подход очень близок. Благодаря столь подробным беседам с жителями я научилась различать частные и общие проблемы, а также поняла связь между ними, как, например, в случае с лишением избирательного права евнухов и мигрантов в целом.

Мою репортерскую работу нельзя было назвать красивым и романтическим занятием. Обитатели Аннавади относились к моему появлению, как к бесплатному цирку, особенно поначалу. Чего стоит один лишь тот эпизод, когда я во время съемок наткнулась на полицейских, попыталась сбежать и угодила в сточный пруд. Однако местным жителям было чем заняться, кроме как следить за моими перемещениями. Через месяц-два их любопытство поуменьшилось, и я продолжала тихо вести хроники их быта.

Мягко и ненавязчиво проникнуть в их жизнь помогла мне Мринмайи Ранаде. Она работала переводчиком первые полгода. Мое близкое знакомство с жителями Аннавади и их знакомство со мной не состоялось бы, если бы этому не способствовали тонкий ум, внимательный слух и душевное тепло, присущие этой женщине. Студентка

Кавита Мишра несколько месяцев успешно переводила для меня на встречах и интервью. А с апреля в 2008-м к проекту подключилась Уннати Трипатхи, талантливая молодая женщина, излучающая социологию в Мумбайском университете. Она была моим переводчиком до самого окончания сбора материала. По мнению скептически настроенной Уннати, человек с Запада вряд ли может адекватно описать жизнь местных трущоб. Однако она привязалась к обитателям Аннавади, полюбила их, а потому помогла мне совершить невозможное. Вскоре она стала для меня верным и незаменимым помощником, партнером в исследованиях, ценным собеседником и критиком. Очень многие мысли и идеи, вошедшие в книгу, родились в ее голове. **Три года мы проводили целые дни в кишачих крысах мусорных сараях Аннавади, вместе с ворами совершали ночные вылазки к сверкающим новым терминалам аэропорта.** Конечно, нам не было ясно, поможет ли все это найти ответ на вопрос, какие возможности открываются перед обездоленными людьми в полном контрастов и неравенства глобализованном мире. С уверенностью можно сказать только одно: может быть, поможет.

Почти все события, описанные в книге, происходили у меня на глазах. Правду о том, что мне не довелось увидеть, я старалась узнать в ходе подробнейших интервью сразу после того или иного происшествия или изучая документы. Это касалось, к примеру, самосожжения Фатимы Шейх и того, что случилось сразу после него. Я выслушала показания 168 человек, с некоторыми говорила по несколько раз, а также читала полицейские протоколы, записи, сделанные в больнице, в морге, стенограммы суда.

Собирая и обрабатывая противоречивую информацию, касающуюся этой трагедии и других эпизодов книги, я поняла, что самыми надежными свидетелями являются дети. Они не оглядываются на политические, финансовые и религиозные раздоры взрослых. Им все равно, что о них подумают, если они расскажут правду. Скажем, дочери Фатимы, присутствовавшие при ссоре соседей и самосожжении их матери, твердо стояли на том, что Абдул Хусейн непричастен к этой драме. То же самое сказали и другие дети Аннавади, чьим зорким глазам и острому уму я со временем привыкла доверять.

Для меня являлось принципиально важным лично быть очевидцем происходивших событий или оперативно собрать свидетельства сразу после них. Дело в том, что позже некоторые жители Аннавади меняли свои показания из страха перед властями. (Их опасения были вполне обоснованными: иногда полицейские из участка Сахар приходили

с угрозами к тем, кто отважился поговорить со мной.) Некоторые рассказы менялись по другим, психологическим причинам: человек пытался представить свое участие в происшествии в другом свете, чтобы уверить самого себя, что он вел себя правильно и ответственно.

Многие отказывались вспоминать трудности и несчастья, считая, что это ни к чему и даже может неблагоприятно повлиять на их будущее. Думаю, Абдул выразил не только свое мнение, но и взгляд многих его соседей, когда как-то раз возмутился:

– Кэтрин, ты что, слабоумная? Я уже три раза тебе это рассказывал, и у тебя все это в компьютере. Я забыл подробности и не хочу их вспоминать. Пожалуйста, не спрашивай меня об этом снова!

И все же с ноября 2007 года по март 2011-го он и другие обитатели трущобного квартала активно помогали мне составить достоверную картину их жизни и представить те компромиссы, на которые им приходится идти. Они согласились на это, хотя и понимали, что я покажу не только сильные, но и слабые их стороны. Все прекрасно осознавали, что в моей будущей книге им может не все понравиться и не со всем они согласятся.

Я уверена, что дело тут не в их личных симпатиях ко мне. Когда я не касалась их болезненных воспоминаний, они относились ко мне совсем неплохо. Я же ими просто восхищалась. Однако они терпели меня прежде всего потому, что, как и я, хотели, чтобы в любимой ими, на глазах меняющейся стране торжествовала справедливость. Манджу Вагхекар, к примеру, откровенно рассказывала мне о коррупции, лелея надежду, пусть и слабую, что это как-то повлияет на порочную систему и дети получат реальную возможность учиться. Такой поступок можно считать по-настоящему мужественным, учитывая уязвимость положения девушки в этом пока что несправедливом обществе.

Аннавади не может считаться символом всей Индии, большой и многогранной страны. Приведенные в книге примеры не претендуют на то, чтобы послужить универсальными моделями существования за чертой бедности. Перспективы у трущобных жителей в различных странах в двадцать первом веке не вполне одинаковы. Везде есть свои нюансы, и их ни в коем случае нельзя списывать со счетов. И все же, размышляя об Аннавади, я поражаюсь неким общим симптомам, которые мне довелось видеть в беднейших сообществах разных городов мира.

Эпоха глобализации – время сиюминутных, краткосрочных проектов и высокой конкуренции. Капитал свободно и быстро перетекает из страны в страну. Крайнюю бедность постепенно удаётся побеждать, хотя борьба

с ней ведется не систематически и не повсеместно. И все же это дает основания для надежд на лучшее. Однако по тем же причинам постоянная занятость уходит в прошлое и повседневная непредсказуемость не дает человеку уверенно смотреть в будущее. В идеале власти должны в какой-то мере компенсировать последствия такой нестабильности. Но на деле все происходит наоборот: зачастую недостатки системы управления плодят коррупцию, а никаких программ, предоставляющих возможность гражданам укрепить свое положение, не проводится.

Мне кажется, что мы сильно недооцениваем разлагающее влияние, которое оказывает коррупция не столько на экономику, сколько на моральное состояние людей. Работая над этой книгой, я часто находила подтверждение тому, что молодежь еще склонна делать выбор в соответствии с этическими нормами. Она, хотя и не всегда, поступает по совести даже в отчаянных ситуациях, когда определенный эгоизм и прагматизм можно было бы оправдать. Дети чаще руководствуются моралью, но, вырастая, теряют нравственные ориентиры. И вот они уже способны пройти мимо истекающего кровью, умирающего на дороге мусорщика; вот они отворачиваются от корчащейся в муках обожженной женщины; вот пожимают плечами, узнав, что строптивый подросток только что выпил крысиный яд. Отчего же это происходит? Используя выведенную Абдулом формулу, можно поставить вопрос так: как дети, стремящиеся быть льдом, превращаются в воду? Вот один из расхожих стереотипов: в Индии, мол, ценят свою жизнь меньше, чем в других частях света, руководствуясь индуистским учением о реинкарнации. Да и перенаселенность, как считается, тоже снижет ценность единичной жизни. Но, по моим наблюдениям, молодые люди в Индии со всей остротой осознают трагичность смерти. **Причина их равнодушия к страданиям других вовсе не в том, что они верят в реинкарнацию, родились в многодетной семье и не получили образования. Думаю, все дело в сложившейся системе отношений в обществе, которая подрывает в них внутреннюю способность следовать нравственному пути.**

Там, где господствует одна лишь рыночная конкуренция и правительство культивирует общественные отношения, при которых помощь ближнему чревата потерей заработка и даже свободы, вряд ли бедняки, сплотившись, станут поддерживать друг друга. Напротив, обездоленные будут винить соседей в несчастьях, в которых на самом деле виновны власти или рыночные факторы. А мы, не живущие в нищете, будем продолжать возлагать ответственность на самих бедных за все их

страдания.

Глядя со стороны, очень легко не заметить простого факта: трудно быть добрым и хорошим, живя в трущобах, где правят коррупция и криминал и измученные люди постоянно ведут войну за мелкие блага. Удивительно другое: несмотря ни на что, некоторым удается остаться на высоте, а другие всеми силами к этому стремятся. Это незаметные, безымянные герои, перед которыми часто встает необходимость морального выбора. Их судьбы похожи на историю Абдула, которого в тот памятный июльский день, когда он устанавливал каменную столешницу, постиг настоящий жизненный крах. Разве можно остаться прямым и негибким, живя в доме, стены которого накренились и начали крошиться, и даже сама земля ушла из-под ног?

Благодарности

Выражаю глубочайшую признательность всем, кто живет в Аннавади. Также я очень благодарна за поддержку и советы следующим людям и организациям:

Бхарати Чатурведи, Виджайе Чоану, Бенджамину Дрейеру, Нарешу Фернандесу, Северине Фернандес, Маэнтре Гамаре, Шайлешу Гандхи, Мэтью Геци, Дэвиду Джексону, Джеймсу Джону, Кумару Кеткару, Крессиде Лейсон, Фонду Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров, Нандини Мета, Шармистхе Моанти, Сумиту Малику, Шобхе Мурти, Кирану Нагаркару, Алке Бхагваану Никалю, Бриджешу Пателю, Гаутаму Пателю, Джиту Нарайяну Пателю, Раджендре Прасаду Пателю, Анне Питоняк, Викрам Рагаван, Линдсей Швери, Майку и марку Зайфертам, Алтамасу Шейху, Гэри Смиту и Американской академии в Берлине, Хильде Суарес, Арвинду Субраманиану, М. Джордану Тирни, а также Мадхулике и Йогендре Йадавам.

Спасибо Бинки Эрбан и Кейт Медина за то, что верили в успех моей работы с самого начала, когда перспективы ее были еще не ясны.

Спасибо Дэвиду Ремнику, который согласился ждать, пока закончится длительный сбор материала для книги, которая могла и не заинтересовать рекламодателей.

Благодарю Дэвида Финкеля и Анну Халл за их регулярную консультативную помощь и участие в реализации этого проекта.

Спасибо Уннати Трипатхи за ее талант и смелость.

Я очень признательна Мринмайи Ранаде за наставления, оптимистичный настрой и ценные подсказки, которые помогли мне более точно описать повседневные бытовые реалии, с которыми сталкивается обычная индийская женщина.

Низкий поклон Луке Джулиани, Иоахиму Неттельбеку и всем коллективу Научной коллегии в Берлине за то, что они предоставили мне возможности для работы, когда я на время оставила репортерские обязанности и занялась написанием первой версии этой книги.

Лоррэйн Эдамс, Джоди Эллен, Ивен Кэмфилд, Элизабет Данс, Рамачандра Гуа, Энн Корнхаузер, Молли Макграт, Эмми Уолдмен и в особенности Дороти Уикенден – спасибо всем вам за то, что читали наброски и давали ценные советы, стремясь сделать эту книгу лучше.

И, конечно, огромная благодарность всей моей семье, которая несколько лет назад приложила много усилий, чтобы справедливость

восторжествовала в деле Абдула Хусейна и его сограждан, и чтобы все они могли продолжать верить в правосудие. Мои близкие были для меня ориентиром – и в профессиональном, и в эмоциональном отношении, во время работы над этим проектом. Спасибо отцу, Клинтону Бу, Джону и Нику Бу, Тому Бу и Хелен Велварт, Кэтрин Тэшджин, Айше Сарабхай, Кайле Уайатт Леонор, Мэри Ричардсон, Мэтту Бур-Фоглю, благодаря чьему участию книга стала более цельной. Особая благодарность Джеку Бу, моему самому внимательному и придирчивому двенадцатилетнему редактору, а также двум женщинам с одним именем – Мэри Бу – моей прекрасной и талантливой сестре и маме, которая всегда оставалась моим самым преданным читателем и вдохновителем. И, конечно, спасибо тебе, Сунил Хилнани, – мой любимый, счастье всей моей жизни.

Об авторе

Кэтрин Бу, штатный корреспондент журнала The New Yorker, последние двадцать лет освещает проблему бедности. Она исследует вопросы распределения благ и возможностей в обществе, а также индивидуальные пути преодоления бедности. Ее публикации были удостоены «Премии гениев» Фонда Макартуров, Национальной журнальной премии в номинации «Очерк» и Пулитцеровской премии «За служение обществу».

Первый журналистский опыт Кэтрин Бу получила в газете Washington City Paper. Также работала редактором в The Washington Monthly и более десяти лет являлась корреспондентом и редактором The Washington Post. «В тени вечной красоты» – ее первая книга.

Примечания

1

Мумбаи (старое название – Бомбей) – один из крупнейших городов Индии, столица штата Махараштра. Расположен на Малабарском (западном) побережье полуострова Индостан. – *Ред.*

2

Майдан – на Востоке и в некоторых славянских и балканских странах (например, на Украине) – центральная площадь деревни, часто используемая как торг. Шире – вообще площадь. – *Ред.*

3

Джамбулан (джамун, слива джава, джамбул) – распространенное в Южной Азии садовое дерево, плоды которого, по форме и цвету напоминающие сливу, растут крупными гроздьями. Сок этих плодов имеет ярко-красный цвет. – *Ред.*

4

Тамилы – потомки древнейшего населения Индии, живущие в основном на юге страны. – *Ред.*

5

Имеется в виду Ид аль-Адха, один из главных мусульманских праздников, который в России традиционно известен как Курбан-байрам. В этот день принято приносить в жертву скот. – *Ред.*

6

В Индии в традиционалистских кругах оголение ног женщиной считается верхом неприличия. – *Пер.*

7

Абрахам Джон (р. 1972) – известный индийский киноактер. – *Ред.*

8

Басу Бипаша (р. 1979) – современная индийская актриса и модель. – *Ред.*

9

Традиционный индийский туалет представляет собой две опоры для ног, чтобы было удобнее сидеть на корточках, и отверстие в полу с подведенной к нему канализационной трубой (подобные конструкции еще нередко встречаются и в России, например, на провинциальных вокзалах). Для подмывания (эта процедура очень важна для мусульман) пользуются шлангом или просто набирают воду из стоящего в туалете ведра. Американским в Индии называют ватерклозет европейского типа. – *Ред.*

10

Каиф Катрина (р. 1984) – современная индийская актриса и модель. – *Ред.*

11

По состоянию на июнь 2013 г. 1000 индийских рупий была эквивалентна 17,32 доллара США. Таким образом, 12 000 рупий – это около 208 долларов. Это примерно две средние месячные зарплаты в Индии. – *Ред.*

12

Шив сена (*санскр.* «армия Шивы») – региональная ультраправая националистическая индуистская партия. – *Ред.*

13

Сейчас население Мумбаи (учитывая пригороды) превышает 21 млн человек. – *Ред.*

14

Девган Аджай (р. 1969) – известный индийский актер, режиссер, киносценарист, кинопродюсер. – *Ред.*

15

Люфа – теплолюбивая техническая культура с плодами, похожими на кабачок, или очень большой огурец. Из них делают губки и мочалки, но волокна применяются и для других целей. – *Ред.*

16

В Индии стирают белье, натирая его камнем или о камень. – *Ред.*

17

Кунби – западноиндийская каста, объединяющая крестьян и их потомков. – *Ред.*

18

Курта – традиционная индийская длинная рубашка свободного покроя. Носится навыпуск. – *Ред.*

19

Кулфи – индийский молочный десерт, род мороженого. Изготавливается с добавлением фруктов, специй, иногда даже хлеба. – *Ред.*

20

Лунги – кусок разноцветной, как правило, яркой, обычно полосатой или клетчатой ткани, который мужчины носят в качестве юбки. – *Ред.*

21

Гаджанан Махарадж (XIX в.) – обожествленный индуистский праведник, святой, деятельность которого была связана с Махараштрой. Именно здесь он особенно популярен. Видимо, изображение или статуэтка Гаджанана Махараджа имеется в доме у Айши. – *Ред.*

22

Маратхи – один из самых распространенных языков Индии. Входит в индоиранскую группу индоевропейской семьи языков. Численность носителей – около 80 млн человек. Официальный язык штата Махараштра, подавляющее большинство населения которого говорит именно на маратхи. – *Ред.*

23

Роти – индийская пшеничная лепешка с добавлением пряностей: зиры, куркумы, кориандра. – *Ред.*

24

Икбал Мохаммед (1877–1937) – один из лидеров общественного движения Британской Индии, поэт, философ, один из провозвестников создания Пакистана. – *Ред.*

25

Санни (*англ.* Sunny) означает «солнечный» – *Пер.*

26

Вада пав – популярное индийское блюдо, представляющее собой сэндвич из двух картофельных котлеток и несладкой булочки. Распространен в заведениях фаст-фуда штатов Махараштра и Гуджарат. – *Ред.*

27

Самоса – небольшой треугольный пирожок с начинкой из овощей с пряностями. – *Ред.*

28

Bombberman – классическая компьютерная игра типа аркады. – *Ред.*

29

Metal Slug 3 – популярная компьютерная игра в жанре «стрелялки». – *Ред.*

30

Бенгали – один из индийских языков, принадлежащий к индоиранской ветви индоевропейской языковой семьи. Распространен в штатах Западная Бенгалия и Трипур, а также в Бангладеш. Численность носителей оценивается в 200–250 млн человек. – *Ред.*

31

Мангур – сравнительно небольшая усатая пресноводная рыба с узким телом. Распространена в водоемах Индии. – *Ред.*

32

Дерево ашока – сарака индийская, вечнозеленое дерево, красиво цветущее весной ярко-оранжевыми цветками. В Индии считается священным. – *Ред.*

33

Фильм режиссера Фрэнсиса Лоуренса «Я – легенда». – *Пер.*

34

Имеется в виду роман английской писательницы Вирджинии Вульф «Миссис Дэллоуэй». – *Пер.*

35

Индийский национальный конгресс (ИНК) – старейшая и крупнейшая партия Индии. Основана в Бомбее (ныне Мумбаи) в 1885 г. С 1947 г. с небольшими перерывами является правящей партией страны. Держится леволиберального курса, ратует за национальное единство Индии. – *Ред.*

36

Бхаджи – острое индийское блюдо типа рагу из мяса с овощами. – *Ред.*

37

Пури – индийские лепешки, жаренные во фритюре. – *Ред.*

38

Мариамма – индуистское женское божество низшего порядка. Почитается всеми кастами в Южной Индии. – *Ред.*

39

Табла – индийский ударный музыкальный инструмент, состоящий из двух деревянных барабанов, отличающихся друг от друга по размеру. – *Ред.*

40

Бабá – в переводе с языка хинди – «отец». Вежливое обращение к уважаемому человеку, как правило, связанному с отправлением культа. – *Ред.*

41

Киноварь – минерал, сульфид ртути. Обладает ярко-красным цветом и используется в качестве неорганического красителя. – *Ред.*

42

Йелламма – индуистское женское божество, богиня исцеления, родов, мудрости. Ее бродячие жрецы, как мужчины, так и женщины, – транссексуалы. – *Ред.*

43

Ним (маргоза) – индийское дерево, лекарственное растение. Лист нима используют как жаропонижающее, для очистки крови, для лечения кожных заболеваний, для понижения уровня холестерина в крови и т. д. – *Ред.*

44

Fair and Lovely – очень популярное в Индии косметическое средство, выпускаемое местной одноименной компанией. – *Ред.*

45

Перевод: «Я красива, независимо от того, что обо мне говорят». – *Пер.*

46

Песня швейцарского ди-джея и продюсера Ива Ларока. – *Ред.*

47

Перевод: «Вставай! И больше никогда не падай./Вставай! Оковы сброшены давно». – *Пер.*

48

Реставрация – период в истории Англии (1660–1688 гг.). В 1660 г. была восстановлена монархия, упраздненная в 1649 г., и династия Стюартов вернулась на престол. – *Ред.*

49

Первая пьеса Уильяма Конгрива «Незнакомка» была написана в 1687 г., то есть действительно в период Реставрации Стюартов. Однако комедия «Пути светской жизни» появилась в 1700 г., через 12 лет после Славной революции, положившей конец правлению этой династии. – *Ред.*

50

Лайонс-клуб – массовая международная благотворительная организация с широкой сетью местных филиалов. – *Пер.*

51

Chase Manhattan Visa Card dialogue at Personaliteez Spoken English – игра слов. Автор пародирует длинные и не всегда хорошо продуманные названия старых самоучителей английского языка. Каламбур основан на названии классического голливудского кинофильма Manhattan Chase («Погоня в Манхэттене»). – *Ред.*

52

Водный гиацинт – растение с очень красивыми цветками. Вывезено из Южной Америки. Быстро разрастается, занимая огромные объемы

в водоемах. В некоторых странах, например, в Уганде, это привело к экологической катастрофе. – *Ред.*

53

На индийской свадьбе принято сыпать куркуму перед женихом и невестой, когда они выходят к гостям. – *Ред.*

54

Традиция носить кольцо на большом или втором пальце ноги распространена у индуистов. – *Ред.*

55

Пурда – индийское название системы жестких ограничений и запретов для женщин-мусульманок. Под влиянием ислама система пурда распространилась в той или иной форме среди некоторых индуистов. – *Ред.*

56

В исламе, которого придерживаются в семье Фатимы, принято перед захоронением заворачивать покойника в саван. – *Ред.*

57

Хан Салман (р. 1965) – индийский актер и телеведущий. – *Ред.*

58

Brylcreem – мужской крем для укладки волос, который производится британской компанией County Chemicals. – *Ред.*

59

Пайс – разменная монета Индии, 1/100 рупии. – *Ред.*

60

Великий Кали – знаменитый индийский рестлер (экс-чемпион мира) и актер, обладатель титула «Мистер Индия». – *Ред.*

61

В сари белого цвета обычно представала перед народом Индира Ганди, многолетний лидер ИНК и премьер-министр Индии. Она стала образцом для подражания для большинства женщин – активисток Национального конгресса. – *Ред.*

62

Тамаша – в Индии – представление бродячих артистов с песнями и танцами. – *Ред.*

63

Коровий навоз используется в Индии в качестве топлива. – *Пер.*

64

Кали – одна из важнейших богинь индуистского пантеона. Согласно одним представлениям она символизирует разрушительное начало вообще. Согласно другим Кали разрушает невежество и, таким образом, помогает человеку в познании божественной истины. Изображается как четырехрукая (или с еще большим числом рук) женщина. В некоторых локальных культах именуется «Кали тысячерукая». Принято считать, что кожа у нее голубого цвета, впрочем, на некоторых ее изображениях Кали предстает чернокожей. На санскрите, древнем языке индуистских священных текстов, *kali* означает «черная». Все эти аспекты традиционалистского восприятия мира индийцами и пытается обыграть автор в этой фразе. – *Ред.*

65

Ласси – индийский прохладительный напиток на основе сбитого молока с добавками. По сути – молочный коктейль. – *Ред.*

66

Издавна среди индуистов практиковался обряд сати, т. е. самосожжения вдовы на погребальном костре мужа. Британское колониальное правительство еще с конца XVIII века боролись с этим варварским

обычаем, который в конечном итоге был полностью запрещен. Однако окончательно искоренить его британцам не удалось. – *Ред.*

67

Godrej – торговая марка индийской корпорации Godrej Group, выпускающей широкий спектр промышленных товаров народного потребления, считающаяся в Индии весьма престижной. – *Пер.*

68

Факир – в переводе с арабского – «бедняк». У мусульман – бродячий монах, приверженец суфизма – мистического течения в исламе. По аналогии индуисты стали называть факирами бродячих аскетов. – *Ред.*

69

Джхаад-пхунк – магический ритуал исцеления и (или) изгнания злых духов. – *Ред.*

70

People – американский еженедельный журнал о знаменитостях. – *Пер.*

71

Джалеби – одна из самых популярных индийских сладостей. Представляет собой спиральки из теста, пропитанные сиропом. – *Пер.*

72

Неприкасаемые – представители самых низших каст. Согласно индийским поверьям, прикосновение к ним способно осквернить члена любой занимающей более высокое положение в традиционной иерархии касты. – *Ред.*

73

Далиты – одна из каст неприкасаемых. Часто это слово используется для обозначения всех неприкасаемых. – *Ред.*

74

Лах – неофициальная единица счета денег, равная 100 тысячам рупий. – *Ред.*

75

Шиби – легендарный царь, герой буддийской притчи, спасший бога Агни, воплотившегося в голубя, от бога Индры в образе ястреба, пожертвовав ему свою собственную плоть. – *Ред.*

76

Игры Федерации Содружества наций – созданные по подобию Олимпийских игр спортивные соревнования, в которых принимают участие страны – члены Содружества – Великобритания и ее бывшие колонии. – *Ред.*

77

Договор, подписанный в 2005 году, который фактически узаконил обладание Индией ядерным оружием. – *Ред.*

78

Чаван Яшвантрао (1913–1984) – первый главный министр штата Махараштра. – *Ред.*

79

Мангалсутра – нашейное украшение замужней женщины-индуистки. – *Ред.*

80

Бакалавр искусств – в Индии – низшая степень, присуждаемая студенту, окончившему курс неполного высшего образования. – *Ред.*

81

Бакалавр образования – в Индии – ученая степень, позволяющая

преподавать в школах. – *Ред.*

82

Официальное название программы – Reach Education Action Program (REAP) – *Ред.*

83

Западное скоростное шоссе – 25-километровая многополосная трасса в Мумбаи. – *Ред.*

84

Шакха – индуистская теологическая школа для брахманов. Некогда их существовало очень много, причем каждая придерживалась собственного, особого направления. В данном случае слово употребляется в фигуральном значении – «отделение партии». – *Пер.*

85

Крикет – командный вид спорта, традиционная английская игра с мячом и деревянными битами. Пользуется популярностью в Великобритании и некоторых бывших британских колониях, в частности, в Индии. Команда состоит из 11 игроков. – *Ред.*

86

Дикшит Мадхури (р. 1967) – знаменитая индийская киноактриса. – *Ред.*

87

Ганпати или, чаще, Ганапати – одно из имен Ганеши, бога с телом человека и головой слона. В индуистской традиции – бог мудрости и устранения препятствий. Изображается полным. – *Ред.*

88

Саи Баба (1926–2011) – один из религиозных лидеров современного индуизма. Был известен не вполне каноническим подходом к религиозным вопросам, но многими индуистами почитался святым. – *Ред.*

89

Рамадан (он же Рамазан) – священный месяц мусульман, во время которого предписывается пост в светлое время суток. – *Ред.*

90

Геликония – травянистое растение семейства банановых, стволы которого в высоту достигают трех метров. – *Ред.*

91

Чатни – индийское блюдо из тушеных или измельченных сырых овощей или фруктов с солью, сахаром и специями. Должно отличаться однородной консистенцией. – *Ред.*

92

Диск, записанный в 2007 году индийским певцом Агамом Кумаром Нигамом. – *Ред.*

93

Навратри (Наваратри) – индуистский праздник, отмечаемый дважды в год – весной и осенью. – *Ред.*

94

Холи – Новый год, отмечается весной. – *Ред.*

95

Точнее, Дахи ханди – праздник явления Кришны. – *Ред.*

96

Шальвар-камиз – наряду с сари самая распространенная женская одежда в Индии. Представляет собой комплект из длинной рубашки (камиз) и широких штанов (шальвар). В Индии, как и в других странах Востока, субтильное телосложение не считается идеалом женской красоты. Сари заметно больше подчеркивает очертания фигуры, и по сравнению

с ним шальвар-камиз предоставляет куда большие возможности для сокрытия такого физического недостатка, как худоба. – *Ред.*

97

Видарбха – преимущественно аграрная область в штате Махараштра, в которой проживает свыше 30 % его населения. – *Ред.*

98

Бесплодие в индуистской традиции – признак гнева богов. – *Пер.*

99

Идлис – традиционное тамильское блюдо, клецки из рисовой муки, готовящиеся на пару. – *Ред.*

100

Амбани Мукеш – самый богатый человек Индии, по версии журнала Forbes. Основной владелец холдинга Reliance Industries, крупнейшей частной компании, оперирующей в нефтегазовом секторе, нефтехимической и текстильной отраслях. – *Ред.*

101

Дивали (он же Дипавали) – главный праздник индуистов. Символизирует победу доброго начала над злым и отмечается как красочный фестиваль огней. – *Ред.*

102

Название явно ошибочное. Мельхиор – сплав меди и никеля, иногда с добавлением других металлов. – *Ред.*

103

Хаджи Али Даргах – мечеть, одна из главных достопримечательностей Мумбаи. Построена в 1431 г. в память о мусульманском праведнике Сайеде Пир Хаджи Али Шах Бухари. Расположена в полукилометре от города на маленьком островке, связана с сушей пешеходной дамбой. – *Ред.*

104

Манхурд – пригород к востоку от Мумбаи. – *Ред.*

105

Пуджа – в индуизме – регулярная или особенная молитва, проводимая вместе с ритуалами подношения изображению божества. – *Ред.*

106

В 2009 году премьер-министром Индии стал Манмохан Сингх, впервые занявший этот пост в 2004 году. Остается он на нем и поныне. – *Ред.*

107

Суфизм – мистическое течение внутри ислама. – *Ред.*

108

Вращение вокруг своей оси под музыку – распространенная суфийская практика, помогающая танцующему впасть в мистический транс, а зрителям – в религиозную экзальтацию. – *Ред.*

109

Маннат (точнее, манаат) – в исламе – молитва об исполнении желаний. – *Ред.*

110

Вапи – промышленный город в Гуджарате. – *Ред.*

111

Кальян – крупный пригород города Тан, расположенного в штате Махараштра. – *Ред.*

112

Муж автора – профессор Сунил Хилнани, политолог, директор

Колледжа короля в Лондонском институте Индии. – *Ред.*